

Изгнанник

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Reigon Nort

Reigon Nort

Изгнанник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68253388

SelfPub; 2023

Аннотация

Нам часто в жизни выпадают испытания, которые, как нам кажется, не в состоянии преодолеть даже супергерои, но, за неимением выбора, мы продолжаем бороться, отстаивая собственное право на выживание. Именно об этом данная книга. На долю её героев выпадает немало трудностей, с которыми они пытаются совладать всеми доступными средствами. Кто-то проходит через них, а кто-то погибает. Прочтите и решите для себя, способен ли человек справиться с такими вызовами или это возможно только в фантазии автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог. Узник.	4
Глава первая. Воин.	13
Глава вторая. Маг.	50
Глава третья. Страж.	91
Глава четвёртая. Предатель.	131
Глава пятая. Пастух.	173
Глава шестая. Учитель.	229
Глава седьмая. Король.	327
Глава восьмая. Генерал.	392
Эпилог. Герой.	464

Reigon Nort

Изгнанник

Пролог. Узник.

Полуостров Мортига, самая северная часть континента, отрезанный от остального мира сильными снегопадами и метелями, он имел сообщение с материком Ролен лишь в трёх месяцах: мае, июне и июле. Именно тут когда-то возвели тюрьму Осор, где теперь в позоре и бесчестии доживали свои дни самые ненавистные королю преступники. Стража обращалась с заключёнными хуже, чем можно было себе представить, но всё равно ни кому и в голову не приходило бежать отсюда. Ведь даже если побег увенчается успехом, что маловероятно, поскольку на охрану тюрьмы-крепости не скупилась, то беглец окажется на клочке земли покрытой метровыми слоями снега, омываемой ледяными морями способными вызвать обморожение и некроз тканей едва тот намочит палец. И только лишь узкий кусок суши соединял полуостров с материком – настолько не значительный, что от моря Ленра до моря Эгайл можно было дойти за час. Оттого на этом перешейке была только одна дорога, вокруг которой стоял форпост – как дополнительное средство охраны. Здесь, также как и в крепости, круглосуточно несли вахту

стражники, и именно сюда из большого мира раз в год привозили провиант, оружие и припасы для тюрьмы. Чтобы никто из заключённых не забрался в пустую телегу, и не уехал с полуострова, повозки разгружали тут и отправляли их обратно вместе со стражниками, которые окончили свою службу. А уже потом служащие форпоста, грузили всё на свой транспорт и везли необходимый фураж в крепость-тюрьму. Именно поэтому за всю историю королевства Фендал, никто и никогда не выходил из этих застенков даже в те три тихих месяца, когда снег и метели брали передышку.

Но в этот раз всё случилось иначе. Впервые за не очень долгую, но мрачную историю этого места, глава охраны аванпоста (не без препирательств) пропустил к замку роскошную карету с символикой царской династии, пришедшей вместе с ежегодными телегами и повозками.

Золотой лис, держащий в зубах изумрудный трезубец, ярко сверкал с обоих боков кареты, долгий путь из столицы никак не отразился на её внешнем виде, грязь была только на колёсах и больше нигде.

Стража такой претенциозный транспорт увидела издаലെка, поэтому уже у входа стоял начальник стражи и он же интендант крепости с выстроенными в ряды караульными. Ворота тяжело и со скрипом поднялись вверх; гужевая упряжка заехала внутрь, все стражники склонили головы, полагая, что там король; дверцы открылись и из неё вышли двое, короны никто из них не носил. Да, это были знатные люди из

очень благородных домов, но всё же не из королевской семьи. Интендант подошёл к паре путников и в ответ на поклон ему молча протянули письмо, скреплённое королевской печатью.

Двадцать один год провёл Альберцион в темнице. Безжизненность каменных стен и жестокое обращение стражников многих сводила с ума даже за вдвое более короткое время. Люди страдали на столько, что порой мечтали о казни, но это желание было для них несбыточным: сидевшие здесь слишком высокородны, чтобы их убивать, но слишком опасны, чтобы отпускать или держать в других местах – откуда больше способов сбежать. Однако самый талантливый из военачальников короля всегда был крепче остальных и волей, и решимостью, потому сохранил твёрдость ума и рассудка. Вот только тело было истощено и лишено прежних боевых способностей.

С каменной лестницы доносился лёгкий звук лат и лязг ключей.

«Стражники снова идут кого-то бить» – Подумал Альберцион. За столько лет пребывания за решёткой, его волосы и кожа утратили свой изначальный цвет: стали серыми словно пытались слиться с окружающими стенами.

Звук становился громче, но его не пугала возможность визита стражников, за пять лет войн с ним случались вещи и похуже избиения.

Лязг прекратился как раз напротив его двери – всё-таки пришли к нему. С тяжёлым металлическим звуком, похожим на грохот и скрип одновременно, замок открылся, и дверь неспешно раскрылась.

– На выход предатель, тебя везут в столицу. – Как можно громче просипел стражник пропитым и истерзанным простудами голосом. Чтобы стать обладателем такого brutального голоса. За свои сорок с небольшим, ему пришлось прикончить немало десятков бочек крепкого алкоголя. Предпочитал он конечно ром, но пил вообще всё что горит, и это пагубно сказывалось на его здоровье. Ему часто приходилось ушивать свою кольчугу, и подгонять по размеру латы. Так как он постоянно терял в весе. Чему все заключённые непременно радовались. Ведь всякий раз, когда он напивался у него «чесались» кулаки, поэтому после каждой попойки этот стражник шёл бить узников. И с каждым годом его удары становились всё слабее.

– Кажется, король наконец-то решил отрубить тебе голову! – Ехидно произнёс второй стражник. Его улыбка радостно сияла, как и его броня. Этот тип явно следил за собой: всегда выбритый, всегда в чистом, даже когда пьяный.

Альберион не любил заставлять других ждать, да и вещей у него никаких не было, поэтому он, не мешкая отправился к выходу. Поднявшись по винтовой лестнице на четыре этажа, пленника охватила экзальтация, которую не могла испортить даже новость о возможной казни, ведь впервые за

двадцать один год он находился не под землёй. Узник вместе с сопровождающими стражниками оказался выше уровня земли в просторном каменном холле с большим и очень прочным деревянным столом, пропитанным смолой для более долгой службы. В этом самом северном строении материка была очень высокая влажность, а потому всем деревянным сооружениям требовалась дополнительная защита. Помимо стола было ещё пару рядов шкафов из того же лакированного дерева, на полках которых стояли книги с именами всех кто, когда-либо провёл свою жизнь в этих казематах. Конечно же, подавляющее число полок были пусты, ведь эту крепость-тюрьму построили не очень давно, но самой дурной славой оно обзавестись успело – некоторые люди умоляли о любом наказании лишь бы не попасть сюда.

Приговорённый наконец-то вновь увидел окна, через которые солнечный свет пронзал крепость, впиваясь в неё, словно волк в старого оленя. Выход из зала закрывали гротескные двустворчатые ворота, сделанные из самого прочного дерева, дополнительно укреплённые кованым закалённым металлом. Их надёжность позволила бы выстоять им десяток часов даже против самого тяжёлого тарана. Ширина была такой, что сюда бы могли въехать сразу три кареты в ряд, а высота позволила бы поставить две кареты друг на друга и они всё равно бы заехали.

Стражники открыли ворота, и морозный ветер сразу же добрался до костей Альберiona. Его жёстко подхватили под

локти и буквально поволокли к той самой карете с королевским гербом, у которой всё ещё стояли два лица из королевской стражи. Их доспехи разительно отличались своим роскошеством и изяществом, но при этом выкованы были из куда более надёжной стали, нежели облачения городских и тюремных стражников.

Узник не узнал их лиц: когда он последний раз был в столице, среди охраны короля этой пары не было. Один из них, также грубо, схватил заключённого и впихнул его в карету, после чего залез и сам, а следом и его напарник шагнули внутрь. Затем они оба уселись напротив преступника.

Вошедший последним приказал извозчику трогаться, после чего закрыл дверь и швырнул в некогда самого молодого генерала армии тёплую одежду. Он незамедлительно оделся, при этом всячески старался не показывать что ему холодно: потребовалось не малое усилие воли, что бы унять дрожь в руках и коленях. Отсюда до столицы ехать полгода, а потому Альберион решил узнать своих попутчиков получше.

– На вашей нашивке вебрь под деревом, герб рода Деран? – Спросил он у стражника слева, выглядевшего по мере, но будучи при этом сильно крупнее второго конвоира.

– Да, неудивительно, что вы сомневаетесь, наш род не так давно стал известным. – С ненавистью в глазах и фальшивым радушием в голосе ответил стражник, потирая кулак.

Раздался звук плётки, и карета медленно тронулась, под глухой хруст морозного снега.

– И что же такого случилось, что ваш дом стали почитать в приличном обществе? – В голосе приговорённого звучали нотки издёвки.

– Мой дед командовал армией защищавшей крепость Хиски от вашей армии мятежников. Он погиб, но так и не сдался. Люди в столице чтят его подвиг. – С надменной гордостью произнёс наследник дома Деран.

– Но вот крепость я всё равно взял. Ваш дед был храбр, но глуп. – Он уже явно нарывался. Глаза его собеседника заблестели очень нехорошим огнём.

И возглавлявший мятеж почти двадцать пять лет назад перевёл своё внимание на другого попутчика.

– Вашего герба я не узнаю, но полагаю, кто-то из ваших родственников тоже погиб из-за моего бунта? Да и ваше лицо мне кажется знакомым? – Бывший военачальник королевской армии специально не возвращал свой взгляд назад к левому стражнику. Пусть его злость наберёт силу, его сначала оскорбили, а теперь игнорируют. Такое заставляет человека вскипеть от ярости.

Позади отчётливо раздался металлический грохот закрывающихся ворот.

– Вы совершенно правы. В осиновом лесу вы устроили засаду на одну из армий короля, и в битве собственноручно убили моего отца. А я точная его копия. – В глазах этого паренька ненависти не было, только боль и досада от воспоминаний о случившемся.

– А! Узнаю, да. Имени его не вспомню, но не забуду, как вонзил свой меч ему в живот. – Внезапно весь запал Альбе-риона пропал, к его собственному удивлению, возможно, он теперь повзрослел, а может, сказывается слабость после долгого заточения, но ему тоже стало грустно. Он стал испыты-вать сострадание к этим людям и вину за гибель их близких.

Но, не смотря на грусть и самоедство, его мозг продолжал раскидывать варианты, как игральные карты за столом. Ему в конвоиры отправили двух молодых и наверняка безрассуд-ных парней. У которых, есть абсолютно понятное стремле-ние его убить. И глава королевской стражи не мог об этом не знать. Скорее всего этих солдат назначили в королевскую стражу, почти сразу после того как стало известно о том, что его, самого ненавистного бунтаря и мятежника, собираются вернуть в столицу.

А, следовательно, кто-то очень сильно не хочет, чтобы он, в прошлом один из самых важных, влиятельных и известных представителей придворной знати королевства Фендал, вер-нулся в столицу.

– Что ж поездка, судя по всему, выйдет занимательной. – Мысленно протянул предатель короны и нарушитель прися-ги. Ситуация в которой он оказался, его забавляла, убрав в сторону мысли о побеге. Всё равно попытка убраться была обречена на провал: на нём были очень тяжёлые кандалы, вновь нацепленные после того как он надел тёплую одежду. Но даже если бы оных не было, он не держал в руках меч уже

очень давно, и сейчас у него нет ни единого шанса справиться с этими двумя, даже в битве один на один. Но конечно его останавливало не только это, ему очень хотелось узнать, во что выльется его новое путешествие до столицы. Предыдущее, что началось двадцать четыре года назад, окончилось для него трагедией, но он всё равно о нём не жалел.

Глава первая. Воин.

Вспоминая родной город (или село) наше воображение осторожно преподносит нам картины, где мы: играем с друзьями, братьями или сёстрами; заботливо обнимаем мать; не очень внимательно слушаем жизненные уроки отца, готовящего нас к взрослой жизни. И старательно прячет печальные холсты, на которых мы: разбиваем нос; ломаем руку; дерёмся за самую красивую девушку. Всё плохое всегда скрывается где-то в глубинах нашего сознания, оберегая от ненужной грусти и печали, интересно, а осознано ли мы делаем подобное или это защитный механизм нашего подсознания. Но как бы там ни было – ностальгия по былым временам и старым местам частенько одолевает всех нас, даже если там и тогда мы больше страдали, чем радовались. И тяжёлая тоска накрывает унылыми вечерами, заставляя бесцельно смотреть в окно или потолок.

– Мой любимый, столь близкий сердцу город! Кажется, я не был здесь целую вечность. – Альбертион произнёс эти слова с радостью, поддавшись той самой ностальгии, казалось бы, здесь его хотели когда-то казнить (и до сих пор хотят), но эйфория бурлила, кипела, словно долго стояла в чаше на жарком огне.

И то же самое творилось и в его сердце, которое разрывалось от счастья, ведь он снова увидит семью, но при этом

сдавливалось болью, поскольку самая вероятная причина его приезда сюда это публичная казнь.

– Здесь абсолютно ничего не поменялось за последние годы. – Немного по-дружески произнёс Гарет, это тот стражник, что был старше и худее.

За те полгода, что они ехали от тюрьмы до столицы, узник успел с ними познакомиться и даже немного сблизиться. Друзьями они конечно не стали, но убить его они уже хотели меньше, но всё равно хотели.

Карета, немного подпрыгнув на подъёмном мосту, минула крепостную стену, завозя внутрь самого опасного и самого презираемого предателя короны, который с упоением смотрел в окно дверцы, жадно изучая улицы.

В государстве, которое постоянно с кем-то воюет, а когда не воюет, то активно готовится к войне, высокого уровня жизни ждать глупо. Ещё до заточения Альбериона, в стране процветала нищета и болезни, на улицах было грязно – голодным людям не до гигиены. Но только не в столице, тут всегда царила чистота (специальные служащие с телегой дважды в день обходили все дома и забирали помои, которые потом вывозили в ямы за чертой города, и такое практиковалось во всех городах с населением больше сорока тысяч). А все горожане если не утопали в роскоши, то постоянно баловали себя излишками. Не умея, и даже не думая экономить хоть на чём-нибудь.

В этом городе не было: ни кузнецов, ни ремесленников,

ни мануфактур – здесь вообще не было рабочих и работающих. Все товары в этом городе привозились со всей страны, и привозились, разумеется, с избытком. Здесь можно было найти абсолютно всё, что продавалось благодаря: бесконечным лавкам, прилавкам, рынкам и торговым площадкам – город торгашей готовых продать даже себя и покупателей, не знающих, куда девать деньги.

Сам же город был настоящей жемчужиной полностью построенный из необычного камня, цвет которого менялся в течение дня: на рассвете город был нежного бледно-синего цвета, в полдень он был абсолютно белый, ну и на закате его оттенок становился изумрудно-зелёным, а ночью в свете факелов камни становились молочно-красными, но не розовыми.

Из-за этого люди приезжавшие сюда всего лишь раз, да и то на несколько часов, называли этот город по-разному. Кто-то называл его голубым городом, кто-то белокаменной крепостью, ну а кто-то изумрудной жемчужиной. Но настоящее имя города – Вирган, столица всего королевства, обиталище людей держащих у себя все деньги мира и власть, столь пьянящую для многих дворян.

Восхитительные роскошные дома построенные всё из того же, что и сам город, камня, возвышались над мощёными дорогами и улочками. Между ними блистали своей невероятной красотой сады и парки, состоящие сплошь и рядом из маленьких фонтанчиков и величественных деревьев на ко-

торых росли неправдоподобно яркие зелёные листья, будто каждую ночь их раскрашивали дорогой глянцевой краской.

Многочисленные цветастые клумбы перед входом в каждый дом, резные, но при этом очень крепкие двери из редчайших пород древесины, на которых непременно красовались, вырезанные лобзиком и трудолюбивыми руками, животные, а над входом всегда висел фамильный герб.

– Да-а, я как будто и не уезжал. – Ностальгически протянул приговорённый.

– А вот и главная площадь и дворец короля. – Немного тихо пробубнил Вергонт, он всегда очень тихо говорил, словно плохо владел речью – зато мечом владел искусно. Пока они добирались он каждый вечер, пару часов перед сном, упражнялся в фехтовании.

Карета остановилась. Через её стеклянное окно лица различить было невозможно. Но и слепой бы ощутил, что на площади многолюдно.

Более старший стражник, открыв дверь транспорта, вышел, через пару шагов он встал смирно, придерживая дверцу. Затем, на воздух полез его младший товарищ, и в такой же позе застыл напротив него. Мгновение спустя они оба кивком указали конвоируемому в сторону площади.

Пора было выходить. Бывший генерал никогда не любил мешкать, потому быстро оказался снаружи.

Яркое южное солнце ударило в глаза, он непроизвольно сощурился, в висках прокатилась боль, в уголках век появи-

лись слёзы. Вирган не был самым южным городом королевства, на другом берегу залива Стриктаб стояли ещё города, а так же мыс Юдар – самая южная точка материка. Но столица возведена на территории, где субтропический климат начинал перетекать в тропический, поэтому тепло и солнечно здесь было даже в Ноябре.

Глаза довольно быстро стали привыкать к свету и Альберрион смог лучше разглядеть черты приближающегося к нему силуэта. Он конечно очень давно не видел Джермейна, они распрощались ещё до того как его упекли в темницу, но всё-таки это лицо ему не забыть никогда: серые глаза и русые волосы, широкая челюсть и не большой нос. Да, за это время он вырос на целый метр и в плечах стал шире раза в три, но всё равно мимолётного взгляда хватило, чтобы узнать в приближающейся фигуре Джермейна – его единственного, а потому невероятно сильно любимого брата, который был младше узника на четыре года.

– С возвращением домой брат! – Он явно репетировал эту речь, неоднократно представляя себе этот момент. Его широкая улыбка ярко засияла, но ещё ярче сияла корона на его голове.

Младший брат развёл руки стремясь обнять старшего брата.

– Джермейн, братишка я тебя вечность не видел, с радостью тебя обнял бы, но... – Мятежник поднял свои руки, показывая, что они в кандалах, и немного виновато улыбнулся.

В глазах брата вспыхнула ярость, казалось, что он сейчас готов убить кого-то. Но вот кого?

– Вы что?! Всё это время везли его скованным?! – Гневно, но, не теряя самообладания, и достоинства, прорычал он сквозь зубы. – А ну снимите эту срань с него немедленно!

Вергонт торопливо достал ключ из кармана и принялся освобождать заключённого, он спешил, как мог, отчего получалось только медленнее. Но вот оковы спали, и стражник, звеня цепями, отошёл в сторону.

– Я так рад видеть тебя живым! – Сказал монарх, крепко обнимая брата. – Как много у тебя седых волос! – Продолжил он, оглядывая новоприбывшего с ног до головы. Объятия их закончились, но они продолжали держать друг друга за плечи и с улыбкой смотреть друг другу в глаза.

– Это всё возраст и недостаток солнечного света, я думаю, у тебя уже тоже начала появляться седина. – Альберион смущённо улыбнулся, он всё ещё чувствовал себя неуверенно, не понимая для чего его сюда привезли.

– Будем надеяться, что это делает нас только краше, а иначе с такими волосами ты и не женишься ни когда. – Джермейн рассмеялся.

– Я смотрю, ты теперь король, значит отец... – Ему не хватило сил закончить фразу, невесть откуда взявшийся ком подкатил к его горлу, закрыв проход словам.

– Он умер год назад, теперь я правитель. И первым же указом я приказал тебя освободить. Так что не будь таким

угрюмым, ты здесь не для того чтобы расстаться с головой. Пойдём со мной, я тебя провожу.

Они отправились в сторону от дворца, по белой выложенной из каменных плит дорожке ведущей дальше в небольшой лес. Стража хотела пойти с ними, но он приказал тем оставаться на месте.

В стране Фендал мёртвых хоронили в земле, ставя над могилами мраморные или хотя бы гранитные бюсты, дабы легче было вспоминать образы давно ушедших, но всё ещё горячо любимых близких сердцу людей.

Но так «вечную память» устраивали для бедных или безродных людей.

Семьи же отмеченные королём за особые заслуги перед отчиной, а именно такие становились знатью, хоронили близких родственников в фамильных склепах уходящих глубоко под землю. Стены, пол и потолок таких мемориалов обкладывали серыми камнями, обтёсанными до прямоугольной формы и гладкой поверхности. А площадь этих помещений не уступала самым большим дворцам королевства. У входа же, в специальных углублениях, всегда лежали пару десятков факелов и масляных светильников. Сами же покойные находились в каменных саркофагах, у изголовья которых и стояли бюсты с изображениями умерших. Богатые знатные семьи помимо мёртвых в склепах предпочитали прятать ещё и различные ценности: золотые тарелки; кувши-

ны; вазы из фарфора или хрусталя, а так же редкие украшения. Скрывались такие богатства не в самих каменных гробах, а в предварительно выкопанных потайных местах заложенных камнями. И только члены семьи знали, где эти схроны.

Королевская семья в своём склепе держала только своих предков, ни какого золота тут не было, исключительно мёртвые: дедушки, бабушки, прабабушки, прадедушки и непосредственно родители Альберiona – все сплошь представители главной линии королевской династии за все три тысячи лет.

Стоя у саркофага матери, он беззвучно плакал. Его лицо всегда слабо отображало эмоции, царившие внутри: поджатые губы, наморщенный лоб и полуприкрытые веки – всё, что указывало на грусть, в которой пребывал его разум, ну ещё плохо различимые в темноте слёзы на щеках. Ему не хватало смелости поднять голову и посмотреть на статую с её изображением.

– После того как отец отправил тебя в Осор мать замкнулась в себе, она перестала разговаривать и за пару месяцев постарела лет на десять, а через три года умерла. Она очень сильно любила тебя, сильнее, чем кого-либо. – Джермейн стоял справа от брата, положив левую кисть на его плечо.

– Любила, а я её подвёл, пойдя против семьи. Она умерла из-за меня, какой же я ужасный сын! – Чувство вины давило на него, он уже готов был рухнуть на колени под этой тяже-

стью.

– Не говори так! – Успокаивающе произнёс его младший брат. – Ты поступил, так как счёл необходимым. Отец был горд тобой, когда ты открыто, бросил ему вызов, сказав, что не согласен с его политикой. Он ходил по дворцу довольный, говоря, что воспитал настоящего мужчину, не боящегося высказать своё мнение даже наперекор королю.

Бывший принц повернул голову немножечко левее, переводя взгляд туда, где стоял саркофаг отца.

– Что-то такое он мне и сказал при нашей последней встрече. Я был уверен, что он прикажет отрубить мне голову, начнёт обвинять меня, кричать, что я подлый предатель и неблагодарный сын, но нет, он сел напротив меня и начал говорить, как он мной гордиться. Странная мы семья. – Он слегка улыбнулся.

– Других семей и не бывает. – Ответил нынешний король Фендала.

– Наверное, ты прав. – Альберион посмотрел на брата.

Тот посмотрел в ответ с удивлением; вытаращил глаза, будто вспомнил что-то важное и ухватился за голову.

– Точно! Я же тебя со своими не познакомил, у меня же жена и сын. Ему пока шестнадцать, но он уже лучший фехтовальщик королевства. Идём, я тебя им, представлю. – Голос Джермейна дрожал и скакал в интонациях, выдавая неподдельную радость (такую, которую можно было спутать с волнением).

– Дай мне ещё минутку брат.

– Хорошо, оставлю тебя одного.... Буду ждать наверху.

Альберион сидел в украшенной золотом фарфоровой ванне, края которой были округлые словно перила, а ножки исполнены в виде массивных львиных лап. Тёплая вода с добавлением специальных ароматизирующих и смягчающих банных масел приятно расслабляла тело и унимала ломящие кости.

Конечно, и в темнице Осор за гигиеной заключённых следили: раз в неделю приходила пара охранников, приказывала узнику раздеться и обливала того из ведра, а затем уходила, оставив на койке полотенце. К их чести надо отметить, что жидкость в ведре каждый раз была тёплой и далеко не всегда пахла мочой. Но всё равно это мало походило на полноценную помывку.

Поэтому сейчас брат короля наслаждался ванной, как поцелуем любимой. И даже если бы ему оставалось всего десять минут до казни, это всё равно бы не испортило столь долгожданного удовольствия.

Слуги выбрили и подстригли его ещё двадцать минут назад, и уже ждали на примерке костюма. Но впервые в жизни он, некогда прославившийся своей решительностью, не хотел спешить.

В дверь вновь постучала прислуга, настойчиво напоминая о том, что светский раут организованный самим королём в

его честь вот-вот начнётся, и все окажутся в неловком положении, если виновник сего празднества опоздает.

Отец считал, что любимое занятие его старшего сына – война, но это было не так. Альбертион больше всего любил балы. Слушать красивую музыку кружась с обаятельной девушкой в медленном вальсе, для него самое приятное занятие на свете. Поэтому на бал он, конечно же, пойдёт, и будет там вовремя.

Он нехотя вылез из ванной, взял сразу пару белых полотенец с тумбочки, выполненной из граба покрытого несчётными слоями багрового лака, и начал не спеша ими вытираться.

В дверь начинали стучать всё настойчивей.

Не утруждая себя излишней скромностью, он открыл. Вид его полностью голого тела никого не смутил. В помещение стали входить слуги, держа различные мужские платья. А последний внёс расчёску и сливочное масло.

Нет, масло никто есть, не собирался, им нужно было смазать волосы, перед тем как расчёсываться. Пахли они после такого ужасно, но зато приобретали роскошный блеск.

Даже в те дремучие времена, когда королевство Фендал занимало одну шестнадцатую часть материка, а не три четверти как сейчас, а знать и близко не обладала такими богатствами, какими распорядилась теперь, высшее дворянство часто устраивало балы. В благородном обществе считалось моветоном, если семья, хотя бы раз за год не потратилась

на званый ужин с изобилием деликатесов на столах и изящной музыкой в исполнении лучших музыкантов материка. Шестьдесят лет назад менестрели приезжали сюда из других стран, а теперь на всём материке осталось всего две страны. И почти все музыканты предпочитали жить по западную сторону от Кемад (горного хребта полностью пересекающего материк по долготе). Так что недостатка музыкантов в королевстве не было, как и кулинарных шедевров.

С каждой захваченной страной разнообразие блюд в рационе богачей росло. Да и дворцы становились всё роскошней, а костюмы изысканней, потому и празднования в честь своей изобильной жизни превращались во всё более захватывающее и волшебное зрелище. Все пытались похвастаться друг перед другом своими деньгами, но, конечно же, никто не мог превзойти королевские балы. Они всегда для всей знати были главным событием года или времени года, если у королевской четы хватало поводов для нескольких пиршеств.

Для бала Альберион выбрал расшитый серебряными нитями двубортный суконный камзол любимого тёмно-красного цвета. (Во времена службы у своего отца и доспех, и клинок принца имели полностью бордовый цвет, даже конь был чересчур рыжим. Воины других стран, не без страха, звали его кровавым генералом, хотя особой жестокостью наследник трона не отличался, скорее наоборот, тщательно старался избегать не нужных жертв. Что порой приводило только к ещё большему кровопролитию, так что, сам того не желая

своё прозвище юный принц частенько оправдывал.)

Однако, не смотря на свой фаворитизм в цветах, штаны он выбрал из нежно-голубого репса с вышитыми золотом цветами по бокам, и белой шёлковой подкладкой. Также, из белого шёлка была и его рубашка с чересчур выпирающим жабо, приобретающим под разными ракурсами то синий, то серебристый цвет.

Обер-церемониймейстер, одетый в бирюзовую ливрею, объявлял каждую прибывшую на бал семью. По традиции сначала он называл имена, фамилии, и титулы самых низкородных представителей знати, затем он оглашал стоящих в благородной касте на ступень выше. И так, по нарастающей, до самого короля и его супруги. Каждая семья, даже королевская могла войти в бальный зал только после того как их прибытие огласит обер-церемониймейстер, на время званого ужина он был главным в стране. И по той же традиции все уже находившиеся в праздном зале должны были кланяться вошедшим, в знак уважения перед их статусом. И эти порядки бережно чтит на протяжении тысячелетий.

Альберион стоял в холле перед залом, совершенно один. Поскольку всех приглашённых уже огласили, остались только он и королевская семья, но та войдёт через другой проход. Дожидаясь, когда произнесут его имя, бывший принц, вспоминал, как он также стоял перед началом бала рядом со своим отцом и матерью, в своём любимом красном костюме, мать часто говорила что тот ему очень к лицу. Их появление

всегда было главным событием, юные красавицы выстраивались в очередь, чтобы потанцевать с наследником трона, и каждая надеялась, что именно её он выберет своей принцессой.

Охваченный волнительными воспоминаниями виновник бала не сразу расслышал своё имя. Лишь когда широкие окрашенные в молочно-белый цвет позолоченные двери отворились, до него дошло, что пора выходить.

Более двух тысяч человек в изысканных нарядах и самых дорогих украшениях, общались друг с другом в просторном зале, освещённом десятью тысячами свечей. Деревянные столы, облагороженные резьбой и накрытые скатертями из дамасской ткани, стояли вдоль стен, дабы не мешать танцевать людям в центре зала.

За почти два десятка лет заключения, много чего забылось из боевых навыков, но вот дворцовый этикет отложился в памяти надёжней. И он вошёл в зал роскошеств и излишеств, так как подобает благородному человеку. Но никто не ответил на это любезностью.

Из присутствующих ни один, не склонил голову в вежливом поклоне, не посмотрел ему в глаза, они вообще не смотрели на него. Демонстративно выражая своё признание к нему, все окружающие повернулись спиной. Идя по залу, он видел только затылки.

И вот теперь в голове вспышкой молнии пронеслась мысль:

(Обер-церемониймейстер не назвал его фамилии! Произнесли только его имя, но не фамилию. А значит он всё ещё преступник, освобождённый, помилованный, но преступник, изменник, предавший свою семью и государство. Безродная челядь, в глазах привилегированной знати.)

Отец лишил его всех титулов, права наследовать трон, и фамилии, он отрёкся от него, узнав о его намерении поднять восстание.

(Ты мне больше не сын, ты больше не принц, ты больше никто! Ни один человек не вступит в армию такого безродного выродка как ты!)

Так он кричал в тот вечер, брызгая в гнев слюной, будучи при этом изрядно пьяным. И слово своё сдержал, подписав на следующий же день указ о лишении своего старшего сына всех привилегий и званий. Превратив его в безродного человека, у которого теперь даже родителей не было.

Таким он и остался по сей день. Его освободили да, но он всё ещё человек без статуса: ни дворянин, ни князь, ни лорд и даже не пастух. Просто освобождённый узник, которому так и не простили предательства.

А для этих людей, если ты не являешься представителем знати, то ты и не человек вовсе. Да теперь у их лошадей родословная длиннее, чем у него, да и слуги в кастовой цепочке стоят выше него.

И тут Альбериона впервые в жизни охватила ярость, исказившая его взор. Всё вокруг поплыло, как на свежей кар-

тине оставленной под дождём. Люди, стены, долбаные свечи – всё начало искривляться и смешиваться. Дыхание сильно участилось, сердце забилось с такой частотой, что могло загореться. Но закалённый в боях характер помог ему собраться и вернуть своё состояние в норму, только челюсти он не смог разжать, они сомкнулись так крепко, что зубы начинали скрипеть.

(Сборище лицемерных ничтожеств! Если бы я только выиграл ту войну, вы бы все сейчас по полу ползали, говоря о том, какой я великий король!)

Он продолжал размеренно идти по начищенному до блеска мраморному полу.

(Но я проиграл, получив навек клеймо изменника! И потому вы готовы меня в грязь втоптать, лишь бы покрасоваться перед окружающими своим лицемерным благочестием!)

(Глядите, как я уел этого предателя.)

(Поделом ему! Пусть бы и дальше гнил в темнице!)

Разносились воображаемые голоса несуществующей толпы в голове Альберiona, когда тот брал бокал с вином. В самом же зале по-прежнему царила надменная тишина, словно в любительском театре, где артисты настолько бездарно играли пьесу, что всем зрителям было скучно, но каждый из них страшился издать хотя бы звук, ибо мог прослыть бескультурным плебеем в глазах окружающих.

(Ничего. Я не привык отступить. Я ещё заставлю всех

этих лордов и князей мне сапоги лизать, да так что они будут блестеть ярче, чем этот пол. Я их заставлю меня уважать.)

– Его высочество Джермейн Двэйн, её высочество Люсиль Двэйн и его светлость Киллиан Двэйн. – Гордо произнёс обер-церемониймейстер. Перечисляя всю королевскую семью, он сделал свою выправку ещё строже, хотя казалось, что шире плечи и ровнее позвоночник сделать уже невозможно. Затем он развернулся и удалился в ту самую дверь, через которую все вошли.

Сама же королевская чета, появилась на широком лазурном балконе, возвышавшимся над всем помещением, (выше были только люстры).

Конечно же, перед балом младший брат познакомил его со всей своей семьёй. И они ему понравились. Королева была хороша собой и воспитана как настоящая леди. А племянник был непогодам умён, обладал такими же серыми глазами, как и его дедушка, отец и дядя, это было их семейной чертой, а вот цветом волос он пошёл в свою мать, тёмные как уголь и прямые как стрелы.

В то время как у Джермейна и его старшего брата, а также их отца Кэривульфа и деда Дрэнга волосы были русые и немного вились, образуя на голове застывшую волну.

Все в зале, в том числе и Альбертион, поклонились.

Король чуть подался вперёд, отпустив руку сына, теперь его держала только мать. Парню явно не нравилось, что его

вывели к публике за руки как маленького, его дядя этого тоже не одобрил, принцу через пару лет предстояло жениться на какой-нибудь знатной девушке, а его, у всех на глазах, родители держат за руки.

– Сегодня у меня великий день! – Громко заговорил правитель. – Ко мне после двадцатиоднолетнего отсутствия вернулся брат. Этот пир я устроил в его честь. Я так этому рад, что не могу справиться с этим чувством в одиночку, а потому прошу вас всех разделить со мной мою радость. Да начнётся музыка и веселье!!!

Уже закисшие от ожидания музыканты, встрепенулись как воробьи на ветке при виде кошки. И принялись играть медленную, но раскатистую мелодию, усиливающуюся с каждым отражением от стен заполняя собой зал со скоростью лавины, и накрывая скучающих людей неизведанным волшебством музыки.

Король и его королева спускались с балкона по широкой белой лестнице, на которой был постелен фиолетовый ковёр, держась, рука об руку, переплетёнными в районе локтя, их сын медленно спускался позади, грустно смотря под ноги. Видно балы он любил ещё меньше чем его дедушка.

Пиршество подходило к концу, и ночь уже готовилась перевоплотиться в утро. От пары тысяч гостей теперь осталось меньше сотни. Люди мелкими цветастыми тучками переплывали от одного стола к другому, издавая тихие звуки

– уже изрядно уставшие от общения, они всё же продолжали соблюдать этикет, ведя лаконичные беседы. Симфонический оркестр, ещё несколько часов назад отыграв весь требуемый репертуар, снегом в тёплой ванной растворился во мраке закулисного коридора, мелодично позвякивая инструментами.

За всю эту ночь к Альбериону (кроме брата) так никто и не подошёл.

Всё ещё предатель и мятежник в глазах светского общества, он весь бал тихо стоял в стороне, медленно попивая спиртное. Сейчас изгой держал в руке свой четвёртый или пятый бокал.

В свои пятнадцать на праздниках, тогда ещё принц, выпивал в разы больше, но сегодня напиваться не хотелось. Хотелось поговорить! Хоть с кем то. Также, от чрезмерного употребления алкоголя, его сдерживало опасение в пьяном гневе сжечь весь фамильный дворец. Ему ведь доводилось разрушать до основания целые города, так что уж тут какое-то здание.

Поблизости звонко отчеканивались шаги: медленно идущий низкорослый человек приближался явно к нему. Его внешность можно было легко описать двумя словами – типичный эндоморф: короткая шея и руки, широкие плечи и кисти, круглое лицо, большое количество лишнего веса. Одет был во всё зелёное, видимо так было принято на его родине, здесь зелёный был не в моде – цвет свинопасов и кре-

стьян. Гладковыбритое лицо и неуместно смотрящиеся светло-золотистые волосы на голове, подходящие больше светской даме, чем мужчине.

Наверняка за время этого ужина многие женщины пытались выведать у него секрет столь ухоженных волос.

– Здравствуйте милорд Альберийон. – Невысокий мужчина дружелюбно улыбнулся. Такие манеры легко пускали туман в глаза многим людям, заставляя их рассказывать свои самые сокровенные тайны. Но бывший наследник престола не доверял подобным вещам: его слишком часто предавали, чтобы он мог позволить себе верить людям на слово.

– Я не лорд, ни князь, ни граф, ни герцог и даже не рыцарь. У меня нет титулов. Я просто Альберийон. – Тихо и равнодушно проговорил он, всё также медленно попивая вино. На собеседника отщепенец даже не взглянул.

– А вот это как раз таки и не справедливо. Вы человек, которого с самого детства готовили в короли. Доблестно проявили себя как воин, зарекомендовали себя как талантливый военный стратег. Со всех сторон показали себя человеком чести и совести. Даже не побоялись публично выступить против отца, которого страшилось всё королевство. А чего добились эти лизоблюды... – Мужчина в зелёном сделал драматическую паузу, будто играл в театре.

И чума его забери, он действительно играл спектакль, и бывший наследник трона даже знал какой. А потому не стал ждать, пока тот продолжит.

– Тем не менее, в обществе эти люди выше меня. – Невозмутимо ответил мятежник, отставляя бокал в сторону, и медленно переводя взгляд на собеседника. Их разговор стал ему любопытен и личность иностранца тоже.

– Вот видите это-то и несправедливо. Вы делали все, что могли для благополучия своего народа, а что в итоге? – Пухлый человек приподнял тонкую бровь, и слегка развёл руки, очень правдоподобно изображая удивление.

Но Альберион всё равно ему не верил, на его взгляд речь казалось заученной, как и демонстрируемые эмоции. Их разговор был полностью фальшивым. И потому он с интересом продолжил:

– В итоге я проиграл, и оказался в темнице на двадцать один год. И теперь меня все ненавидят и считают предателем. А какова ваша история, вы же не из нашей страны? – Его бровь немного приподнялась, а глаза слегка сощурились. Альберион тоже мог убедительно играть эмоции.

– Простите меня, я напрочь забыл о манерах и не представился. Я Люциан Матейн посол из королевства Ошида. – Чиновник низко поклонился, слегка отводя левую руку в сторону. Ещё одна вещь, выдававшая в нём иностранца – здесь не принято кланяться так низко. А потому Альберион ответил ему тем поклоном, которому был обучен с детства: коротким, но учтивым. В Фендале так кланялись все, даже крестьяне.

– Это королевство на самом востоке, за горным хребтом

Кемады? И что же вы тут делаете Люциан? – Он ненадолго отвёл взгляд от собеседника, продумывая свои следующие шаги. К чему ведёт беседу посол, было понятно, но что может из этого разговора вытянуть для себя он сам. Словесная рыбалка начиналась, иностранный гость вот-вот бросит ему наживку и будет смотреть, как бывший принц её заглочит, и естественно умный человек сделает вид, что проглотил рыбку, но какую приманку бросить в ответ. Это требовало раздумий.

– Вас видимо не ввели в нынешнюю политическую обстановку. – Простодушно и снисходительно вбросил собеседник.

– Да, как то не удосужились. – Ответ прозвучал немного грубовато, но это вышло не нарочно. За столько лет проведённых в каменном мешке, мозг отвык быстро работать. И сейчас приходилось буквально скрипеть извилинами, чтобы выдавать из себя хоть какие-то годные мысли.

– Дело в том, что наши страны воюют. Но ваш брат. Ваш король... – Он явно сделал акцент на фразе «ваш король», этим словосочетанием пытаясь выбить собеседника из состояния комфорта. Внимательно осмотрев, подействовала ли речь или нет, Люциан продолжил: – очень хочет мира, и потому лично пригласил меня для переговоров.

– И ваш правитель вас отпустил?! – Мысли очень плохо текли в голове, словно застревали между воображаемыми камнями.

(За что же мне тебя подловить? Давайте господин посол, покажите мне свои жабры, я в ту же секунду ухвачусь за них, голыми руками.)

– В данный момент на войне затишье, сражения прекратились, а обе стороны заняли выжидательную позицию. И мой король решил воспользоваться сложившейся паузой для урегулирования нашего конфликта. Мой правитель такой же миротворец, как и ваш. – Гость снова дружелюбно улыбнулся и поклонился.

– Но раз мира до сих пор нет, значит не такие уж и миролюбивые наши правители. – Альбертион улыбнулся ещё более дружелюбно, эту игру в вежливость проигрывать было нельзя.

– Любой правитель должен прислушиваться к знати, а та убеждена, что сможет в разы увеличить своё состояние, если их армия выиграет эту войну. Поэтому его величество Далион сейчас убеждает наших лордов и герцогов подумать о людях, а не о богатстве. И ваш брат занимается тем же.

– Эту чушь вы должны вешать на уши ему, мне то вы для чего всё это говорите? – Бывший наследник с детства рос среди таких ушлых людей, и прекрасно знал, что они ничего не делают просто так. Каждый их поступок, каждое слово, даже движение брови преследовало какую-нибудь цель.

– То, что я говорю не чушь, а истинная, правда. И я излагаю её вам, потому что знаю, что вы в состоянии помочь прийти к миру на всём материке. Вы великий человек, кото-

рый почти всего добился уже к пятнадцати годам своей жизни. И вы глубоко ошибаетесь думая, что вас никто не уважает. Здесь в столице вы предатель, но за её пределами вы герой! Почтеннейший человек, вступившийся за благосостояние простого народа. – Посол пристально рассматривал лицо стоящего напротив, пытаясь разглядеть шевеление каждой мышцы, каждой вены.

Старший сын Кэривульфа чувствовал что наживка, заготовленная специально для него уже близка, нужно только подыграть.

(Что же ты хочешь от меня услышать мерзкий слизняк?)

Мозг потихоньку начинал работать, как вросшей в траву телеге за годы бездействия необходима раскочка, чтобы сдвинуться с места, так и его голове нужны были усилия для запуска своих шестерней. Небольшое раздумье и правильный вопрос пришёл в голову:

– По вашим словам выходит, что в королевстве меня уважают сильнее моего младшего брата, но я не приложу ума, за что можно презирать нынешнего короля? – Теперь пришла его очередь следить за движением губ и глаз собеседника. Отвык он от таких игр, сильно отвык.

– Вам, по крайней мере, хватило мужества и чести в открытую бросить вызов своему отцу. – Нарочито медленно проговорил Люциан.

– К чему вы клоните. – Торопливо проговорил предатель,

на мгновение он потерял терпение и контроль. (Но лишь на мгновение.)

– Вы знаете, не смотря на почтенный возраст вашего отца, его здоровье оставалось безукоризненным. И смерть короля стала трагичным сюрпризом для всех дворцовых лекарей. Вот так резко, вчера ещё был здоров и вдруг раз и мёртв. А самое подозрительное, что к его телу, по приказу вашего брата, никого не подпускали до самых похорон, также все слуги, которые видели вашего отца в последний миг его жизни, бесследно исчезли. А когда на погребальной церемонии нынешний король подошёл к телу вашего отца, из носа покойного пошла кровь. Я не знаю, какие поверья у вас, но в нашей стране считают, что так покойники указывают на своих убийц.

Глаза ошарашенного подобным заявлением Альбериона округлились, тело сковало, словно его пронзили током, и сердце охватил леденящий огонь. Вот уж наживка так наживка – такую и захочешь, не выплюнешь.

Что ж эту словесную битву он проиграл, подобную карту ему было крыть нечем. Но всё равно свою партию следовало разыграть до конца, из этого тоже могло что-то выйти.

(Так просто этот бой я не проиграю! Пусть у меня нет такой крупной наживки, но я закину несколько помельче. И ты их заглотишь, сука!)

Альберион сделал свой голос максимально трагичным и угрюмым для произнесения следующей речи:

– Вы знаете, когда я поднял восстание против своего отца, моей целью было отстранить его от власти, но ни как не убить. Отцеубийство худшее из преступлений на мой взгляд. Непростительное я считаю! – Он мимолётно отвёл взгляд от пола, но не повернул головы, лишь искоса посмотрел на посла. Тот левым краем губ выдал самодовольную улыбку.

(Вот первая наживка! И, кажется, он на неё клюнул. Но всё равно это было сказано как-то в лоб. Продолжишь так и дальше, он поймёт, что ты играешь с ним в игры, и всё сорвётся. Тоньше действуй, тоньше, не будь таким прямолинейным. Больше двусмысленности.)

– Полностью с вами согласен господин. – Собеседник снова вернул над собой контроль, теперь его лицо ничего не выражало.

– Рад, что вы меня поддерживаете. Мне очень не хватало хорошего друга в последние годы. – Теперь падший принц выдал всю фальшивую искренность, на которую был способен. Такого дружелюбия он ещё не выказывал никогда.

(Так главное не переигрывать, не то сорвётся рыбка. Ну а теперь давай задавай свой вопрос. Ты так сильно этого хочешь. Вы так долго и аккуратно меня к нему подводили господин посол. Мы ведь теперь почти друзья, а между друзьями нет секретов.)

– Почту за честь стать вашим другом! И если мне будет позволено задать вам один очень личный вопрос. Возможно, вам он покажется бесцеремонным, если вы не захотите на

него отвечать я пойму, и перестану вам докучать. – Теперь Люциан был изворотлив как змея на горячих камнях.

(Да задавай уже!)

– Конечно, вы можете спрашивать всё что захотите. – Мужчина в багровом дублоне стал самым воплощением любезности и галантности.

– Вы когда-нибудь жалели о своём восстании? – Как канатоходцы осторожно отмеряют каждый свой шаг, так и посол робко вымерял каждое своё слово.

(Именно этого вопроса я и ждал, с того момента как ты подошёл. И у меня уже давно готов ответ. И так дамы и господа узрите приманку номер два.)

– Вы знаете, у меня было много времени, чтобы об этом подумать, и мне кажется, что борьба за материальное благополучие простого народа, а так же за их свободу было простым прикрытием. Я всего лишь жаждал власти, и, несомненно, если мне представится шанс вновь побороться за трон, я непременно уцеплюсь за эту возможность. – Альбертион задумчиво поднял глаза к потолку; от большого количества ярких люстр они заслезились.

(Это блюдо я подал не совсем грациозно, но тоже сойдёт. Э-эх, пропали мои прошлые навыки. Теперь мне нужно нанести грубый словесный удар, чтобы он не думал что дело сделано.)

– Но если кто-то решил, будто я могу предать своего младшего брата ради престола, то он глубоко заблуждается. Моя

любовь к нему сильнее, чем к отцу или матери. Я буду на его стороне до тех пор, пока не увижу неопровержимых доказательств того, что он сотворил, что-то по-настоящему ужасное. – На этих словах бывший заключённый подошёл вплотную к чужестранцу, склонил голову, и, глядя ему в глаза, ледяным тоном, даже немного угрожающе, сказал. – Приятного вам вечера господин посол.

– И вам приятного вечера. И поздравляю вас с долгожданным возвращением домой. Надеюсь после стольких лет отсутствия, вы всё ещё сможете назвать это место своим домом. – Подданный другого короля вновь поклонился, как это принято у них на родине и поспешно удалился из зала.

(Что ж, битву я, конечно, проиграл, но сделал достаточно, чтобы иметь шанс выиграть войну. Если он поверил моим словам, то его попытки подбить меня на мятеж будут всё активнее. И если играть убедительно и не допускать ошибок, то со временем я смогу раскрыть всю сеть его информаторов. Люциан точно работает не в одиночку, у него здесь есть шпионы и сподвижники, в том числе и среди генералов и дворцовой знати. Кто-то из них точно работает на посла Ошиды, за деньги или под шантажом они предоставляют ему секретную информацию. А если ему удастся принести доказательства убийства отца моим братом, то потянув за эту ниточку у меня появится возможность распутать не малый клубок. И тогда можно будет манипулировать всеми этими предателями для того, чтобы неведо-

*мо для всех использовать Люциана против самой Ошиды.)
(Или же для того чтобы снять с Джермейна корону!)*

Вспышкой света в голове Альберiona возник другой внутренний голос. Он никогда раньше не давал о себе знать, а теперь возник, будто выпрыгнул со дна колодца подсознания (словно в нём только что родилась вторая личность). Звучал этот голос низко, грубо, он шипел где-то внутри, будто змея отравляющая мысли обидой и завистью. Сам же бывший принц не припоминал, что бы хоть раз говорил таким голосом, но он точно принадлежал ему. Только это была какая-то другая часть него, скрывавшаяся раньше.

(Я лишь играю роль, чтобы разоблачить шпиона пытающегося навредить моей стране. Я не собираюсь предавать брата, ибо это бесчестие!)

(А разве кланяться ему это почётно? Это ТЫ должен быть КОРОЛЁМ, а не он! Тебя к этому готовили с самого детства, тебя учили управлять и повелевать, манипулировать, выстраивать политику, тактически мыслить, разделять и властвовать. А чему учили его? Он никудашный король и ты это прекрасно знаешь, он слабохарактерный, глупый и наивный, недалёковидный, прямолинейный, твой братец развалит всю страну. Отец не хотел бы видеть его на троне. ТОЛЬКО ТЫ ДОСТОИН ЭТОГО!)

– О чём ты разговаривал с человеком из Ошиды?

Застывший в раздумьях Альберион не заметил, как к нему подошёл коренастый немолодой человек в военном

мундире. Не многим старше него, он уже обзавёлся блестящей лысиной. Рыжие усы на лице, незаметно переходили в бакенбарды, его небольшие уши были плотно прижаты к голове, а широкий нос, слегка темнее остального лица, был задран так высоко, что сразу становилось понятно: на освобождённого преступника он смотрит с ещё большим презрением, чем все остальные собравшиеся.

– Я рассказывал послу, как живётся в самой суровой тюрьме материка. – Презрительно бросил предатель. Смотря на собеседника абсолютно пустыми глазами, словно глядел сквозь него.

– Так долго? – Его недоверие возросло, казалось он, прямо сейчас вытащит свой меч и воткнёт его в живот мятежнику.

– Ну, так я и пробыл там не мало. – Самодовольная улыбка растянулась по лицу Альбериона.

– Я тебе не верю. – Надменно произнёс лысый мужчина.

– Мне всё равно кому вы верите. Лучше скажите, что вы тут делаете? Неужели начальника королевской стражи стали приглашать на балы? – Падший принц изобразил поддельный интерес. Этим вопросом он просто хотел позлить собеседника. Обсудить с ним он собирался кое-что другое.

– Меня не приглашали, присутствие на балу прямая обязанность королевской стражи. – Мужчина сжал кулаки.

– Короля нужно охранять и на балу?! – Теперь удивление было настоящим.

– Приказ твоего брата. – Презрение в его глазах смеша-

лось с ненавистью.

– А как долго вы убеждали нашего короля не освободить меня? – Альбертион выпрямился, он оказался выше начальника стражи, и подошёл к нему вплотную.

– Тебе его королевское величество рассказал? – Невозможно переспросил собеседник, пряча кулаки за спиной.

– Нет, просто за конвой отвечал ты, и не мог не знать, что те двое потеряли родственников из-за меня. А значит, ты надеялся, что за полгода обратного пути в столицу их нервы не выдержат и они меня убьют.

Скулы начальника королевской стражи гневно дёрнулись.

– Не стоит так на них злиться. – Продолжил человек королевских кровей. – Они очень сильно хотели меня убить, но честь не позволила им послушаться приказа. Я так понимаю, вы их уже разжаловали и отправили чистить конюшни. Или ещё чего похуже.

– Это не твоё дело! – Военный продолжал оставаться хладнокровным.

– Я хочу тебя попросить вернуть их на службу. Ты же понимаешь, что в охране моего брата нужны подобные люди, таких нельзя подкупить или шантажировать, они всегда будут беспрекословно выполнять приказы. Забудь про злость, вспомни о долге. Защита жизни моего брата главное для нас обоих, и эти люди помогут нам в этом. – Брат короля положил руку на плечо начальника королевской стражи.

Тот наклонился, чтобы быть ближе к его лицу, и, сдержи-

вая гнев прошипел:

– Не указывай, что мне делать предатель. – Он сбросил руку и отправился дальше выполнять свои обязанности.

Люди уже почти разошлись. Решив, что с него достаточно церемоний Альбертион вознамерился отправиться в свои покои – в ту самую комнату принадлежавшую ему в прошлом. Давно он не спал на чистой мягкой кровати. Даже было интересно, как на это отреагируют кости. Ванной они были очень довольны. Но сладкий сон пришлось отложить, ибо к нему подошёл сам король.

– Брат мой, я снова хочу поговорить с тобой. Это даже к лучшему, что все разбрелись, не будут подслушивать. Давай присядем за стол. – Несмотря на долгий банкет Джермейн был трезв. Он мило улыбался, держа брата за плечо.

Слегка приобнимая друг друга они подошли к столу, возле которого слуги уже поставили два стула. На балах стулья были непредусмотренны, там все должны были стоять, а лучше танцевать. Но светский раут уже завершён и никто бы не счёл моветоном распоряжение короля принести им стулья.

– Ты уж прости, что я так поспешил с балом. Надо было дать тебе больше времени подготовиться, рассказать, что происходит в мире. А уж потом... Мне просто сильно хотелось отпраздновать твоё возвращение, тем более я помню, как ты любишь подобные светские церемонии, вот и получилось что я тебя из омута да на костёр. – Король абсолютно искренне чувствовал вину и переживал за брата, на его лице

это читалось.

– Всё хорошо! Мне действительно понравился приём! Таких шикарных церемоний я никогда не видел. Последние двадцать лет так уж точно!

Братья оба громко рассмеялись, резонируя и раскатывая волны, пустой зал многократно усилил их звук. Они чокнулись бокалами вина, осушив те залпом.

– Чего ты хочешь Альберийон? – Он всё ещё был дружелюбен, но вопрос прозвучал всё равно как-то резко, будто бросок копья.

– Не совсем понимаю, о чём ты? – Вопрос застал его врасплох.

– Я мог бы даровать тебе землю, много земли, крестьян, слуг, придворных. Приказал бы построить тебе большой дворец, замок, поместье или усадьбу. Женили бы тебя на знатной даме. – Король вновь наполнил их кубки вином, а его чувство вины сменилась состраданием.

– Очень щедрое предложение. – Альберийон отпил, задумчиво постукивая пальцами по столу, поглядывая на монарха.

– Я просто хочу, чтобы ты ну хоть немного пожил, как подобает человеку. Ведь как только тебе исполнилось двенадцать отец забрал тебя на войну. И больше мы с матерью тебя не видели, поскольку после окончания одной войны он тут же развязывал другую. В пятнадцать ты поднял своё восстание, что привело к морю сражений и крови. А затем тебя на двадцать один год заперли в темнице. Ты же ведь жизни-то

не видел, ничего кроме битв и убийств у тебя не было, и серых стен казематов. – Сострадание смешалось с горечью. Он снова залпом осушил бокал.

– Ты же понимаешь, что человек с моими способностями мог бы легко сбежать из Осора. Но я оставался всё это время там и знаешь почему? – Альбертион отставил кубок в сторону, и посмотрел в глаза собеседнику. Тот не придал этому особого значения.

– Этот вопрос всегда тревожил отца. Он был уверен в твоём побеге, даже в конвой назначил самых бесполезных солдат от них и хромой убежал бы. И сильно взбесился, когда те вернулись обратно с докладом об успешном выполнении приказа. Отец тогда весь свой кабинет раскурочил от злости. – Эти воспоминания в голове Джермейна явно были из категории грустных, он сгорбился и поник, извлекая их из своей головы.

– А куда бы я пошёл после побега? Возделывал бы поля в какой-нибудь деревне? Продавал бы целебные травы в городе? Для меня это всё равно, что тюрьма! Только этот дворец является моим домом. Три тысячи лет назад наши предки построили на этом месте свой дом, объединили вокруг себя людей, создали деревню, город, а затем и государство. У нас с тобой нет другого дома. – Невесело подытожил бывший принц.

– Ты совершенно прав. Хочешь остаться здесь, оставайся, я буду этому только рад. Это место действительно твой дом и

всегда им будет, хоть ты больше и не носишь нашу фамилию. Прости и за это брат, я хоть и помиловал тебя, но оправдать не могу. – Он досадно улыбнулся.

– Я понимаю. – Безразлично ответил собеседник.

– Вернуть тебе право носить нашу фамилию, означало бы восстановить тебя в первенстве на престол. А я корону отдавать ни кому не намерен, уж больно она мне идёт. Красив я в ней, да и блеснуть теперь могу не только интеллектом.

Они снова громко рассмеялись, веселье было искренним и длилось долго.

– Я слышал, ты ведёшь войну? – Резко прервал смех Альбертон.

– Её начал не я, а наш отец. Четыре года назад он объявил войну Ошиде, но так и не выиграл ни одного сражения. Обе армии все эти годы бодаются в горном перевале, единственном месте сообщения между нашими странами. Никто и пяди земли не уступил. Когда я стал королём, они согласились на переговоры, их посол здесь уже два месяца, а прогресса никакого.

– Они верят в свою победу.

– Думаешь, я совсем идиот. Разумеется, пока мы не нанесём им несколько крупных поражений, ни на какой мир они не согласятся. Просто эта передышка нам тоже на руку, да и твоё освобождение меня занимало больше. Не хотел, чтобы ты просидел в тюрьме до конца жизни.

– Разреши мне принять участие в этой войне. – Сухо про-

изнёс бывший генерал, в его голосе так же звучала уверенность и непоколебимая решимость.

– О! Узнаю в тебе отца. Здравствуйте папа. Никак не можешь ты без войны. – С грустью заявил Джермейн.

– Ты хочешь мира для нашего народа и я тоже. Сам же сказал, что без побед переговоры бессмысленны. А я был самым гениальным командиром в армии отца. И не забывай я самый сильный маг за последнее столетие. Со мной победа станет вероятней. Ты спросил, чего я хочу? Я хочу помочь тебе заключить мир. Я не могу стоять в стороне, пока наши солдаты гибнут. – На этих словах он поднял кубок, будто произнёс тост.

– Что ж, я сделаю, как ты просишь. Но у меня не получится назначить тебя сразу же генералом. Слишком многие воспротивятся. – Лицо короля скривилось, словно он только что разжевал целый лимон.

– Да мне хоть солдатом, только бы не оставаться в тылу. – Счастье буквально в мгновение расцвело на лице волшебника.

– Солдатом это уже перебор, дадим тебе небольшой отряд в подчинение. – Печаль на лице правителя рисовалась всё более тёмными красками.

– Я немедленно займусь тренировками, надо вернуть свои прежние навыки, если это ещё возможно. – С небольшой тоской заключил воин.

– Ну, немедленно это перебор, ты выпишься сперва, а на

войну отправишься, когда я прикажу. Не раньше! Мне, пожалуй, тоже пора на боковую, засиделись мы с тобой, уже рассвет скоро. Рад, что ты жив брат.

– Спасибо что освободил меня брат.

Они вновь ударились бокалами, одним глотком выпили вино и оправились каждый в свои покои.

Глава вторая. Маг.

Уже два месяца прошло с тех пор, как бунтарь ступил на порог своего дома, за это время он успел вернуть большую часть своих навыков, как в фехтовании, так и в магии. БОЛЬШУЮ, НО НЕ ВСЮ. Неизвестно сможет ли он вообще хоть когда-нибудь вернуться к тому уровню мастерства, которым обладал ранее.

Но, недавно справивший своё сорокалетие бывалый воин, помимо возвращения былого смог обзавестись ещё и новой привычкой, абсолютно невообразимой для него четырнадцатилетнего: он по вечерам стал расхаживать по паркам и садам, принадлежавшим его семье, и придаваться раздумьям.

Однако в этот вечер грёзы мага прервал звон стали – на тренировочной площадке кто-то скрестил мечи. И Альберион отлипая от уютных теней деревьев, отправился смотреть на спарринг.

Тренировочная площадка королевской четы находилась на заднем дворе, в восьмистах метрах от дворца (чуть ближе, чем сад). И не смотря на то, что служила она для весьма примитивных целей, выглядела эта конструкция патетично и напыщенно: круг радиусом двести метров был выложен бирюзовой керамико-гранитной плиткой, а швы между ними были обработаны светло-зелёной затиркой такого нежного тона, что не сразу становилось заметно, что они с плиткой

разного цвета. По периметру всё это было обнесено бордюром светло голубого оттенка соединённым по углам высокими остроконечными обелисками.

Сам дворец был абсолютно той же масти – бирюзовый считался королевским цветом, хотя другим людям носить одежду этого оттенка не запрещалось. Самому же Альбериху совершенно не нравилась данная краска, как и его отцу, а так же и брату. Зато этот окрас обожала их мать Эмилия: она частенько появлялась на людях в платьях данного оттенка, всякий раз в новом, бирюзовый идеально шёл её глазам, которые были лишь слегка темнее. Каждую ночь, засыпая в темнице, где тоже всё было однотонным – серым, он вспоминал её.

А теперь находясь здесь, он каждую ночь вспоминает темницу: то отчаяние что одолевало его там, ту боль принесённую поражением. Кажется, ему уже никогда не выкинуть то место из памяти. А очень бы хотелось.

Пройдя лишь пару сотен метров на север от парка, падший принц застал своего племянника за тренировкой.

Юный наследник трона сражался с тремя воинами из королевской стражи, и, не смотря на численный перевес, он всегда оказывался победителем. Джермейн не соврал когда сказал что его сын выдающийся мечник, парень действительно великолепно владел оружием.

– Здравствуйте дядя! – Принц решил прервать тренировку, увидев своего родственника пытавшегося наблюдать за

схваткой из тени.

– Рад вас приветствовать, ваше королевское высочество. – Пришедший сопроводил свои слова вежливым поклоном.

– Бросьте дядя мы не при дворе, здесь такие любезности никчему. Отец говорил мне, что до вашего заключения вы были лучшим мечником королевства. – Непринуждённая ухмылка ненадолго вспыхнула на лице мальчишки, выдав в нём юношеский задор.

– Я во многом был лучшим в те времена, но они в прошлом. Не знаю лучший ли я сейчас хоть в чём-то. – Лишённый фамилии и титулов мужчина скромно пожал плечами.

– Есть один способ проверить. – Надменность и самолюбие читалось в каждом движении этого парня. – Ныне я лучший мечник королевства! Сразитесь со мной и узнаете достаточно ли у вас сил.

(О-о поверь мне, уж для того чтобы отлупить одного заносчивого мальчишку сил у меня достаточно.)

– Вынужден буду отказаться Киллиан, на сегодня с меня хватит тренировок. Не так-то просто возвращать былую форму после стольких лет бездействия. – Его окутало сожаление, но речь была ложью, ему просто не хотелось сражаться.

Не хотелось портить этот расслабляющий полной приятной прохлады и сладких ароматов природы вечер очередным поединком. Похоже, он действительно сильно изменился. Да и учитывая его репутацию предателя, вряд ли бы во дворце

одобрили, что он наставил принцу несколько синяков. Не за-
чем давать младшему брату лишний повод для волнения.

– Очень жаль. Но я бы хотел ещё кое-что с вами обсудить,
если вы ни против, конечно же? – Подняв с земли тряпку, он
вытер вспотевшие ладони.

– Спрашивай что хочешь. – Безразлично сказал маг.

– Почему вы подняли мятеж против дедушки. На уроках
истории мне рассказывают, что он был великим правителем,
действовавшим исключительно во благо страны, и сделав-
шим нас крупнейшим королевством материка. – Мальчише-
ское любопытство обуревало его. Видно было, что он слы-
шал ни мало историй о подвигах, как своего дедушки, так и
своего дяди.

– В этом-то всё и дело, он хотел благо для страны, а я хо-
тел блага для народа. – С грустью ответил бывший принц,
похоже, этой ночью вновь нагрянут тяжёлые воспоминания.
Прощай сон, а вместе с ним и покой. Порой стены родно-
го дома терзают разум сильнее тюремных казематов и пыток
пьяной стражи озверевшей от пребывания в снежном плену.

Речь Альбериона поразила Киллиана, его брови нахмури-
лись и свелись над переносицей. Явно не такого ответа он
ожидал услышать.

– Вы разделяете эти понятия! Я вот считаю что народ и
государство неотделимы. Что хорошо для страны, хорошо и
для её граждан.

– Если бы это было так мой юный принц. Если б только всё

было так. То править королевствами было бы куда проще. – Задумчиво ответил тот.

Наследник хотел ещё что-то спросить, но их разговор прервал слуга, одетый во всё красное; его рукава и борта были обшиты золотом, а серебряные пуговицы блестели как алмазы. Новая королева сменила туалет прислуге, и маг всё никак не мог привыкнуть к этому, порой, не понимая, слуга перед ним или дворянин.

– Ваше королевское высочество, господин Альбертион. – Не высокий шатен с простоватым лицом слегка нервничал.

– Говори что случилось. – Приказал принц.

– Его величество Джермейн собирает военный совет и просит своего брата присутствовать на нём. Если тот не передумал участвовать в войне. – Голос слуги был запыхавшимся. Похоже, он долго искал получателя сего послания.

– Это всё что просил передать отец? – Вид Киллиана стал разочарованным, очевидно он уже давно ждёт момента, когда и ему разрешат присутствовать на военных советах.

– Да это всё мой господин. – Гонец сделал пару глубоких вдохов. Толи от волнения, толи от долгой пробежки, его дыхание никак не приходило в норму.

– Не буду заставлять твоего отца ждать. До встречи племянник. – Он слегка поклонился, затем повернулся к слуге. – Сопроводите меня на совет, я не знаю где он находится.

– До свидания дядя. – Сказал наследник уходившему в след.

К удивлению бывшего принца, место проведения военного совета было перенесено: теперь генералы собирались не во дворце, а в специально возведённом здании, разительно отличающемся от прочих строений вокруг. Невысокая башня из тёмно-красного кирпича выглядела чужеродно, отвергнуто и эклектично в местном колоритном пейзаже – казалась здесь чем-то неуместным, отторгаемым. В тон стенам была и черепица, покрывавшая конусовидную крышу. Внутри здание также красками не баловало: красные полотна, висевшие на стенах, множество горящих факелов, полное отсутствие окон, и различные оружия, прикреплённые к стенам, видимо для того, чтобы подчеркнуть военное предназначение этой постройки. Повсюду на столах лежали карты, а на каждом этаже стояло по несколько книжных шкафов; совет заседал на самом верхнем (третьем) этаже. Альбериону сразу стало очевидно то, что это здание строилось по чертежам отца, ценившего практичность, а не красоту.

Как предписывалось этикетом, входя в помещение, маг поклонился, занял единственный свободный стул; принялся осматривать окружающих. Помимо него и брата за столом находилось ещё семь генералов – командная верхушка армии Фендала. Ему были знакомы лица и имена всего лишь двух людей сидящих за столом, не считая себя и короля, разумеется.

И одного из этих двоих он сильно ненавидел: Манред

главнокомандующий армией, занимал этот пост ещё при отце. Большая нашивка на правой груди его мундира изображала фиолетового волка, перегрызающего стрелу на зелёно-жёлтом фоне, показывая его принадлежность к роду Асталион – одной из старейших дворянских фамилий в стране. Кэривульф всегда невероятно сильно ценил его, они порой часами общались наедине, что вылилось в крепкую дружбу. Оттого именно этому генералу и было поручено подавить мятеж Альбериона.

Ненависть была взаимной, при виде мятежника, лицо главнокомандующего скрючилось, гипертрофированно изображая призрение. С надменным взглядом он демонстративно встал из-за стола.

– Ваше величество я не стану сидеть за одним столом с этим предателем. У этого человека нет чести. – Манред, стараясь не пересекаться взглядом с только что пришедшим, задрал нос так высоко, что его шея тихонько хрустнула.

Такое поведение показалось Альбериону очень смешным и по-детски нелепым, но из вежливости «предатель без чести» сдержал ухмылку.

– Не хотите с ним сидеть за одним столом, пожалуйста, можете стоять, но отсюда никто не выйдет пока у нас не будет плана наступления. – Джермейн использовал свой самый суровый голос, давая понять, что не настроен, слушать пререкания и заниматься выяснением чужих отношений.

Главнокомандующий медленно (чтобы все видели его па-

тетичный жест) отодвинул стул в сторону, показывая, что в нём он больше не нуждается. Его примеру последовали ещё четыре генерала.

Оглядев всех присутствующих король, уже более мягким тоном, изрёк:

– Отлично, раз с этим покончено, тогда объясните мне. КАК наша армия, уже четыре года не может пробиться через перевал?! Ведь в армии Ошиды ДАЖЕ МАГОВ НЕТ, ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ НАПОМНИТЬ!!! Ещё мой прадед сделал так, что мы стали единственным королевством на материке, в армии которого служат чародеи. Неужели этого преимущества вам недостаточно для победы? – Он иногда переходил на крик, затем брал себя в руки, но потом снова срывался на высокие частоты, его голос словно бросало по волнам то вверх то вниз. Заметно было, что Джермейн расстроился из-за срыва мирных переговоров – его разговоры о нежелании воевать были для него не пустыми словами.

– Мой король. – Как и полагалось, слово взял главнокомандующий. – Их страна хоть и меньше нашей раза в четыре, но более густо населена, а потому и армия более многочисленна. Наше преимущество в ударной мощи они нивелируют своим численным превосходством.

– И что, мы теперь не можем их победить? На мир они не идут, а одержать хоть одну победу мы не в состоянии. – Король потёр лоб, кончиками пальцев, измученно расплывшись в кресле.

– Но мы ведь ещё ни разу не проиграли. – Продолжил другой генерал, мятежнику он не был знаком, но тот тоже стоял, выражая своё к нему презрение. – Их позиции хорошо укреплены, там четыре высокие крепкие башни с огромными баллистами на верху, с них они ведут обстрел, нанося большой ущерб нашей армии. Если бы магам удалось их обрушить, мы бы точно смогли прорваться сквозь этот узкий перевал, и выйти на необходимый нам оперативный простор.

– Хорошо! – Одобрительно кивнул правитель. – И какие у вас планы?

– Из самых сильных наших воинов собрать ударный отряд, дав им самое лучшее вооружение и броню, и когда они подберутся к башням подвести туда отряды магов. Подойдя к башням вплотную, они смогут их разрушить. – Подытожил Манред с плохо скрываемой гордостью от своего плана.

– И это весь ваш план?! – Не выдержал Альберион. – Биться как волны о камень в надежде, что мы прорвёмся! А если не прорвёмся то, что тогда?

– Не тебе учить меня тактике, мятежник! Я вместе с твоим отцом пять стран захватил, ещё до того как ты родился! Я сражался гораздо дольше тебя! – Седой и старый глава дома Асталион перешёл на крик.

Маг тоже не стал сдерживаться.

– Вам напомнить, как вы воевали! Напомнить, как отец поручил вам оборонять крепость Ренхол, чтобы остановить моё продвижение к столице! Я захватил эту крепость менее

чем за два часа, хотя воинов у меня было в три раза меньше вашего. Потому что, в этом и есть вся ваша тактика, идти в лоб до победного. А если вдруг не получится то, бежать в числе первых, а не то вдруг за жопу схватят. – Он привстал со стула, от гнева его вены на лбу вздулись, а лицо покраснело. Такого приступа злости бывший военачальник никогда не испытывал.

– Прекратите вы оба! – Угрожающе прорычал Джермейн, тоже поднимаясь со стула. Затем спокойным тоном спросил. – Альберион что ты предлагаешь?

– Не далеко от этого перевала есть несколько деревень. Между ними должно быть какое-то сообщение. Найдите среди наших воинов людей оттуда и расспросите их. Они покажут нам тропы, с помощью которых небольшой отряд магов обойдёт силы врага и спуститься прямо на голову вашим баллистам. – Предатель тихо сел на место глядя на своего короля.

– Значит, мне теперь не только за одним столом с предателем сидеть, но ещё и от солдат советы выслушивать! – Не унимался Манред Асталион.

– Не забывайте слова своей присяги лорд Асталион. Вы будете делать то, что я прикажу, иначе сочту вас изменником. Не хотите следовать указаниям моего брата, так следуйте моим. Я решил, что план Альбериона лучше, так что действуем согласно ему. Это мой прямой приказ. – Короля сильно утомила эта перепалка, ещё немного и он бы всех присут-

ствующих рассадил бы по казематам.

– Нет, ну если достопочтенный лорд брезгует общаться с простолюдинами, я могу лично всё выяснить. – Падший принц язвительно протянул каждое своё слово, стараясь вывести собеседника из себя.

– Альберцион угомонись! – Прикрикнул Джермейн. Затем он устало потёр глаза ладонью, то ли от криков у него разболелась голова, то ли она была полна тяжёлых мыслей. – Все свободны, соберём совет, когда у нас будет больше информации о местности. А ты брат останься мне нужно с тобой поговорить.

Когда всеми любимая королева Эмилия «Лунолика» впервые забеременела, король Кэривульф «Могучий» приказал создать самый красивый и самый большой сад во всём королевстве.

– Ты дала мне самый лучший подарок! В ответ я могу предложить лишь самый красивый дар! – Так он сказал ей, перед тем как показать сад.

Строители работали усердно и потому уложились ещё за несколько недель до рождения наследника. До того дня мир не знал подобной красоты. Сад стал единственным и совершенно неоспоримым (даже другими странами) чудом света: дорожки из мрамора и базальта реками вились вокруг почти вечно цветущих сакур и яблонь (плодов эти деревья не приносили, их направление было исключительно декоратив-

ным); многочисленные клумбы были засажены газаниями и бегониями – любимыми цветами правительницы. И, конечно же, там были и альстремерины: цветы, являющиеся гербовым символом рода Борнел – семьи с не очень богатой родословной, к которой королева принадлежала до замужества.

Она очень любила фонтаны и их здесь, разумеется, возвели в немалом количестве. В воду садовники регулярно добавляли краситель, чтобы та обладала привлекательным, пусть и немного не естественным, ярким светло-синим цветом.

Рядом с одним из таких фонтанов как раз таки и прогуливались наедине Альберион и Джермейн.

– Генералом сразу же я тебя сделать не смогу, знать взбунтуется. Знал бы ты, как сильно они отговаривали меня от твоего освобождения. Однако дать тебе небольшой отряд в подчинение я смогу, будешь у нас капитаном. Последний раз с надеждой тебя спрашиваю, ты точно хочешь участвовать в этой войне? – Король смотрел прямо в глаза своему брату, с лицом полным тревоги.

– Я не передумаю. – Твёрдо ответил собеседник.

– Жаль, что приходится втягивать тебя в это. Войну развязал наш отец, а воевать приходится нам. – Он посмотрел на свои ноги, сложив руки за спиной. Как бы сильно не хотелось ему мира, война всё же продолжится.

– Дети всегда расплачиваются за ошибки родителей. Хотят они того или нет. – Чтобы успокоить брата, лишённый

титулов положил руку ему на плечо.

– Надеюсь, твой план сработает, а то если нет, ... я не знаю что мне тогда предпринимать дальше. – И вновь эта грустная улыбка на его лице. Давление ответственности перед народом и сострадание к людям сжимали его в клубок.

– Не переживай, даже если план провалиться, я все ещё сильнейший маг за последние сто лет. Я в одиночку прорвусь сквозь все их укрепления. – Где-то в глубине он не был уверен в сказанном, но внешне маг выглядел непоколебимым.

– Я очень боюсь тебя потерять Альберийон. Ещё одни похороны близкого человека я не переживу. – Он тяжело выдохнул, глаза слегка стали влажными, но ни одна слеза с них так и не покатилаь.

– Ничего со мной не случиться. – Падший принц до этого момента даже и не думал, какого пришлось его младшему брату, в одиночку хоронить их родителей.

Спустя год после того как стражники вывезли его из темницы, Альберийон всё же оказался на войне. Он задумчиво стоял в лагере развёрнутом у подножия гор и рассматривал свой отряд – четырнадцать человек. Четырнадцать вверенных ему жизней, что стояли в ряд и с гордостью и трепетом смотрели на своего командира. Пусть Альберийон уже давно лишён всех своих титулов, но всё-таки он был когда-то принцем – наследником короны и хоть на нём больше и нет родового герба, в их глазах он остаётся членом королевской

семьи.

Таким маленьким отрядом падший принц ещё никогда не командовал, глядя в их глаза бывший генерал чувствовал, что должен им что-то сказать, но не представлял что. Он привык говорить речи перед сотнями, тысячами и даже десятком тысяч людей и всегда его слова воспринимались на ура, но здесь перед этой горсткой людей патетичные речи не сработают, они будут казаться фальшивыми и лицемерными. Тут нужно сказать им что-то такое, что заставит их чувствовать себя чуть ли не близкими друг другу людьми. Однако никто не учил Альберiona произносить такие фразы.

– Господин разрешите обратиться? – Не выдержал долгой тишины молодой коротко стриженный спереди и с длинным тёмным хвостиком на затылке маг. Парень, вышел вперёд, вымеряя шаги, словно на параде, оставляя позади отряд.

– Что ты хочешь мне сказать. – В армии так общаться было не принято, но бывший мятежник никогда не признавал устав.

– Только то, что мы все восхищаемся вами. Пусть многие считают вас предателем, но мы, маги, всегда были вне политики. Для нас вы легенда, человек, достигший в колдовстве невероятных высот. Вы с рождения обладали огромным уровнем магической силы, и освоили все книги заклинаний в башне магов уже в двенадцать лет. Ваши деяния записаны в наши учебники и потому совет магов-старейшин поручил мне передать вам, что в этой войне все чародеи будут подчи-

няться только вам. Они полагают, что вы не откажетесь стать нашим лидером. – Все остальные волшебники из этого маленького отряда подошли к нему, тем самым выражая своё согласие со сказанным.

– Что ж капитул чародеев хорошо меня знает, я от подобного никогда не отказываюсь. Передайте старейшинам, что для меня будет честью говорить от имени всех магов в штабе командования. – И это была не притворная вежливость, падший принц был несказанно рад, что кто-то вновь доверил ему свои жизни. Альбериону нравилось командовать, он считал, что в этом его предназначение, люди часто и охотно шли за ним, с первого взгляда признавая в нём лидера. Он иногда и сам удивлялся, как легко ему удавалось склонить людей на свою сторону, убедить их следовать за собой даже в самые суровые времена, однако превзойти отца в этом аспекте не удалось никому, тот порой одним только взглядом мог усмирить бунтующих баронов.

Помимо дюжины магов вооружённых посохами в отряде была и пара воинов вооружённых простыми мечами и щитами. Самому же «предателю» выдали великолепный клинок, тот, конечно же, не был его любимого бордового цвета, но всё равно оружие было не хуже чем вручённое когда-то давно отцом: выкованный из семислойной стали клинок являлся очень гибким и прочным, над такими вещами даже лучшие мастера работают более года. Вот только гарда была простецкой: надёжной, но бесхитростной. Рукоять оббита кро-

кодиловой кожей – такая не выскользнет из латных рукавиц или потных рук. Меч был качественный и дорогой, хотя со стороны выглядел совершенно незаурядным.

Воины подошли к Альберionу, чувствуя некую неловкость от закончившегося разговора магов, им казалось, будто они лишние здесь.

– Нам поручили показать вам обходные тропы в горах, господин. – Они встали смиренно, и у одного из солдат беспокойно забегали глаза, лишённому фамилии это показалось подозрительным.

Как и ожидалось, путь в горах оказался непростым: узкие тропы с трудом позволяли пройти закованным в броню воинам с оружием наперевес. Приходилось помогать друг, другу: перекидывать снаряжение через выступы, привязываться верёвками, и следить затем, чтобы, никого не прибило сорвавшимся камнем – обвалы здесь были частым явлением. Этот горный хребет являлся самым протяжённым на Ролене, но ни самым высоким, тут не находилось заснеженных вершин с низким уровнем кислорода. Однако люди всё равно изрядно выматывались, продвигаясь по этим скалам.

Альберion поравнялся с одним из проводников, тот снова занервничал, как и тогда в лагере.

– Как тебя зовут солдат? – Его голос прозвучал тихо и спокойно, создавая обманчиво-умиротворяющий тон.

– Вирнат господин. – Рука воина опустилась на рукоять

меча.

– Вирнат я не мог ни заметить, что каждый раз, когда я оказываюсь к тебе спиной, ты хватаешься за меч.

Солдат непроизвольно сглотнул, его зрачки расширились, кожа побледнела, а на лбу выступил пот.

Падший принц беззлобно посмотрел ему в глаза.

– Не бойся, я просто хочу узнать, кто приказал тебе убить меня.

Воин замялся, переступил с ноги на ногу и опустил лезвие, обдумывая правильность своих последующих действий, а может и последствия.

Видя сомнения собеседника, Альбертион решил надавить на патриотические чувства парня, создав в его голове иную логическую цепочку.

– Я понимаю тебе дали приказ. – Лишённый титулов вёл себя как отец пытающийся успокоить сына: он говорил размерено, смотрел строго и положил руку на плечо собеседника как бы слегка того приобнимая. – Но что для тебя важнее, исполнить приказ или принести победу стране?

– Конечно же, победа превыше всего. Я здесь именно ради неё. – Совершенно уверенно и без колебаний ответил воин. Казалось, что его сомнения относительно предыдущего вопроса ушли в сторону.

– Тогда ты понимаешь, что со мной у нас больше шансов на победу? – Маг ещё сильнее приблизился к нему.

– Да пожалуй, с вашей силой и опытом наша победа на-

ступит раньше. – Он посмотрел в глаза своему командиру. И чуть было не споткнулся об камень.

Насколько бы не казалось значимой их беседа, продвигаться дальше было просто необходимо. Их манёвр слишком важен, чтобы позволить себе хоть немного опоздать к началу битвы.

– Я не собираюсь ничего предпринимать, мне просто нужно знать имя того человека. А за тебя я замолвлю слово перед королём, так что тот, кто отдал тебе приказ о моём убийстве, тебя не накажет. Можешь быть спокоен. – Он слегка похлопал его по спине.

– Это был генерал Манред Асталион. – Воин задрожал и покрылся липким потом, но не от страха, а от неуверенности в правильности своего поступка.

Издалека эхом донёсся звон стали и грохот баллист, яростные крики и гневные проклятия, а так же плохо разборчивые приказы – битва уже началась и они на это свидание со смертью неприлично опаздывают.

Пусть перевал Херкрон и являлся единственным проходом через горный хребет Кемады, но он совершенно не значился малым: ширина его (расстояние с севера на юг) позволяла чувствовать себя свободно даже десятитысячным армиям, а протяжённость с запада на восток была такой что повозка, запряжённая одной лошадью, преодолевала эту дистанцию не меньше чем за две недели.

Именно это место последние четыре года служило единственным полем брани для двух оставшихся на материке государств. Так и не соблаговолив поддаться какой-то одной стороне.

Сейчас в очередной стычке бились, словно волны друг о друга, более чем четырёх тысячная армия королевства Фендал с почти десятитысячной армадой страны Ошиды.

Маги Фендала нивелировали численное преимущество врага: располагаясь в задних рядах и закидывая противников огненными шарами, но этого было недостаточно, чтобы завладеть преимуществом.

Отряд Альбериона перешёл через вершины гор, и их взору предстало настоящее побоище: тяжёлая пехота обеих сторон, которая всегда находилась в первых рядах, жёстко сталкивалась как тараны, в попытках прорвать строй друг друга и измотать соперника. Раненные, уставшие и убитые падали не в состоянии сражаться дальше, но на место каждого упавшего вставал новый боец.

Количество тел лежащих под ногами своих братьев, заставило падшего принца сжать кулаки от злости – они опоздали. Битва, конечно же, ещё не проиграна, но их промедление стоило жизни сотням людей. Они опоздали к началу, но финал был ещё далеко.

Четыре не просто больших, а по-настоящему громадных баллисты стояли на вершинах крепких и очень высоких башен, каждый выпущенный ими снаряд лишал жизни как ми-

нимум пятерых.

Небольшой отряд магов, слегка потрёпанный горным путешествием, перебравшись через пики хребтов, приблизился на расстояние достаточное для атаки. Огненные шары полетели на орудия, находившиеся по правую сторону от армии Джермейна, и вершины каменных гигантов запылали огнём, выплёвывая горящие щепки и раскалённые камни.

Второй отряд тот, что должен был уничтожить левые башни, задержался ещё сильнее, чем группа Альберiona. Люди внизу продолжали гибнуть под обстрелами баллист, а они всё не появлялись. Ни в силах больше смотреть на потери среди сограждан бывший наследник трона ринулся в бой: решив мечом и магией прорубить себе путь на противоположную сторону, напрямик через строи вражеских солдат. Отряду же он приказал оставаться на месте, ибо то, что падший принц задумал, было по силам только ему одному.

И начать он решил с демонстрации силы. Альберион быстро проскользил по гладкой поверхности между камнями и оказался у подножия гор.

Собрав в руках недостижимое для остальных количество магической энергии, маг выбросил её вперёд в основание ближайшей башни. Та затрещала, зашаталась и, продолжая гореть, рухнула, прямо на ряды вражеской армии, бывший узник мог сотворить такое и с остальными сооружениями, надо было только подобраться к ним поближе.

Разумеется, крушение колосса нарушило плотность строя

армии Ошиды – войск изумрудных знамён и алых скорпионов. И бойцы золотого лиса бирюзовым копьём ворвались вглубь рядов врага. Но добраться до лишённого титулов командира они не смогли, он остался один в окружении чужих солдат.

Резким движением Альберион вынул меч из ножен, но первым делом в ход пошёл не клинок, а магия: он пустил во врагов молнии, а затем рубящим ударом прошёлся по горлу бегущего на него пехотинца. Следующий нападавший получил в грудь огненный шар, затем сразу в двух полетела каменная глыба, а потом снова клинок рассёк кому то горло.

И вот так – вращаясь во все стороны, чередуя магию и меч, где-то, даже перехватывая копыя врагов применяя их против них самих же, он и продвигался на другую сторону. Но продвигался слишком медленно, оставшиеся две баллисты уже снова зарядились, и кажется, прицелились именно в него, выявив для себя самую опасную цель.

Маг уже приготовился воздвигнуть перед собой каменную стену, которая может быть и не защитила бы от копий баллист, но значительно снизила бы силу ударов. Однако этого делать не пришлось, другой отряд наконец-то преодолел вершину и поджёг вражеские орудия.

Видя, как пылают вершины башен, чародей мысленно выдохнул, груз ответственности перед королём и людьми спал с плеч. Страх оттого что сотни людей напрасно жертвуют жизнями, если его план провалится – ушёл. Теперь всё вни-

мание он мог переключить на битву вокруг, на тех солдат что, крича и ругаясь, продолжали яростно атаковать его.

И среди этих воинов в зелёных одеждах, торчащих из-под стальных пластин лат, он разглядел того из-за кого остановилось продвижение его армии – настоящий великан оказался на поле боя. Нет, ни тот великан из детских сказок, которые ему рассказывала бабушка, что ест непослушных детей и шьёт из их кожи одежду. Это был человек очень крупный, но всё же человек: точно больше двух метров в росте и в плечах шире многих дверей. На его обмундирование не поспешили похоже сам король, однозначно на нём были лучшие доспехи, что могли выковать мастера Ошиды, а могли они побольше кузнецов Фендала. В руках этот «голиаф» держал двуручный молот габаритами своими сравнимый с телом самого падшего принца. Как этот «слон» до сих пор оставался для него незамеченным – загадка.

Но узрев, этого во всех смыслах великого воина в Альберионе снова возникло чувство, которое он казалось, утратил навсегда, которое вроде как из него выбили в темнице Осор за двадцать один год избиений и обливаний мочой – в нём проснулось самолюбие. К нему вернулось осознание того кем он должен стать, для чего он рождён и что ему положено по праву рождения – он Альберион из дома Двэйн, старший сын Кэривульфа, наследник трона Фендала, человек рождённый для того чтобы править всеми, а не подчиняться.

То обидное поражение, которое мятежник потерпел в свои семнадцать лет из-за предательства генералов, было для него сильным ударом, который смог надломить даже его. Он был подавлен настолько, что позволил окружающим обращаться с собой как с крысой. Вместо того чтобы разрушить тот ненавистный замок на самом севере мира, маг терпел побои и оскорбления стражников.

Но вот Альбертион вновь одержал победу, вновь ощутил собственную важность. И теперь хотел ещё сильнее укрепить в себе это чувство, а главное показать окружающим, что он по-прежнему способен решать исходы сражений, дабы и они поняли, насколько бывший принц важен для них.

Возможно, в его жизни будет ещё ни мало поражений, но больше маг не позволит им сломить себя. Больше никто не посмеет выказывать ему неуважение – следующий кто повернётся на балу к нему спиной, будет тут же сожжён чародейским пламенем.

Волшебник мог бы и этого гиганта сжечь в огне, ему бы хватило сил пробить вражескую броню своими заклинаниями, но данное действие было бы не достаточно эффективным – такой победой никого не впечатлишь. Требовалось одолеть врага в физической схватке, это произвело бы на воинов должное впечатление, они бы скандировали имя павшего принца, но главное его честолюбие было бы удовлетворено, а вместе с тем вернулась бы и уверенность.

Подобные дуэли остаются надолго в сердцах и памяти

всех кто их увидит.

Дабы случайно не угодить заклинанием в громилу (цель ведь такая что легче попасть, чем промахнуться) Альберин решил пробиваться к нему только мечом. Со времени последней войны силы в нём стало больше, теперь пронзать врагов стало легче, чем в семнадцать лет, но и в габаритах он прибавил, а потому проворства в нём поубавилось. И всё же битвы давались ему проще, чем раньше.

Один из пехотинцев хотел проткнуть копьём его лицо; падший принц, отклонил голову чуть вбок, и остриё прошло мимо, затем свободной рукой схватил оружие врага, и сильным рывком отнял то у атакующего, воткнув наконечник в голову солдата решившего напасть сзади. Самого же оппонента он одарил широким рубящим ударом, тот прикрылся щитом, попутно достав меч. Отразив атаку, солдат ответил сильным ударом с плеча. Лишённый титулов пригнулся, проскользнул под рукой пехотинца и воткнул свой клинок ему в живот, попав точно под стальные пластины лат, укол такой силы разорвал плотную стёганую ткань и вошёл прямо в печень врага. Из рта поверженного вырвался крик боли смешанный с густой кровью, после чего его дыхание прервалось, а глаза поблёкли. Маг продолжил своё продвижение к цели.

Вооружённый молотом гигант, убивая очередным своим ударом троих, боковым зрением заметил, что сзади происходит неладное: какой-то воин, в дорогой броне и с пер-

вокласным мечом не имея даже щита, легко прорывается сквозь толпы его собратьев по оружию, не позволив никому даже оцарапать свои доспехи. У громилы тоже разыграло самолюбие, он не видел в своей жизни более лучшего мечника и потому яростно желал его победить. Забыв о войне, он повернулся к армии врага спиной, (его товарищи тут же прикрыли парня щитами), и направился к магу обрушившим башню.

(Наконец-то я привлек твоё внимание. Мне ещё не доводилось встречать таких соперников.)

Мальчишеская улыбка, от предвкушения великого приключения на свою голову, воссияла на лице Альберiona. Этой победой он будет гордиться годами, ну а поражение прервёт жизнь, в которой итак уже давно нет смысла. Кровь в жилах «забурлила» заставляя тело «пылать», тем не менее, разум удалось сохранить спокойным и холодным, что невероятно важно в поединке.

Зная технику боя своего соотечественника, а она состояла из двух правил, схватись покрепче и замахнись посильней, солдаты восточного королевства разошлись. Образовав арену: участок земли в форме неидеального круга, в центре которого остались лишь колос и командир южного обходного отряда.

Гигант решил атаковать первым: взявшись за самый край рукояти обеими руками, он выпрямился, подняв молот вверх, так что его навершие оказалось за спиной исполина, а

затем согнулся, сильным махом отправив молот вниз, туда, где стоял Альберион. Это походило на удар, которым рубят дрова, но лишённый титулов не полено и на месте стоять не собирался – ему не составило труда отпрыгнуть в сторону, и ответить рубящим ударом в область рёбер. Конечно, эта контратака не навредила сопернику – лишь оставила царапину на броне. Но падшему принцу нужно было продемонстрировать своё преимущество в скорости, дабы враг начал его опасаться и не атаковал столь резво.

И это сработало: быстро вернув молот в руки, последующую атаку он делать не торопился, а начал идти внутри импровизированной арены по часовой стрелке, следя за тем, как двигается противник. Но мечник не двигался, только переводил вес с ноги на ногу. Вдруг, он сделал небольшой прыжок вперёд и тут же отпрыгнул назад. Великан поддался на эту провокацию и размашисто ударил молотом слева на право. Оружие пролетело рядом с Альберионом, но не задело его.

Это был опасный, неразумный трюк, зато он открыл ему окно для атаки. Новый прыжок, на этот раз настоящий, длинный, насколько это возможно в таких доспехах, приблизил его вплотную к голиафу, и он прошёлся мечом по его животу, по тому месту, где был зазор между кирасой и поножами. Меч прорезал ткань, но рану не нанёс. Оппонент понимал, что ударить молотом он не успеет, поэтому ударил врага локтем в челюсть. Не будь на голове Альбериона шлема,

его челюсть раскололась бы на десятки кусков, а так он лишь потерял равновесие, и возможно получил синяк, может даже будет проблематично разговаривать ближайшие пару часов. Гигант снова занёс молот, но и от этого удара падший принц легко уклонился, оружие снова вонзилось в землю, оставив углубление в каменной породе и небольшие трещины вокруг. Маг настолько был упоён этой дуэлью, что только сейчас заметил отсутствие звуков битвы. Сражение между армиями прекратилось, все воины замерли, следя за их схваткой.

Оппоненты, глядя в глаза друг другу, начали обходить арену вокруг её центра. В этот раз Альберион решил атаковать первым: прижавшись к земле, он резко выпрыгнул, совершив молниеносный бросок вперёд – нацеленный в горло врагу, но соперник встретил его выпад, ударом молота. Маг и от этого увернулся, пройдя под рукой солдата Ошиды, он оказался за его спиной и рассёк ему заднюю поверхность ноги. Здоровяк рухнул на колени; чародей приготовился добить противника. Ему не хотелось убивать того ударом в спину, и он начал обходить поверженного воина справа. Но, несмотря на свои габариты и плачевное положение гигант смог нанести удар по потерявшему бдительность сопернику.

Наконец-то он смог попасть молотом по врагу, в такой позиции невозможно было вложить всю свою силу в атаку, но и того что было хватило, чтобы заставить мечника пятиться

назад, пытаясь удержать равновесие.

Широкая, плоская часть оружия прилетела в область рёбер, да с такой силой, что в глазах на миг потемнело. Когда же пелена спала, лишённый титулов заметил, что он стоит на четвереньках в трёх, а может быть четырёх метрах от колоса и выплёвывает густую, липкую, красную жидкость на свой меч, впервые пачкая свой клинок своей же кровью. Попытка подняться отозвалась болью, тут он понял, что у него сломаны почти все правые рёбра, и это было плохо – ведь левая рука управлялась с мечом не так хорошо, а правую руку сейчас даже поднять было невозможно. Проклятье его разбери, да ему даже дышать было сложно, не то, что драться.

Гигант, опираясь на молот, поднялся, и, волоча за собой ногу, медленно ковылял к сопернику, предвкушая победу. Тот в свою очередь, прижав правую руку к груди и стиснув от боли зубы, тоже поднялся, держа меч в левой. Соблазн использовать магию был силён как никогда, но Альберцион не станет этого делать: двадцать лет назад он был лучшим мечником королевства, и должен доказать в первую очередь себе и по возможности другим, что таковым и остался. Не на тренировочной площадке, а здесь – в реальном бою.

Оба соперника, прихрамывая, шли друг на друга с грациозностью и скоростью улитки, хотя возможно в данном состоянии их бы даже улитка обогнала. Бряцание двух латных доспехов и звуки, шаркающих о каменный грунт, молота и меча, были теми немногими звуками, прокатывающимися в

этом перевале – все остальные в напряжении затаили дыхание, боясь лишним шумом испортить зрелище.

Молот давал своему владельцу преимущество большего радиуса удара, мечнику требовалось подойти куда ближе для своей атаки. Но вот то, что великан во время своего выпада мог опереться только на одну ногу, данное преимущество резко уменьшалось. Волшебник всё-таки мог крепко стоять на своих двоих, хотя его тело очень хотело прилечь и отдохнуть – эдак недельку. Переведя весь свой немалый вес на здоровую ногу, солдат Ошиды ударил перед собой. Предположив, что и в этот раз враг опять пригнётся, он направил оружие немного ниже к земле.

Но от усталости и ран его рука не смогла удержать нужную высоту и маг, пусть и, крича от боли, перепрыгнул молот, тем самым сократив дистанцию между ними. Увидев падшего принца так близко, солдат Ошиды выпустил молот, дабы задушить соперника голыми руками, но клинок уже вошёл ему в горло, на пару сантиметров ниже кадыка – проткнув трахею и пищевод.

Потеряв прикрытие башен и своего сильнейшего воина, боевой дух армии Ошиды пал... и они принялись бежать. Это никак не походило на отступление – это было именно бегством. Четыре года топтания на месте – подошли к концу. Наконец, одна из сторон смогла одержать первую победу и войти на территорию противника (правда, на этой стороне

ещё нужно было закрепиться).

Обломки разрушенного строения препятствовали продвижению войск и потому силы Фендала растянулись.

Продолжать наступление или преследование отступающего врага в таких условиях было не разумно: можно было нарваться на засаду или угодить в иные ловушки, из-за которых армию могли бы разбить на несколько малых групп. Требовалось перегруппировать силы для дальнейшего безопасного продвижения. Поэтому, недалеко от выхода из перевала, или от входа, если смотреть со стороны другого государства, был поставлен шатёр, в котором собрались все генералы. И именно туда шёл Альберион настойчиво решивший поучаствовать в военном совете, не ожидая тёплого приёма.

Пехота уже полностью переправилась через горы, теперь начала подходить конница, которую естественно нельзя было задействовать в каменных массивах перевала. Первыми подоспели конные лучники: самый лёгкий, а потому самый быстрый вид конницы. В этих равнинных просторах им не будет цены, они смогут обстреливать врагов часами, не подпуская их к себе.

Зайдя в шатёр, Альберион сразу же собрал на себе презрительные взгляды всех присутствующих.

– Ты зачем сюда вошёл предатель?! – Ненависть Асталиона к нему была настолько сильна, что он выплёвывал слова будто яд.

– Капитул выбрал меня своим представителем. Без мое-

го одобрения ни один маг не примет участия ни в одном вашем плане. – Абсолютно спокойным тоном произнёс падавший принц. Он одержал много побед за эту неделю, и ничто не поколебает его уверенность в себе и не заставит потерять над собой контроль.

– Стража, а ну выкиньте его отсюда! – Приказал главнокомандующий, от гнева ссутулив брови так, что те едва не слились в одну.

Внутри находился десяток солдат стоявших по периметру палатки, они, не раздумывая вытащили оружие. Но не успели те сделать хотя бы шаг, как маг совершил круговое движение рук по оси своего тела и поток ветра выбил клинки из их хватки, (бережно оставив всё остальное на месте). Затем волшебник согнул десницу, приблизив ладонь к лицу, и мечи, направив острия в ту же сторону, куда смотрели его глаза, собрались у него за спиной, образуя полумесяц.

– Я не уйду отсюда. – Брат короля перешёл от спокойного тона на, не сулящий ничего хорошего медленный шёпот. – Думаете выгнать меня силой, так подумайте ещё раз. – Не моргающие глаза Альбериона смотрели на Манреда.

– Что ж, оставайся. Думаю, ты всё же будешь нам полезен. – Устало заключил генерал, задумчиво глядя в карту.

Мечи со звоном попадали за спиной отверженного, однако солдаты не стали их подбирать, боясь приблизиться к чародею. Даже когда он подошёл к столу, на котором лежала карта местности, пристально разглядываемая всеми генера-

лами, они, словно статуи, остались стоять на месте.

– Предлагаю атаковать крепость Нердин. Нам нужна твердыня, если мы хотим закрепиться на их территории и спокойно получать провизию и подкрепления из Фендала. – Генерал Треллин ткнул пальцем в точку на карте, правую грудь его сюрко украшало изображение тигра сидевшего среди копий на чёрно-белом фоне.

Альберион плохо знал его, но зато хорошо знал его отца – Метира. Во время бунта тот встал на сторону принца и был верен ему до самого конца, в отличие от многих других его сторонников. Он и подумать не мог, что род Сайренд всё же получил помилование – Кэривульф редко проявлял милосердие.

– Это слишком опрометчиво, мы ещё не собрали все свои силы, не говоря уже об обозах с провизией. Если мы ринемся на их стены сейчас то они, скорее всего нас отбросят, затем контратакуют. И мы снова будем торчать в перевале.

– Но и оставаться в поле мы не можем, мы станем беззащитны против ночных вылазок. – Возразившего главнокомандующему генерала бывший принц не знал.

– Немного левее от этой крепости есть деревня Силай. Занять её не составит труда, хватит и не большого отряда. Но раз она нанесена на карту, значит, там есть хотя бы частокол, а может даже и полноценные, пусть и деревянные, стены, такие на которых можно будет бойцов разместить. Чтобы там ни было, это, во всяком случае, защитит нас от ночных сабо-

тажей. – Альбертион посмотрел на остальных, ища поддержки своего предложения.

– Укрепления в замке, невесть какие, и, тем не менее, идти сразу на него опасно. Я поддерживаю позицию принца. – Хрипло произнёс старый генерал Альхион, бывший узник хорошо его знал, они во многих войнах сражались и командовали вместе. Он даже кое-чему учился у этого старика, но во времена бунта они были на разных сторонах.

– Он никому не принц, граф Эндейр. Позволю вам напомнить, что король Джермейн хоть и помиловал его, но не признал невиновным. Этот бунтовщик всё ещё лишён всех своих титулов. Дерьмо вашей лошади более высокого ранга, чем он! – Снова взъерепенился главнокомандующий Асталион.

– Но это не значит, что его план дерьмо. – Настаивал старик.

– Ну, раз ни у кого нет плана лучше, сделаем эту деревню нашим временным аванпостом. Пока не подойдут обозы. Эй, предатель, где твои маги? – Пренебрежительно бросил Манред.

– Я отправил их в горы, по обе стороны от перевала. – Он уже начинал похрипывать от злости.

(Неужели этим людям всё придётся объяснять.)

– Зачем? – Изумился Треллин.

(Видимо придётся.)

– Нельзя исключать вероятности того, что в горах остались отряды врага, и они могут дождаться, когда пройдут на-

ши основные силы, чтобы затем устроить обвал. И вот тогда массивная куча камней на несколько недель лишит нас провизии, подкрепления и возможности отступить. Именно этого посланные мной люди и не должны допустить. – На этих словах бывший узник покинул штаб, и увидел, как уже начинала строиться кавалерия. Это были воины верхом на самых выносливых лошадях вооружённые саблями и защищённые лёгкими доспехами, сделанными из кожи в некоторых местах укреплёнными стальными пластинами. Такие бойцы были ценны тем, что могли быстро обходить врага с фланга, влетая им в тыл полностью нарушая построение противника.

Дальше из-за горного массива показалась элита армии Фендала – всадники. Эти закованные в самую прочную броню люди и лошади, передвигались медленнее всех, но зато в бою были самые ценные. Копья пехоты ломались о пейтрали лошадей, а стрелы отлетали от кирас наездников. Их экипировка была настолько тяжела, что для этого вида войск вывели специальный вид лошадей обладающих невероятной силой, даже самые слабые представители этой породы могли нести на себе не менее пятисот килограмм нагрузки.

Вооружены же наездники были прочными пиками, длиною три с половиной метра, диаметром десять сантиметров и массой шестнадцать килограмм. Их атакующая и защитная мощь была максимальной. Они являлись единственным родом войск, чьи шлемы давали полную защиту головы, при-

крывая: и шею, и подбородок, и лицо (у всех прочих типов войск данные части тела открыты). У топфхельмов, что они носили, оставалась открытой только узкая полоска для глаз, через которую мало что видно, из-за чего маневрировать всадники были почти не способны, но зато в лобовой атаке сметали всё на своём пути.

Недолго полюбовавшись на построение армии, Альбертон вознамерился пойти проверять посты магов, как к нему вдруг подошёл молодой человек благородного происхождения.

– Простите господин, мне нужно кое-что вам передать. – Парень заметно нервничал, он хоть и молод (на вид едва больше двадцати) но по росту почти догнал бывшего принца, и в телосложении уступал тому не сильно. На его сюрко изображалась искусно вышитая серая как пепел сова с распахнутыми крыльями, держащая в когтях ромбовидный кинжал, это был гордый символ дома Прасдам. Это одна из тех семей что поддержала мятеж, и одна из трёх оставшаяся верной мятежнику даже после того как его схватили под стенами столицы.

– Как поживает ваш отец благородный герцог Метрис Прасдам? – Маг не знал этого сероглазого, коротко стриженного брюнета, но предположил, что тот является наследником этого великого дома. И не ошибся.

– Спасибо господин, мой отец хоть и стар, но в прекрасном здравии и просит передать вам устное послание. – Мо-

лодой воин поклонился, соблюдая правила этикета, которые здесь были неуместны.

– Как тебя хоть зовут? – Дружелюбно спросил маг, парень показался ему оченьмышлёным и порядочным таких людей он ценил и уважал. Подобный друг был бы очень ценен.

– Ларлив господин. – Посланник избрал лаконичный ответ.

– Так что за послание? – Пока шёл их диалог, они успели уйти достаточно далеко от посторонних ушей, да и шум копыт прибывающей конницы позволял быть спокойным за сохранность своих секретов.

– Мой отец желает сообщить, что он все ещё верен вам. И не только он, в королевстве много благородных семей готовых поддержать вас. Так что если вы снова хотите захватить престол его армия в вашем распоряжении. Приезжайте в наше поместье на севере там мы соберём верных вам людей и отправимся на столицу. – Волнение в глазах юноши стало ещё сильнее, он очень боялся услышать гневный ответ.

– Передайте своему отцу, что я ценю его верность, но сейчас не время для мятежей. Я обязательно посету ваш дом в ближайшее время, но как гость, а не мятежник. – Бывший узник ответил очень сдержанно, хотя ситуация его радовала.

– Слушаюсь господин. – Ларлив развернулся, отправившись обратно к войскам. Он получил не тот ответ, который хотел услышать, но и не тот которого так сильно боялся.

Деревню Силай удалось занять без боя, хоть там и были очень крепкие пусть и деревянные стены, людей способных оборонять поселение не нашлось. Ночь прошла тоже тихо, без диверсий и ложных тревог. И потому, за час до рассвета, восстановив силы, армия выдвинулась к крепости Нердин.

Едва край солнца показался на востоке, как замок уже был окружён. Эта ода фортификации явно принадлежала знатному человеку, может быть рыцарю или барону, а может быть князю или графу, да хоть бы даже самому герцогу, она однозначно являлась его гордостью. Далеко не везде возводят такие красивые строения: стены восхищали не только своим пёстрым изяществом, но и высотой, пехотинцам придётся ни мало потрудиться, делая прочные лестницы нужной длины, благо леса вокруг хватало, хоть за ним было и не так близко идти. Оштукатуренные до идеальной ровности стены, выкрашенные жемчужно-белой краской, и крышей покрытой матово синей черепицей, легко очаровывали людей, наивно представляясь им произведениями искусства, а не оборонительными сооружениями коих предстояло штурмовать.

Хотя почему эта крепость должна быть чем-то одним, великим творениям ничто не мешает сочетать в себе всё возможное: быть твердыней, шедевром архитектуры и просто комфортным жилищем. Замок имел форму семи конечной звезды с недалеко выступающими краями и круглыми башнями на местах соединения стен для большей стойкости конструкции. Прочность самих ворот тоже не давала в себе со-

мневаться: крепчайший просмолённый дуб оббитый решётками железа – на сооружение тарана способного пробить их ушёл бы месяц. И, конечно же, повсюду были заготовлены котлы с горячей смолой, камни, брёвна, а также прочие приспособления для обороны.

Разумеется, засевшие внутри солдаты уже отправили весть в ближайшие поселения с просьбой выслать подкрепление, и оно к ним непременно придёт в течение недели, а может и раньше. Так что сидеть здесь под стенами было нельзя, да и оставлять форт незахваченным тоже, ведь самый широкий тракт пролегал как раз через эту крепость. Останься он под контролем врага это бы сильно осложнило продвижение войск и припасов, отправляемых королевством Фендал сюда для дальнейшего усиления армий и восполнения их потерь.

Альбериону не составило бы труда взорвать крепостные ворота одним заклинанием. Но валяющиеся на проходе осколки дерева и камней помешали бы коннице ворваться внутрь, а захватить твердыню в одиночку он не сможет. Да и им самим, несомненно, было выгодно иметь на территории вага неповреждённый подконтрольный замок, в качестве плацдарма для дальнейшего продвижения.

Для их успешного и максимально эффективного вторжения им нужна скорость и манёвренность, потому без конницы никак не обойтись. А для того чтобы она прошла внутрь надо отворить ворота которые открываются изнутри, для

этого-то и нужно захватить стены.

Возможно, в других обстоятельствах у армии Джермейна не было бы шансов захватить замок, но пока на их стороне Альберин, можно было попытаться даже небо перевернуть и горы распылить.

К обеду лестницы уже были готовы, и все выстроились, дожидаясь команды к началу штурма. Старший брат короля в этот раз не стал заниматься обходными манёврами или сидеть в командном штабе, он занял место в самом первом ряду.

В группе, что пойдёт захватывать стену прямо у ворот. Здесь потери всегда самые многочисленные, но задача магов при любом взятии форта максимально минимизировать эти потери. Поэтому в каждом отряде пехоты при штурме находилось несколько магов. Глухой протяжный зов горна, всегда и во всех армиях означающий начало атаки, пронёсся по полю. И пехота, плотным строем, гремя доспехами, медленно двинулась к стенам, держа на плечах лестницы.

Лучники Ошиды дождавшись, когда враг подойдёт ближе, чем на сто метров, выпустили залп. Маги, увидев жужжащее как пчёлы серое облако стрел в небе, создали защитный купол каждый строго над порученным ему отрядом. Словно от скалы, стрелы отлетели, сломавшись на части. Такое заклинание требовало постоянного подпитывания силой и ело оно этой магической энергии не мало. Оттого далеко не у каждого чародея хватало стойкости, чтобы продержаться защитное

заклинание до самой стены.

Когда у волшебника заканчивалась манна, двое пехотинцев прикрывали его своими широкими щитами и уводили назад к обозам, что служили штурмующим единственными укреплениями. Обучение магии занимало много времени, потому владеющие магией воины были слишком ценны, чтобы терять их в таких боях.

Но Альберион обладал огромным запасом магической энергии, и позволил себе то, на что были неспособны прочие. Укрыв себя и подопечных ему солдат непробиваемым для стрел куполом, он спокойно довёл их до стены, а затем использовал заклинание ветра такой силы, что смог поднять себя в воздух и буквально взлететь на стену. Молния полетела в людей, мешающих ему приземлиться. Едва его ноги коснулись каменной кладки, он тут же использовал заклинание огненной волны, спалив всех, кто был вокруг него.

Пехота внизу уже поставила лестницы, совсем скоро они поднимутся наверх, тогда заклинания нужно будет использовать осторожнее (магия не разделяет своих и чужих). Небольшой вражеский отряд поспешил занять утерянные позиции, надвигаясь с обеих сторон. В одних маг забросил огненный шар, разорвав их всех на части, второй встретить заклинанием он не успел, пришлось работать мечом.

Отпаривав удар первого напавшего, он, в ответной атаке вонзил клинок тому в рот, да так что с того слетел шлем, следующий же нападавший лишился головы. Солдаты в би-

рюзовой броне забрались на стену, а значит она, почти наверняка захвачена. Нужно продвигаться дальше к механизму поднятия врат, до которого было уже совсем близко, вот только на стене людей в зелёных доспехах, преграждающих им путь, было ещё много.

Рубя головы и конечности, оставляя прочие тяжёлые увечья на телах врагов, падший принц продолжал стремительное продвижение по крепости. Количество соратников за его спиной росло: всё больше солдат Фендала поднималось на стену. Всё больше следовало за ним. Кажется, захват этого замка будет очень быстрым и малокровным. Хотя, конечно же, представитель магов не видел, что происходит в других местах битвы и не мог знать наверняка, но он точно знал, что произойдёт, когда конница вторгнется в крепость. Надо лишь поднять ворота, открыть ей путь, добравшись до подъёмного механизма.

Увидев, как отворяется вход в замок, тяжёлая конница сорвалась с места. Вес каждого всадника вместе с лошадью и бронёй был почти шестьсот килограмм, и когда они набирали скорость, эту массу было уже не остановить.

Глава третья. Страж.

Торжественный зал королевского дворца – здесь не устраивали балы, тут проводили пиршества, в которых все сидели за столами, и никому даже в голову не приходило начать танцевать. Несколько десятков столов были поставлены, так что образовывали собой один большой, одна часть конструкции которого шла поперёк стен с окнами и дверью, а по обе стороны от него столы стояли вдоль этих самых стен.

Конечно же, за поперечным столом сидели самые важные люди государства, и, разумеется, в центре располагался король Кэривульф со своей женой Эмилией и младшим сыном – одиннадцатилетним принцем Джермейном. Старший же сын находился рядом с отцом на пирах только до тех пор, пока этого требовали традиции, после, он отправлялся к своим друзьям, которых успел завести в многочисленных войнах. Окончание очередной такой сегодня и отмечалось всей, вновь расширившей свои границы, странной.

Уже изрядно охмелевший король с трудом поднялся со своего места, дабы вновь произнести тщеславную победную речь.

– Поданные мои, сегодня мы захватили Нералию, после двух месяцев кровопролитной войны их земля стала нашей, их золото стало нашим, их дворцы и замки теперь наши, и даже их женщины... а в прочем хрен с ними наши всё равно

красивее.

Весь зал разразился громким пьяным хохотом, эти люди сейчас больше походили на свиней чем на высшее светское общество.

Монарх продолжил:

– Теперь мы самое большое королевство на материке, крупнейшее из известных нам. Но я не собираюсь почивать на лаврах, мы восстановим наши потери, соберём и вооружим новых солдат, и пойдём на Герос, их земли и золото будут следующими.

Он торжественно поднял кубок вверх, будто произнёс что-то великое. Далеко не все пьяные рыла издали радостный возглас, некоторые остались в недоумённом молчании. И только у одного присутствующего хватило смелости высказать недовольство.

– Да когда ты уже остановишься?! – Это был голос пятнадцатилетнего принца Альбериона. Он тоже встал из-за стола, чтобы его все видели, несмотря на свой ещё юный возраст он был выше многих присутствующих.

Помещение заполнила холодная недобрая тишина. В данный момент даже в могильном склепе ночью находиться было бы спокойней, чем здесь.

– Что ты сказал? – Правитель делал очень долгую паузу после каждого слова, но не, потому что был пьян. И не, потому что не понял сына. Он пытался дать тому время обдумать свой поступок.

В конце концов, тот тоже выпил, вдруг в нём сейчас говорит алкоголь, а не здравый рассудок. Но принц, в отличие от отца, никогда не напивался, он пил лишь из уважения к традициям, но никак не из любви к спиртному.

– Я прошу тебя остановиться. – Наследник смягчил тон. – Ты и так уже правишь самым большим куском земли, куда тебе ещё больше. Из-за твоих войн народ голодает, ведь ты забираешь у них последнее ради снабжения своей армии. Останови войны и займись благополучием простого люда, они основа нашей страны, на них держится богатство нашей знати.

– Они просто челядь, которая всегда была бедной и всегда будет. Им не привыкать жить в нищете и голоде! А мне нужно заботиться об армии, ведь мы окружены врагами! И если мы не будем кормить свою армию, то будем кормить чужую! – Каждое слово Кэривульф выбрасывал из своего рта с диким криком, похожим больше на рёв льва, чем на речь человека.

– Только глупый король будет покупать своим рыцарям новые доспехи, когда его крестьяне голодают! – Альберион тоже перешёл на крик, повышать голос на короля уже считалось государственной изменой, не говоря о прочей дерзости.

– Не тебе меня учить мальчишка, вот когда станешь королём тогда и будешь править, как тебе захочется, а сейчас, я принимаю решения!

– Ты не оставляешь мне выбора отец. Я больше не при-

знаю тебя королём, я отказываюсь тебе подчиняться. – Эти слова дались наследнику очень тяжело. Ему было больно произносить их. Но он не видел другого выхода, и, считая, что поступает правильно, смотрел в глаза отцу.

Тот совершенно не верил в происходящее, думал, что ему снится сон или это алкоголь шутит над ним злую шутку. Но это была реальность, пугающая и тёмная реальность, в которой собственный сын предаёт тебя на глазах у всех.

– Что ты там проямлил сопляк! – Раздражённо и растеряно прорычал сквозь зубы венценосец, он всё ещё давал возможность мальчишке взять слова назад.

Альберион сделал свой голос более громким и придал ему больше уверенности. Джина не загнать обратно в бутылку – пути назад уже нет.

– Я поднимаю восстание отец, отправляюсь на север собирать там армию, чтобы с ней вернуться в столицу и свергнуть тебя. – Принц тяжело вздохнул после этих слов, желание сделать это терзало его уже много лет, и вот, наконец, он решился. Скала рухнула с плеч, никаких сомнений больше нет, отсюда можно двигаться только вперёд, свернуть или отойти назад, теперь не выйдет.

– Неблагодарный щенок!!! Стража схватить его!!! И упрятать в камеру пока он не образумится!!! – Правитель в гневе указывал на своего отпрыска пальцем, словно пытался раздавить надоедливую таракана.

Королевская стража плотными рядами подбежала к мя-

тежнику с двух сторон. Альбертион занял свою привычную боевую стойку, у него с собой не было оружия, но да оно ему и не было нужно, в его руках горело два огненных шара.

– Вы знаете, кто я и на что способен, нападайте на меня с намерением убить или я уничтожу вас. – Принц сказал это настолько равнодушно, что его слова опутали ужасом всех присутствующих.

– Нет, не убивать его. Взять живьём. – Твёрдо приказал король.

– Отец, я не сдамся в плен. Либо прикажи им убить меня, либо я ухожу и возвращаюсь сюда уже с армией.

– Что ж, проваливай отсюда, пошёл вон!!! – Возопил Кэ-ривульф, в приступе бешенства разбрасывая тарелки с едой и бутылки вина. Его лицо налилось багряной краской, вены на шее и лбу вздулись, дыхание участилось.

Мятежный маг в последний раз посмотрел на свою мать, которая стала мертвенно бледной и кажется, от случившегося лишилась дара речи.

– Увидимся на поле боя отец. – Принц развернулся и направился к выходу. Все смотрели ему в след кроме теряющей сознание матери.

– Не смей называть меня отцом, ты мне больше не сын! Я лишаю тебя права наследования престола, я лишаю тебя всех твоих титулов, я даже лишаю тебя права носить мою фамилию! Ты теперь никто, даже свинопас выше тебя в нашей иерархии! Никто не пойдёт за таким безродным вырод-

ком как ты, тебе не собрать армию! Через полгода ты приползёшь обратно нищий и ободранный!

Под эти ужасные слова Альберцион вышел из зала, позолоченная массивная двустворчатая дверь заглушила от него дальнейшие проклятия отца или вернее проклятия бывшего отца.

Полный гнева, который отгонял сейчас все сомнения и не нужные раздумья, он добрался до королевской конюшни. Несмотря на темноту, слуги заметили его издали и уже начали подготавливать лошадь.

– Вот принц Альберцион ваш конь готов. – Учтиво подвёл животное конюх.

– Я больше не принц. – Сказал мятежник, забираясь в седло. Пришпорив жеребца, он поскакал прочь из столицы в надежде когда-нибудь сюда вернуться.

Двадцать пять лет прошло с тех пор, ну-у... чуть больше, и вроде бы я поступил правильно, ведь если отмотать время назад я бы снова всё повторил, ничего не меняя, но почему же мне тогда так гадко. Даже спустя столько времени я всё равно чувствую себя мерзко, словно я подвёл своих родителей. Но я всё делал так, как велела мне совесть. Или не она? Что если я просто хотел власти? Нет, это бред! Власть никогда не прельщала меня...

Самобичевание Альберциона прервал стук в дверь и последовавший за ним низкий голос слуги.

– Господин, его величество Джермейн вызывает вас.

Падший принц незамедлительно открыл дверь.

– Куда мне нужно явиться? – Он слегка растерялся, от такого неожиданного стремления брата увидится. И не понимал, почему тот не пришёл сам.

– В кабинет главы королевской стражи. Я могу вас проводить туда господин. – Покорно предложил слуга.

– Не нужно, я знаю, где это.

Посыльный поклонился, развернулся и стал уходить, чародей захлопнул за его спиной дверь – ему сперва нужно было одеться подобающе.

Прошло почти три месяца со дня битвы под крепостью Нердин. После её потери Ошида снова запросила переговоры, и король не раздумывая согласился. Но пока ни к каким компромиссам и договорённостям прийти не удалось. Война снова продолжиться это было очевидно всем; обе стороны просто тянули время, чтобы перегруппировать силы и укрепить армию после недавних потерь – коих с обеих сторон было не мало.

Спускаясь из своих покоев по лазурным, как почти всё в этом дворце, ступеням. Он встретился с посланцем, тем самым с которым разговаривал на пиру.

Тот в свою очередь поднимался, стараясь почему-то не наступать на алый ковёр, лежащий ровно посередине ступеней. Маг готов был поклясться, что раньше ковра здесь не было, видимо одно из недавних распоряжений королевы.

– Здравствуйте господин Альберион. – Лукаво улыбнулся чужестранец.

Резиденция главы королевской стражи находилась в самом низу, возможно, он шёл как раз таки оттуда, может быть именно его слова и послужили причиной вызова брата короля на аудиенцию.

– Здравствуйте господин Люциан. Вижу вы весь в делах? – Воин вежливо поклонился, даже десятилетия тюрьмы не смогли убить в нём аристократа.

– Да и вас я смотрю в покое не оставляют друг мой. – Он слегка развёл руками, будто удивляясь этому.

– Забот и вправду хватает, хотя в последнее время их конечно поубавилось. – Дружелюбное выражение лица превратилось в радостное.

– Ну, вы с ними так хорошо справляетесь, я слышал, вы делаете успехи. Хочу вас поздравить. Конечно не с победами в битвах, с ними я как вы понимаете, вас поздравить не могу. Но я слышал вы теперь глава магов, мои поздравления, это достойно уважения. – Посол положил правую руку на центр своей груди и немного склонился, выражая уважение.

– Я не глава магов, я их представитель, это не то же самое. У магов нет главы, ими правит совет старейшин. Я лишь озвучиваю их волю, ну и в бою командую ими, решая как лучше их использовать.

– Всё равно это очень большая честь. – Снисходительная улыбка его губ читалась всё отчётливей.

– Да, это очень большая честь.

(Для простолюдина, но никак не для принца. Но ведь ты остановил меня не для того чтобы поздравить, ты что-то узнал, что-то важное. Ну, так давай выкладывай, к чему нам сантименты.)

– Мне нужно идти господин посол, короли не любят ждать.

– Я отниму у вас ещё немного времени мой друг, это касается гибели вашего отца. – Теперь он старательно изображал сострадание, брови его чуть ли не треугольником сложились.

(Наконец-то ты перешёл к сути)

– Мне очень интересно будет это послушать, хоть и тяжело вспоминать об этой утрате. – Бывший узник тяжело выдохнул.

– Ещё раз приношу вам свои соболезнования. И мне неприятно сыпать вам соль на рану, но я считаю себя обязанным рассказать вам о том, что в момент смерти рядом с вашим отцом было четверо слуг и больше никого. Всех их в тот же вечер отстранили и под присмотром стражи выдворили из столицы.

– И куда же их отправили?

– Стража сопровождала их аж до Менерёста.

– Того маленького городка неподалёку? А что стало с ними дальше?

– Говорят, им выплатили очень большие суммы, после чего они разъехались в разные части страны.

– И вы разумеется не смогли их найти? – Мятажник быстро, на зависть многим актёрам, изобразил досаду в голосе.

– Не живыми. – Посол потягивал слова, стараясь не давать быстрого ответа.

– Очень интересно!

– Даже интереснее, как только они останавливались, в каком-нибудь городе, чтобы поселиться там, на следующий день их находили мёртвыми. Все они погибли по разным причинам, но в течение всего трёх недель.

– Всё это очень подозрительно. – Альберион потёр подбородок левой рукой, задумчиво глядя в пол.

– Именно! Человек кто мог подстроить такое, явно обладает большой властью в вашем королевстве. – Люциан хорошо скрывал эмоции, но чародей успел разглядеть самодовольное выражение, промелькнувшее на лице чужестранца.

– Разумеется, только это не доказывает, что тут замешан мой брат. Этого не достаточно, чтобы я пошёл против него. Спасибо вам за беседу господин посол, но король ждёт меня. Дайте мне знать, когда узнаете ещё что-нибудь.

– Непременно.

Они раскланялись, и оставшиеся пролёты бывший наследник престола провёл в раздумьях: неужели его младший брат и вправду отравил отца, если тот способен на такое, то и самому Альбериону, пожалуй, нужно быть внимательнее, когда он употребляет пищу – может, стоит вообще перестать есть.

Сложно быть особой королевских кровей, даже лёжа в постели опасаясь за свою жизнь и ждёшь удара от самых близких людей. Но даже если Джермейн и вправду так поступил с отцом, это ещё не значит, что так он поступит и с ним. Они же всё-таки братья, они были очень близки, когда были детьми – вот именно! Были. Столько лет прошло с тех пор, они теперь стали абсолютно другими людьми. Кто знает, на что они способны теперь.

И всё-таки стал бы он его освобождать, если бы хотел убить – в этом нет никакой логики. Так что пока ждать предательства от брата не стоит, но кто знает, как оно всё повернётся в дальнейшем.

Кабинет начальника стражи не был просторным, здесь было столько места, сколько требовалось для работы. Лёгкий стол из простой древесины, такой же стул и широкое окно, чтобы дневной свет оставался в комнате как можно дольше. И куча плохо сложенных бумаг на столе – глава стражи дольше возиться с чернилами, чем со стражниками.

– Наконец-то ты пришёл. – Джермейн отвёл взгляд от окна, куда уже били утренние лучи Солнца и холодно посмотрел на братца.

Падшему принцу не понравился его недовольный тон.
(Я тебе не прислуга братишка, чтобы нестись сломя голову через весь дворец по первому твоему приказу.)

Вслух же Альберийон сказал.

– У меня были кое-какие дела. – Его тон был пренебре-

жительным и даже немного дерзким. Королю это не понравилось, но он не стал раздувать конфликт.

– Позволь мне представить тебе кое-кого, это Арнульф Бейтред глава королевской стражи. – Монарх подошёл к столу, возле которого стоял лысый мужчина с рыжими бакенбардами.

– Я знаю, чем он занимается. Мы уже общались, правда, не представились. – Язвительно пошутил бывший наследник. Старик на это презрительно фыркнул.

– Тогда сразу перейдём к сути. – Правитель явно не собирался тратить время на мелкие склоки.

– Ваше величество, я всё ещё настаиваю на том, что ему нельзя доверять. Он предал вашего отца, предаст и вас. Этот человек изменник до мозга костей, и перешагнёт через любого ради самого себя. – Чуть ли не брызгая слюной, кричал стражник, гневно размахивая руками.

– Мой брат человек чести Арнульф, и пошёл против отца он только потому, что счёл своим долгом перед нашим народом остановить тирана. Я верю ему как самому себе, поэтому и поручаю это дело ему. Вы уже четыре месяца ловите убийцу и безрезультатно. А с его способностями мы сможем справиться и за пару дней. – Джермейн резко повысил тон, дабы присмирить подчинённого.

– А кого убили-то? – Мага охватил азарт грядущего приключения, всё остальное стало ему тут же не интересным.

– В палате лордов нет единства. – Резко начал брат. – Ка-

кие-то лорды поддерживают меня, а какие-то против всех моих решений. Для них это в целом обычная ситуация, ничего особенного казалось бы.

– Я этого знать не могу, при нашем отце никаких лордов не было. – Он пожал плечами, выказывая своё недоумение не только словами, но и жестом.

– Пришлось пойти на кое-какие уступки, чтобы встать у власти.

(С чего бы это вдруг братец? Каким компроматом на тебя располагает дворянство, что ты разрешил им создать парламент, ограничивающий твою власть? Чего же ты такого натворил?)

– И кто-то начал убивать поддерживающих тебя лордов. Много их уже убито? – Перебил короля нетерпеливый чародей.

– Пятеро. Мы усилили охрану остальных четырёх, но толку от этого я уверен будет немного. Этот парень неуловим.

– И зацепок у вас никаких. Я что, по-вашему, должен в одиночку перевернуть весь город?! – Альбертион свёл брови вместе, а его зрачки сузились от ярости.

– Ну, ты у нас парень способный, если кто и сможет это сделать то только ты. Поэтому я и поручаю это дело лично тебе. Делай всё, что сочтёшь необходимым, только найди мне его, пока я окончательно не остался без лоялистов. – Джермейн протянул старшему брату руку, тот не задумываясь, пожал её.

– Ну, вот и порукам! Отлично! Арнульф предоставишь ему всю необходимую информацию и людей, если потребуются. – Радостно протараторил монарх.

– Слушаюсь ваше величество! – Отчеканил Бейтред.

– А теперь давай-ка прогуляемся братишка мне очень нужно тебе ещё кое-что рассказать, на этот раз более приятное. – С довольной улыбкой он положил руку на плечи волшебнику, и они, обнявшись, вышли из кабинета, направляясь в сад, построенный в подарок их матери.

Дождаться когда они окажутся там под кронами деревьев Джермейн не смог. Его распирало от радости, и он решил всё рассказать едва они вышли из дворца.

– Ты великолепно проявил себя в последнее время, разработал успешный план атаки, доблестно сражался на перевале и при взятии крепости. Ты заслужил повышение больше чем кто-либо.

– Вам виднее ваше величество.

– Да прекрати ты, я же не просто так всё это говорю. Знать тебя ненавидит, но твои успехи заставляют их прогибаться. Я две недели ругался с лордами, чтобы выбить тебе титул и земли. – Его улыбка стала ещё шире.

– Ого, да я теперь из знати. – Падший принц не очень-то воодушевился по этому поводу, он вообще не выказал никаких эмоций.

– Я хотел сделать тебя герцогом, но они мне этого не дали, не позволили сделать тебя даже графом. Но вот титул викон-

та выторговать удалось. Так что теперь ты у нас виконт Энтэралии и барон Висалии. – Монарх, словно ребёнок, сиял от счастья ожидая того же и от брата.

– А что, по-моему, звучит! – Плохо заметный сарказм сопровождал в ответе волшебника. Он смотрел на своё пресное отражение в фонтане и словно пытаясь смыть расстройство, зачерпнул воду руками и умыл лицо. Несмотря на позднюю осень, вода все ещё была тёплой.

– После недавних сражений освободилось немало титулов, много людей из высшего благородного сословия погибли не оставив наследников, а кто-то погиб вместе с наследниками. В общем, кому-то нужно было передать их титулы и земли. И более достойного человека, чем ты для этого не найти. – Король опёрся на голову одной из статуй русалок.

– Но ведь если знатный человек умирает не оставив наследников его титулы и земли переходят королю? – Недоумённо спросил воин.

– Да именно! И я имею полное право, подарить их кому захочу! И я выбрал тебя. К сожалению более высокого титула не освободилось, а чтобы присвоить новый, а не передать освободившийся, нужно разрешение лордов.

– Но они против, как не удивительно. – Альберион посмотрел на дворец, всегда служивший ему домом. Место, в котором как ему когда-то обещали, он непременно со временем станет главным.

– Не расстраивайся ты. Я понимаю, что для человека тво-

его происхождения титул ниже герцога это оскорбление. Но всё равно виконт это уже высшее дворянское сословие, не низшее вроде рыцарей и сквайров, а высшее. Теперь если кто-то не будет с тобой учтив, то получит плетьюми. И больше тебя не смогут называть безродным предателем. – Он аккуратно поддел воду и смотрел, как она вытекает сквозь пальцы.

– Да теперь я буду благородный предатель. – Они оба негромко рассмеялись.

– Тебе абсолютно незачем посещать свои земли. Ты нужен мне здесь в нашем доме. Как ты говорил это место твой дом и тебе некуда больше идти.

– Это уж точно.

– Ах да мы тебе ещё и старший офицерский чин присвоили, будешь теперь и ротами инфантерии командовать. Это вроде все, что я хотел рассказать. – Пожав плечами, заключил он.

– Но зато мне есть, что у тебя спросить. – Чародей как пощелчку пальцев сменил тон с весёлого на серьёзный.

– Это по поводу дела, которое я тебе поручил?

– Я хочу знать какие семьи самые влиятельные в твоём королевстве. – Маг чуть не допустил ошибку и не сказал «моём» порой он забывает, что общается с королём. Пусть тот и приходится ему младшим братом, но он всё-таки правитель и его господин, а также тот, кто дал ему свободу.

– Самые влиятельные Аластеир и Фадеир.

– Их всего две?! – В изумлении брови воина свелись настолько, что он мог сломать ими спичку.

– Ну, отец дружил с этими семьями, поэтому большую часть, как земель, так и крестьян с каждой завоёванной страны он отдавал именно им. Так что нет ничего удивительного в их могуществе. – Правитель опёрся спиной на каменную русалку скрестив руки на груди демонстрируя свою беззаботность, хотя было видно что эта ситуация его совсем не радует.

– Да это отец поступил не дальновидно. – Тихо протянул бывший наследник, поглаживая пальцем воду.

– Ему было проще управлять двумя семьями, обещая им различные награды, чем пытаться балансировать между всей знатью.

– Зато теперь в случае чего те захотят занять трон. Чем больше влиятельных семей, тем меньше в них желания бороться за корону. Пойди, одолей двенадцать или даже пять благородных родов с обширными землями и большой армией. А тут нужно победить всего одного конкурента. Искушение слишком сильно.

– И что ты предлагаешь? – В его голосе не было отчаянной просьбы, ему просто было интересно следить за мыслью брата.

– Уже решил на ком женить сына? – Падший принц посмотрел в глаза королю.

– Пока решаю. – Он медленно увёл взгляд, уставившись

на свои ботинки.

– Выбери третью семью, это добавит новую крупную фигуру в игру за трон, и у них поубавиться желания убирать тебя.

– А я думал наоборот, вырастет. – Недоумевал Джермейн.

– Сам посуди, если ты возьмёшь невестку от какой-нибудь из этих двух семей, то после твоей смерти, на престол взойдёт король женатый на девушке из их фамилии. А значит, влияние этого рода возрастет ещё сильнее, и они станут самым знатным домом, после королевской семьи, конечно же. Вторые же, явно будут не довольны таким раскладом, и возможно будут плести заговоры против тебя и Киллиана. Но если жена будет не из этих двух семей, то в случае твоего ухода появиться третья сила, способная оспаривать их право на доминирование.

– И чтобы этого не допустить дома Аластеир и Фадеир будут всеми силами поддерживать моё правление, чтобы я как можно больше оставался у власти, дабы как можно дольше не появлялась третья сила. Это очень хитро, не зря я тебя освободил, твои советы мне пригодятся. А как ты до этого додумался?

– Учили меня этому. Учили править королевством и подданными. Я же должен был это всё унаследовать. – Немного грубовато заявил бывший узник.

– Ну да, а когда ты проиграл и отправился в Осор, мать навсегда замолчала, а отец... он никогда не верил что из меня

получиться хороший правитель, поэтому особо и не усердствовал в моём обучении.

– Не думай об этом ладно. Ты хоть и король всего два года, но я уже вижу, что из тебя получился куда лучший правитель, чем из отца или меня.

– Хочется верить. – Тяжело вздохнул Джермейн, поворачиваясь к брату.

– Ну, так что ж, ваше величество, с вашего позволения пойду готовиться к выполнению назначенной мне миссии. – Виконт Энтералии и барон Висалии, нарочито кривляясь, поклонился чрезмерно низко и едва не коснулся лбом земли.

– Иди, давай! – Ответил монарх, и они опять засмеялись.

Сегодняшней ночью луна была такой же, как в тех историях про оборотней, что рассказывала Альбериону бабушка, когда он был ещё совсем маленький. Она пыталась напугать его подобными небылицами, чтобы заставить мальчишку слушаться и меньше проказничать. Но молодой принц едва дослушав эти истории помчался к отцу и потребовал у того пару рыцарей, коня и арбалет, дабы самолично отправиться в леса и охотиться на чудовищ. Король, выслушав его, расхохотался, стуча по столу ладонью, а затем посадил тогда ещё единственного сына на колени и сказал, что в жизни не встречал никого храбрее.

Редкие облака порой скрывали вульгарно яркую ночную гостью, осыпавшей город сиянием настолько обильно, что и

факелы были не нужны.

Уже шестую ночь подряд представитель магов слонялся по столице пытаясь поймать убийцу. Его собственное расследование ни к чему не привело, те, кто за этим стоял хорошо подчищали следы. Поэтому все, что ему оставалось так это ходить между домами лордов в слепой надежде наткнуться на предателя.

Конечно же, мыслей о том кто им мог оказаться, было предостаточно, но этот человек был слишком значимой фигурой, чтобы его бездоказательно обвинять. Хотя если догадки павшего принца окажутся верны, брату лучше и вовсе не знать о том кто это. Пусть остаётся в неведении, а дело стоит проверить у него за спиной, получив из этого как можно больше дивидендов.

Хотя пока это всё совершенно бессмысленные рассуждения о будущем, для начала преступника нужно поймать, а это вряд ли произойдёт сегодня: в такую светлую ночь, его легко будет заметить, так что наверняка убийца не объявится. Или нет. Если передвигаться по крышам, то и днём мало кто тебя увидит – нужно начинать реже смотреть под ноги. А ещё лучше убедить магов принять участие в поимке преступника. Если расставить их по крышам то они смогут его увидеть до того как он совершит преступление и подадут знак.

Свет!

Свет прервал томительные размышления детектива. Тёп-

лый красный, слегка мерцающий огонёк ночного светильника вырывался в холодную и пустую мглу из широкого окна дома лорда.

Не мешкая, Альбертион помчался туда.

Стража у входа его тут же пустила. Почтительно распахнув перед ним двери, из проёма которых сразу же выскользнул сокрушённый женский плач полный горя и страха. Любому бы сразу стало понятно, что чародей пришёл слишком поздно.

Охрана чиновника стояла по всему дому, недоумённо переглядываясь. Вдову заботливо отвели в самую глухую комнату, где бы она и дальше придавалась отчаянию и сожалению о своей утрате, не мешая другим работать.

Поднявшись на третий этаж, маг увидел настежь распахнутые двери кабинета, и лежащий на полу в луже тёмно-бурой крови труп с перерезанным горлом, тихо бледнеющий в лучах масляных светильников.

– Я так понимаю, никто не видел, как в дом кто-нибудь входил или выходил из него? – Все ответили стыдливым молчанием на его вопрос.

– Разрешите пройти мой лорд. – Теперь, когда Альбертион стал частью высшей аристократии, пусть даже и не самых высоких титулов, к нему следовало обращаться мой лорд, даже если обращался начальник королевской стражи. – Давно вы здесь милорд?

– Только подошёл. И нет, ничего и никого подозрительно-

го я не видел. И наша охрана тоже. А что видели вы?

– Только двое тел моих людей. Они явно заметили убийцу и напали на него, но он довольно быстро справился с ними. Причём их оружие не было в крови, они даже не смогли поранить его, настолько ловок этот сукин сын. – Арнульф склонился над телом, стараясь как можно отчётливей разглядеть всё, что могло хоть как-то помочь в деле. – Есть идеи, как он попал сюда?

– Через окно. – Уверенно ответил барон Висалии.

– Это третий этаж! Как он мог в доспехах подняться на такую высоту и пролезть в окно, которое открывается только изнутри? – Бейтред поднялся, и, разводя руками, подошёл к окну, дабы убедиться, что оно закрыто.

– Изнутри окна закрываются только на крючок, приподнять его можно снаружи с помощью тонкого ножа. А затем закрыть так, что тот снова упадёт на место.

– Но подняться на такую высоту в стальных доспехах? Это маловероятно! – Он начал разглядывать раму пытаясь найти там хотя бы царапины.

– По поводу доспехов это всего лишь ваши домыслы. Я думаю, он обходится без них. – По-прежнему уверенно и уже даже немного самодовольно ответил падший принц, опираясь плечом на стену.

– То есть, по-вашему, этот говнюк настолько хорош, что смог одетый в какие-то тряпки разделить двух моих воинов не получив при этом ни одного ранения и как ни в чём небы-

вало уйти! Да кто на такое способен?!

(Да есть тут один.)

– Мне нужно пойти осмотреть убитых стражников. – Решив не отвечать на вопрос, он развернулся и направился к выходу.

(Какой же ты всё-таки глупый Арнульф. Какой же глупый. А ещё начальник стражи, называется. Ответ ведь очевиден.)

Здание палаты лордов было одним из немногих строений в столице возведённых при новом короле. Располагалось оно почти в самом центре города и представляло собой двухэтажное круглое здание с белыми, как мел стенами, слегка выбивающимися из общей архитектуры города. Сферичная крыша имела медный цвет и ослепляла прохожих отражёнными лучами солнца, держали её, статуи атлантов – гигантские фигуры нагих мужчин и женщин. Их нефритовые спины изгибались под тяжестью ноши, а мышцы на руках и ногах были напряжены, на лицах тоже изображалось усердие. И нет, скульптуры не были зелёными, они были из редчайшего белого нефрита.

Внутри же здание было таким же стерильно белым, только янтарный пол вносил летнюю радость в эти унылые монотонные коридоры и комнаты. Коих, было немного, ведь постройка была небольшой. И в её центре находилась кафедра, на которую падал свет от всех окон. Вокруг же на небольших

возвышениях стояли скамьи и столы. Это место больше подходило для чтения лекций студентам, чем для заседания политической элиты. Здесь за кафедрой могли читать лекции профессора и академики, но сегодня тут распинался монарх, а вокруг на скамьях сидели не студенты, а лорды.

– Мой брат рискует жизнью, чтобы обеспечить вашу защиту, а вы не хотите дать ему титул герцога! – Возмущение зачастую очень сдержанного и закрытого правителя в этот раз предстало публике.

– Ваше величество мы понимаем вашу любовь к родичу, но вы уверены, что это всё ещё тот самый ваш брат. Он пробыл в заточении двадцать один год, люди сильно меняются за такое время. Это уже не тот человек, которого вы знали в детстве. – Закончив речь, лорд поклонился и снова сел на скамью.

– Альберион принял участие в войне, хотя мог остаться в стороне. Благодаря ему мы одержали не одну победу. Он жертвует жизнью во благо отечества. А вы смее сомневаться в нём?! – Произнося свою гневную речь, Джермейн стал указывать пальцем на каждого сидящего в аудитории.

– Нет никаких гарантий, что он делает это во благо короны. Тот, кто правит армией, правит и страной. Его подвиги на поле боя делают его популярным среди солдат. По слухам народ уже любит его больше чем вас. Возможно, в этом и заключается его коварный замысел, склонить на свою сторону армию, а затем лишить вас власти подняв очередное восста-

ние. Он уже делал так раньше, так что мешает ему это повторить?

– Вы сами сказали, что за столько лет люди меняются лорд Нертис. Но я чувствую, что вы к чему то клоните. – Король устало потёр лоб пальцами. – Давайте, выкладывайте не томите нас.

– Я думаю, вам стоит лично поучаствовать в нескольких сражениях. Солдаты должны увидеть вас на поле боя, не позволяйте вашему брату забирать всю славу себе, его популярность очень опасна для страны.

– Я обдумую это предложение, а вы все же рассмотрите моё.

Уже прошло полторы недели с момента убийства лорда, а расследование так и не сдвинулось с места. Парень был неуловим как ветер и не оставлял следов, а догадки это не основательный довод для начала обыска благородных людей. Кроме пары свидетелей ничего больше не было, да и те кроме как о деревянной маске покрытой синей краской ничего больше о преступнике сказать не могли. Зато бывшему узнику удалось уговорить магов участвовать в патрулировании квартала знати. Их задача была забраться на крыши и подать знак, если они увидят кого-то скачущего с дома на дом. Вступить с ним в бой волшебникам категорически запрещалось – и сегодня этот план сработал.

Увидев в воздухе сноп жёлтых искр, Альберин помчал-

ся к ним, понимая, что это последний шанс схватить предателя: ведь узнав, что за охрану взялись маги, он больше не рискнёт на такие дерзкие поступки, и навсегда заляжет на дно. И тогда уже на заказчика будет не выйти, а ведь для его разоблачения ему нужны не опровержимые доказательства, догадок у него и так хватает.

Осознав, что теперь патрулируются не только улицы, но и крыши. Преступник пришёл к выводу, что перемещения поверху слишком заметны для магов, внизу же легче затеряться среди узких улочек, а стражников, если те его заметят, можно и перебить. Спустившись в месте, где не было факелов, он как раз пересёкся с падшим принцем, который начинал читать заклинание глядя на свою цель.

Далеко не просто так уже в детстве первенца короля Кэ-ривульфа называли сильнейшим чародеем столетия, он способен творить такие заклинания которые не по силу ныне живущим. И сейчас падший принц прибёг именно к такой магии: создав двух сколопендр семи метровой длины и шириной с человеческое тело. Создать из магической энергии огненный шар или ледяное копьё это одно, но вот сотворить живых существ, да ещё и способных выполнять твои приказы эта магия уже совершенно другого уровня.

Одно из существ ползло по земле, другое решило обойти жертву по стене, и тут же получило клинком в голову. Скорость воина была настолько велика, что такой удар не каждый бы успел заметить ни то что, увернуться. Второй хи-

лопод попытался схватить беглеца и опутать его своим телом, но столь же молниеносно был рассечён надвое. Не желая сталкиваться с представителем магов убийца, чьё лицо было скрыто под синей маской, решил продолжить побег.

Не так давно получившему титул виконта, ещё не доводилось сталкиваться с таким выдающимся мечником, что только подтверждало его неприятную догадку, и мысль о том, куда он направляется.

Идти следовало в королевский дворец, однако Альбертион не хотел, чтобы стража помешала его разговору с преступником, а потому он решил схватить его в одиночку. Он не стал гнаться за беглецом, а спокойно, не привлекая ненужного в данной ситуации внимания, аккуратно последовал за маской, не попадаясь тому на глаза. Пусть пока думает, что у него получилось скрыться.

До дворца убийца смог добраться быстро, при этом, не столкнувшись не с одним стражником. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что его никто не видит, он довольно ловко забрался на верхний этаж и влез в окно. Волшебник тоже не надел доспехи, а потому влезть также высоко ему не составило труда, хотя конечно ему недоставало грации преследуемого им воина.

Ножа с тонким лезвием для открытия оконных затворов у него при себе не было, поэтому маг просто выбил окно. Больше нет смысла скрываться, пока на шум сбегутся гвардейцы, он уже успеет сделать всё что нужно.

Едва преследователь ввалился в комнату, как клинок, рассекая ворвавшийся в помещение уличный ветер, устремился к его голове. Но за те семнадцать месяцев, прошедших со дня освобождения, бывший узник не только восстановил свои былые умения, но даже улучшил их. Так что пусть и не без труда, но он всё же успел пригнуться и меч просвистел над ним.

Вот только парень в маске не собирался давать ему возможности достать оружие, потому, моментально нанёс следующий удар. Сменив хват меча на лету, он нанёс рубящий удар сверху. От которого барону уходить пришлось перекастом, ногами он зацепил тумбу, с которой тут же упала и разбилась ваза.

Следующим ударом, убийца хотел рассечь бывшему наследнику трона живот. Тому же удалось отпрыгнуть назад, попутно распрямившись и даже достать меч.

Теперь битва будет продолжаться на равных.

От очередного удара ему уже не пришлось уклоняться, он смог заблокировать его и ответить своим выпадом. Но оппонент мог не только бить, но и отражать. Грациозным движением он увёл руку Альбериона в сторону, открыв тем самым его правый бок. Видя, что к рёбрам уже летит колено соперника, представитель магов толкнул врага плечом в грудь.

Сложно удерживать равновесие, стоя на одной ноге особенно во время драки, но мужчине в маске это удалось, он лишь сделал пару шагов назад и снова занял боевую стойку

– как раз к моменту следующего удара. Который ему вновь удалось отразить и даже ответить контрударом, нацеленным сопернику в шею. Однако и этот выпад прошёл мимо.

(А парень и в правду хорош.)

Подметил Альберинон, впервые столкнувшийся с равным ему в мастерстве фехтовальщиком. Воин в маске не уступал бывшему принцу ни в скорости, ни что самое удивительное в технике. Такой же уровень знания приёмов, тоже единение с мечом, и абсолютно такая же пластичность и быстрота. Их поединок был завораживающим невероятным зрелищем, он мог бы даже стать произведением искусства, или войти в многочисленные баллады. Вряд ли кто-то кроме этих двоих смог бы написать более изящную и вдохновляющую песнь стали.

И хотя воины во многом были равны, кое в чём преследователь превосходил убийцу: он был старше. Носивший маску ещё не оброс мужской мускулатурой, потому сила его атак уступала ударам опытного война прошедшего немало боёв, и блокирование атак сильнее выматывало юного мечника.

Воспользовавшись этим преимуществом, лишённый престола нанёс подряд два удара, в которые вложил всю свою силу и просто выбил оружие из рук врага. Скользя по полу, словно по льду оно скрылось под кроватью.

Парень в маске растерялся: ещё никто и никогда не лишал его оружия в бою. Из-за этой заминки, он пропустил удар кулаком в живот и тут же, сгибаясь от боли, рухнул на четвер-

реньки, усердно пытаюсь восстановить сбившееся дыхание.

– Что же ты наделал Киллиан? – Альберцион медленно и аккуратно снял маску с поверженного соперника.

– П-пытался п-помочь отцу заклю-чить мир. – Превозмогающая боль, принц жадно глотал воздух, стараясь напомнить организму, как нужно дышать, оттого его слова рвались, походя на речь заикающегося.

– Тебя на это Люциан надоумил? – Чародей выдерживал спокойный тон. Ему не нужно чтобы мальчишка начал нервничать ещё сильнее.

– Д-да, он сказал, что некоторые лорды мешают отцу заключить мир между нашими королевствами, и если их кто-нибудь убьёт. Мирный договор будет подписан тут же. – Ему удалось довольно быстро отдышаться, однако боль ещё не позволяла выпрямиться.

– И ты ему поверил. – Маг сдал маску удручённый наивностью племянника.

– Он заверил что, как и все мы хочет мира, зачем ему мне врать? – Наследник престола посмотрел в глаза дяде.

– Ты будущий король Киллиан не стоит так легко доверять людям. Тебе нужно научиться быть более проницательным.

Звон лат и грохот бегущих ног слышался ещё с начала их разговора, но вот теперь звуки подобрались вплотную к двери. Виконт Энтералии натянул на своё лицо маску, за миг до того, как входная дверь вылетела от нескольких ударов ногой и в комнату ворвались арбалетчики.

Разбитое окно было недалеко, и воин тут же выпрыгнул в него; звонкие щелчки раздались в тоже мгновение; арбалетные болты полетели ему вслед, но лишь один попал в беглеца, проткнув тому левое плечо.

Вылететь в окно было опрометчивым решением не свойственным выдавшему виды Альбериону. Падение с такой высоты грозило в лучшем случае переломом ног в худшем шеи и лицом похожим на блин. Но рефлексы бывшего солдата сработали, и рука сама собой ухватилась за карниз. К сожалению, левая рука сейчас болталась бесполезной тряпкой, а правая должна была держаться не только за здание, но и удерживать меч, который никак нельзя было терять – оружие хоть и без изысков, но сделано на заказ специально для него. Оставь он такую улику на месте преступления его бы уже через час заперли в казематах.

Внизу поджидала стража предвидевшая возможность выхода убийцы через окно; на счастье волшебника, они подошли только что, оттого ещё не начали целиться из арбалетов, а те, что внутри перезаряжали свои. Спуститься на землю до их залпа он точно бы не успел, а вот забраться на крышу при должной сноровке, возможно, времени хватит.

Справа от окна была лепнина в форме цветка хризантемы. Так что недолго думая виконт, ловко оттолкнувшись от стены, прыгнул в бок. Темнота делала его сложной мишенью, хотя и сам он едва не пролетел мимо цели. Схватившись за балясину и оперевшись ногами, он совершил ещё один пры-

жок вверх и уцепился за черепицу. Подтянувшись на одной руке, не без помощи ног, воин поднялся на крышу и тут же откатился от её края как можно дальше. Вновь прозвучали щелчки, и гул летящих оперений последовал за ними. Часть болтов взмыли в небо, ещё часть угодили в стену, а некоторые откололи края кровли. Будь маг хоть немного медлительнее, в нём сейчас было бы на десяток дыр больше необходимого.

Наконец-то он смог убрать так сильно мешающий ему меч, обратно в ножны и продолжить бегство, которое давалось немного проблематично: каждое резкое движение отзывалось болью в левом плече. Арбалет был грозным оружием и выпущенный из него снаряд с близкого расстояния за просто пробивал кирасу или кольчугу. К сожалению, хорошо развитая мускулатура и от природы крепкие кости не дали пройти дротику насквозь, тот плотно застрял в теле, пробив лопатку и часть других костей – оставшись в человеке почти целиком. Из спины торчала только самая верхняя часть оперения, но вот само остриё нигде не выглядывало, зато Альберион чувствовал как с каждым шагом оно пробирается всё глубже.

Кажется, болт задел ещё и лёгкое пусть и совсем слегка, но падшему принцу всё равно нужно было найти место, где он бы мог излечиться. Благо, стражникам в доспехах ни за что не угнаться за человеком в одежде, пусть даже и раненым. Требовалось просто оторваться от них подальше, чтобы бы-

ло время спуститься вниз, там уже спрятаться будет легче.

Превратившись из преследователя в преследуемого, из охотника в добычу он пронёсся по крышам не одного десятка домов, прежде чем оставил звон доспехов безнадёжно позади – только тогда маг позволил себе спуститься. На его взгляд большой мост являлся лучшим укрытием: в Виргане возвели двенадцать таких переправ, большая часть из которых шла через реки разделявших город на три части. Однако некоторые пролегли и через каналы, вырытые скорее ради эстетичного вида столицы, нежели с какой-то полезной целью. Волшебнику как коренному жителю не составило хоть какого-нибудь труда найти ближайший мост (пришлось пробежать по улицам всего триста метров) и укрыться под ним в столь спасительном мраке её тени. Где-то вдалеке не желая сдаваться, шумела стража.

Беглец, наконец, снял больше не нужную ему маску и бросил ту на землю в мягкий и вязкий ил – пришло время заняться раной. Конечно же, он не мог дотянуться и вытянуть болт и за помощью ему тоже не к кому обратиться.

Указательным и средним пальцами правой руки маг нащупал стальной наконечник – тело тут же разразилось болью. Поставив пальцы так, чтобы они воображаемо продолжали ход болта, он применил заклинание огненной стрелы. Небольшой сгусток горящего пламени вылетел из плеча раненого, выбив не только болт, но также комок плоти и костей.

Мышцы и мягкие ткани прижгло огнём, поэтому кровь не брызнула фонтаном, избавив от лишних трудностей, а вот сквозная рана в плече была слишком опасна для жизни. Он рисковал потерять сознание – пришло время для особой магии.

Его зрачки исчезли, радужная оболочка растворилась, а склеры обрели зелёный цвет и тускло засветились как стёклышки в блике факелов, на щеках из-под самых век и до подбородка загорелись того же цвета руны. Затем небольшая но опасная рана стала затягиваться, кость и плоть восстановились а кожа заросла не оставив даже шрама. Только после этого лицо Альбериона вернуло привычный человеческий вид, даже бледность, присущая тяжело раненым, исчезла.

Сняв куртку, маг прорезал её на простреленном месте, благо отверстие было не болезненное, и замаскировать его под дыру от меча не составило труда. После чего там где только что зажила рана, он прошёлся остриём клинка: из плеча вновь пошла кровь, однако не настолько быстро, чтобы можно было умереть или упасть в обморок от кровопотери. Убрав меч в ножны, и накинув обратно куртку, чародей не спеша отправился во дворец.

Там уже во всех окнах горел свет, а стражей и солдат нагнали в три раза больше, чем было полчаса назад: когда подстреленный барон отсюда убежал.

– Чем ты блядь занимаешься?!?! – Только падший принц зашёл в родовое гнездо как на него набросился с претензи-

ями младший брат. – Мне сказали, что ты преследовал его, как ты мог его упустить?!?! Он напал на Киллиана!

– Принц в порядке? – Альбертион ловко изобразил ошеломление.

– Да, стража успела раньше, чем он смог навредить ему. Мой мальчик был на волосок от гибели. – Король слегка успокоился, поняв, что худшее позади.

– Простите меня ваше величество, я делаю всё, что могу, но я не всесилен. – Старший брат виновато опустил голову; вокруг суетились поднятые на уши слуги.

– Да я всё прекрасно понимаю и не собираюсь ни в чём тебя винить, просто я полагал, что пока ты рядом, моей семье ничего не угрожает. – Гнев монарха утих.

– Я всегда защищал тебя, когда мы были детьми. И можешь верить мне, я всё сделаю, чтобы спасти и тебя и твою семью. Однако моих усилий может оказаться недостаточно. – Его лицо окрасилось печалью, в этот момент он задумался о том, как это трагично и ужасно потерять последних близких тебе людей.

– Пожалуй, я потребовал слишком многого. Но что это?! На тебе кровь?! Ты что ранен?! – Волнение за жизнь брата отвлекло правителя от других мыслей.

– Да, он ранил меня. – Испытывая конфуз от признания подобного факта, волшебник выдал кривую улыбку.

– Он смог ранить тебя! Да как такое вообще возможно? Я же видел твои тренировки со стражниками. Не может быть,

чтобы тот убийца был настолько хорош. Срочно позовите знахаря!

– Не стоит, это пустяки.

– Уверен? У тебя кровь идёт!

– Графин чистой воды, кусок заплесневелого хлеба и всё будет в порядке. – Альберион безразлично махнул рукой, внушая уверенность собеседнику.

– А зачем тебе заплесневелый-то? Давай я прикажу, и тебе сейчас же свежий приготовят. – Джермейн уже начал подзывать слугу, будучи в полном недоумении, зачем его брату залежавшийся хлеб.

– Мне не нужен свежий хлеб, я ведь не собираюсь его есть. Мне просто нужно приложить его к порезу на несколько минут, после того как я промою его чистой водой. Врачи в госпиталях всегда так обрабатывают ранения, они говорят будто плесень уменьшает вероятность того что плоть вокруг раны начнёт отмирать.

– Вот пусть они о твоих ранах и позаботятся. Иди к себе в покои и отдыхай, а я пришлю к тебе целителей. – Монарх хлопнул его по здоровому плечу и быстрым шагом отправился к сыну.

Утром отдых раненого прервал солдат королевской стражи.

– Простите милорд, господин Арнульф просит вас посетить его кабинет, когда у вас появится свободное время.

Он просит у вас прощение за такую наглость, но это единственное место во дворце, где можно поговорить без лишних ушей. – Откланявшись страж ушёл.

С получением титула виконта вежливых людей вокруг Альбериона стало гораздо больше. Чаще слышны обращения «мой лорд», чаще стали кланяться. Конечно, падший принц не мог отрицать, что ему всё это нравится. Однако его принадлежность к высшему дворянству хоть и была для него приятной ягодой, но всё же с привкусом гнильцы, ведь для человека его родословной пэр ниже герцога был унижением. Даже титул графа или маркиза был бы для него оскорбительным. Маг отчаянно не хотел с этим мириться, но ничего поделать не мог – пока не мог.

Он не стал копошиться и оказался в назначенном месте уже через несколько минут. Арнульф, несмотря на ранний час и едва начинающее светить Солнце, уже возился в бумагах, расставляя подписи и печати. У Альбериона сложилось устойчивое впечатление, что ортодоксальность – главный недостаток в характере этого человека, который он умело, использовал себе во благо, и во благо страны. Из всех придворных только в его преданности Джермейну он не сомневался.

– Я пришёл как ты и просил. Меня известили о том, что ты хочешь со мной поговорить. – Он решил избрать властный и немного хамоватый тон для общения. Пусть Бейтред и занимал высокий пост, но принадлежал всё же к простолю-

динам, не стоит дворянину быть с ним излишне вежливым.

– Мой лорд, это совершенно верно. Простите, что пригласил вас сюда, а не явился к вам. Просто это место единственное в конфиденциальности которого я могу быть уверен. – Глава стражи изрядно нервничал, на его морщинистом лбу мелкими блёстками сверкал холодный пот.

– Мне это уже объяснили, давайте поговорим о деле. – Альберион сел у окна греясь в утренних лучах. В отличие от тюрьмы Осор с её почти вечной мерзлотой, здесь в столице тепло держалось круглогодично.

– Скажите мне. Это был он? Убийца в маске это его королевское высочество принц Киллиан? – Не без труда выдавил эти слова из себя придворный.

Бывший мятежник резко повернул голову и удивлённо посмотрел на него. Он-то считал старика полным кретином, но тот оказался куда смыслёнее.

– Честно говоря, я удивлён, что ты догадался. – Чародей сам не до конца понимал, то ли он и вправду удивлён способностями стражника, то ли ему просто очень хотелось ответить завуалированным оскорблением.

– Я не идиот, я не мог не заметить, в какой одежде был принц в своих покоях прошлой ночью. Она подходит для бега, лазанья по крышам, но не для сна. И к тому же из всех воинов он единственный кто может биться на мечах без доспехов так чтобы остальные не смогли его даже поцарапать. Ну, ещё вы. Вот только вы с самого начала были вне подо-

зрений. – Заключение Арнульф.

– Вчера я сделал всё возможное, чтобы его королевское высочество остался вне подозрений. Что с ним кстати?

– Вокруг его комнаты выставлена усиленная охрана, а внутрь он никого кроме матери не пускает.

– Отлично, значит, больше он этим заниматься не будет, и его больше не смогут использовать в своих целях.

– Люциан, господин посол из Ошиды подбил его на это?

– В точку. – Альберион щёлкнул пальцами.

– Я давно заметил, что они много общаются, но я и не думал, что может дойти до такого. – В злости и досаде Бейтред сжал кулак, смяв какой-то документ.

– Уверен, что принц ещё и информацию для него добывал. Сам подумай, он может свободно проходить в любое место, брать и читать любые документы, и всегда оставаться вне подозрений.

– Значит, вы полагаете, что он не только убийца, но ещё и шпион Ошиды. – Глава королевской стражи стал выглядеть ещё более удручённым.

– Один из...

– Понятное дело, что их тут полно, но я имел в виду высоко поставленных персон. В самом верху власти так сказать. – Поднеся кулак ко рту, он кашлянул.

– А я о них и говорил. Однозначно кто-то из палаты лордов работает на врага, и один из генералов тоже ими прикормлен.

– Быть такого не может! Вы понимаете, о чём говорите! Это же управляющие нашей страной люди. Если среди них есть предатели, как нам тогда быть? К ним нельзя вот так завалиться с обыском и допросами, они с нас шкуры спустят. Мне нужно знать точно кто именно крыса, тогда я смогу незаметно под него копать и как только найду доказательства, смогу взять его в оборот.

– Я не знаю, кто именно, но у меня есть план как его вычислить. Правда он не прост, нам с тобой придётся изрядно попотеть.

– Что насчёт принца?

– Его уже больше не смогут использовать, а королю знать о его проступках не следует. Рассказать ему об этом всё равно, что вонзить нож в сердце. Ему тогда придётся отправить своего единственного сына в освободившуюся после моего помилования камеру. Мы же не хотим лишать страну наследника в разгар войны?

– Разумеется, я буду действовать согласно вашему плану. Дайте знать, когда что-то понадобится.

Глава четвёртая. Предатель.

Небольшая комната с блёклыми стенами и крохотным окном, выходящим на юг; металлическая клетка, стоящая напротив, занимавшая чуть больше трети помещения. И вход в виде портала по правую сторону от неё, закрываемый деревянной дверью оббитой железными листами. Никто бы и не подумал, что такая невзрачная и даже немного жуткая камера находится в королевском дворце в столице, самом прекрасном и изящном строении страны.

Но, тем не менее, именно здесь был заточён семнадцатилетний мятежник, известный некогда как принц Альбертион Двэйн. Он сидел в кандалах за толстыми стальными прутьями, между которыми можно было просунуть разве что руку, да и то не всю, угрюмо наблюдая за движением Солнечных лучей на полу.

Два с половиной года назад начался его мятеж, в котором наследник собрал пусть и не многочисленную, но всё-таки очень боеспособную армию, заручился поддержкой нескольких влиятельных домов и приступил к своему победоносному шествию. Его войска захватывали одну крепость за другой, а воины входили в один город за другим. И когда столица была взята в осаду, его предали собственные же генералы: ночью они прокрались в палатку, схватили и связали его, накинули мешок на голову и доставили к отцу.

Принц никогда раньше не проигрывал, и уж тем более его не придавали. Эти события сильно выбили мага из колеи, он сидел абсолютно подавленный, всерьёз задумываясь о самоубийстве. Но звук открывающейся двери отвлёк внимание от неприятных мыслей; в коморку вошёл его величество Кэ-ривульф.

– Не знал что изменникам положено свидание с родителями. – Толи из-за предательства, толи из-за поражения узнику было стыдно смотреть в глаза отцу; он просто продолжил наблюдать за светом, падающим из окна.

– С родителями нет, а вот с королём да. Чтобы они перед смертью смогли очистить совесть и извиниться. – Монарх аккуратно присел, напротив, на скамейку прикреплённую цепями к стене.

– С каких пор у нас казнят благородных, всегда же отправляли в темницы? Ты даже не так давно для этих целей новую построил, как ты её там назвал? Осор? – Маг вяло выдал удивление, моральных сил сейчас не хватало даже на это.

– Благородных да, но я ведь лишил тебя всех титулов, помнишь? Ты теперь обычный простолюдин, а наша родина не тратит казённые харчи на таких как ты. – Правитель тщательно старался скрыть сострадание, но голос плохо подчинялся внутренним приказам, периодически выдавая дрожащие нотки. Он действительно жалел о том решение, принятым в пьяном состоянии, но джина уже было не загнать обратно в бутылку.

– Что же ты пообещал моим генералам, что они так легко предали меня? Больше земель, слуг, денег? – Он всё же осмелился посмотреть на отца. У того изрядно прибавилось седины, за то время что они не виделись, восстание и его нервы потрепало немало. Альберийон с ужасом представил, что могло произойти с матерью за все эти годы. Их распри с отцом затронули всех в этом королевстве.

– Всё это. Ты что думал, они пошли за тобой из верности? Нет. Всё, что нужно влиятельным домам это ещё больше влияния, и они пойдут за тем, кто предложит им больше. Но ты будешь рад узнать, что всё-таки не все согласились предать тебя, пара семей, отказались от моих весьма щедрых предложений.

– И теперь их ждёт суровое наказание. – С печалью вывел итог волшебник.

– Разумеется. Вот только не решил пока какое.

– Забери у них половину земель в свою пользу, заставь выплатить большие контрибуции в обмен на жизни их детей, и они подчинятся. Дети всегда дороже политики. – Изменник, в отличие от собеседника, легко сохранял хладнокровие речи, лишь порой потирал кулаки, утихомиривая остатки злости.

– Отличная идея! Из тебя бы получился прекрасный король! Жаль что твой брат не такой. – Кэривульф словно заразился от него угрюмостью, став суровее.

– Зря ты не веришь в него, из Джермейна выйдет более

лучший правитель, чем из нас. Я в этом уверен, поверь и ты в него, наконец.

– Король должен быть твёрд и решителен, а он податлив и мягок.

– Что и делает его более разумным. Там где мы прорубаемся напрямик, снося всё на пути, он ищет компромисс, обходной путь, извилистую тропинку, которая приведёт его к цели более длинным, но менее затратным путём. При нём крови прольётся меньше. – Он встал и подошёл вплотную к решётке.

– Вздор! Короли не ищут компромисс! Они правят железной рукой! Уступки и переговоры для слабаков! – Старший Двэйн тоже поднялся с места.

– Мне искренне жаль, что ты никогда не прислушиваешься к моим словам. – Альберион снова поник и опустил взгляд.

– А больше тебе не о чём не жаль? Ни хочешь не за что извиниться? – Король пристально посмотрел на него, яростно сверля взглядом.

– Нет. Я поступил так, как считал необходимым, и если бы я знал, что всё так кончится, то всё равно поступил бы так же. Тебя должен был кто-то остановить, и только у меня хватило мужества бросить тебе вызов.

В комнате повисла тишина, собеседники смотрели в глаза друг другу. И между ними было такое напряжение, что воздух сжимался в нечто холодное и твёрдое. Ещё немного и

повалил бы снег, но отец всё же смягчился.

– Я воспитал настоящего мужчину. Знаешь, до тебя здесь было много людей, и все гораздо старше. Кто-то из них рыдал, кто-то просил прощения, некоторые даже умоляли о пощаде, но лишь двое смело смотрели мне в глаза и говорили, что ни о чём не жалеют. Горжусь тобой, ты не представляешь как сильно я рад, что у меня такой сын. Мне жаль, что всё закончится так. Точно ничего не скажешь напоследок? Здесь все что-нибудь просят. – Монарх подошёл к клетке он хотел положить руку на плечо мятежника, но всё же себя остановил.

– Спасибо. – Слова чародея прозвучали негромко, но отчётливо.

– Что?! – Он снова удивился, его старший сын не переставал преподносить ему сюрпризы. Много чего было сказано в этих стенах. Много ему доводилось слышать в свой адрес от приговорённых. Но слов благодарности здесь ему никто не говорил. – Я собираюсь лишить тебя головы, а ты говоришь мне спасибо?!

Напряжение в помещении несколько спало. Холод между ними потихоньку начал таять, переставая быть диалогом короля и предателя, превращаясь в разговор сына и отца. Только решётки портили образ семейных посиделок.

– Не за это, за всё остальное. Я просто... – Падший принц запнулся, он с трудом сдерживал слёзы. – Я просто хочу, чтобы ты знал. Пусть я считаю тебя плохим королём, ужасным,

если быть честным, однако я никогда не считал тебя плохим отцом. Ты был прекрасным отцом, лучшим из всех, о таком отце можно было только мечтать. Всё что я знаю, всё, что я умею, всему этому меня научил ты. И я буду с теплотой вспоминать каждую минуту, которую мы провели вместе. Именно за это я и говорю тебе спасибо.

– И я тоже буду это помнить сын, я тоже. – Так же едва сдерживаясь от слез, Кэривульф направился к выходу.

– Отец! – Окликнул его маг, король остановился но не нашёл в себе силы обернуться. – Ты говорил, что все кто был здесь, чего-то просили. Кажется, я не стану исключением. Надеюсь, ты поймёшь меня.

Он продолжал молчать, но внутри взорвалась сфера запиравшая радость: та вырвалась и промчалась по телу диким ветром.

(Да сын, конечно. Попроси о помиловании и публично извинись. Я всё сделаю, чтобы освободить тебя. У меня уже есть чёткий план, как уберечь тебя от казни, и вернуть тебе все твои титулы. В нашей семье всё снова наладится. Только попроси о помиловании.)

– Я прошу тебя, пожалуйста, передай матери и брату... – Воин замешкался, подавляя слёзы. – Передай им, что я люблю их.

– Конечно. Прощай Альберион. – Дверь, с железным звоном, захлопнулась за спиной уходящего прочь правителя. Его радость оказалось преждевременной.

– Значит, таким был ваш последний разговор? – Джермейн и Альберион в этот раз для уединения, избрали вершину главной башни крепости, расположенной в центре города Дезар, ещё сутки назад принадлежавшей Ошиде. Теперь же здесь повсюду были знамёна их семьи, в которой официально, маг по-прежнему не состоял. Но она не становилась для него от этого менее важной.

Не смотря на то, что Дезар является одним из крупнейших городов в обоих королевствах. Взять его удалось легко и быстро. Атаку в этот раз возглавлял его величество самолично. Он даже вместе со своей охраной ввязался в бой, прикрыв фланг штурмовавшей город пехоты, от атак внезапно появившейся кавалерии.

– Да, больше мы с того момента не виделись. Крайне удивлён, что ты только сейчас попросил рассказать тебе об этом. – Виконт взирал вниз на подножие башни, высота была такой, что стража у входа выглядела не больше собак.

– Просто не хотелось тревожить твои раны. Я же не знал, как ты относишься к тем событиям. Только теперь, спустя шестнадцать месяцев после нашей встречи в столице я вижу, что ты примирился со всем этим. Ну, по крайней мере, мне так показалось. – Король смущённо улыбнулся, будто выдал что-то несурзное.

Город возвели на холме, настолько большом, что менее образованные люди могли бы назвать его горой. С юга и во-

стока вовсю зеленели и шумели кронами густо заросшие леса, а на западе виднелись макушки гор. Тех самых, с которых чуть меньше года назад спустился Альбертион со своим отрядом магов, начав победное шествие армии Фендала.

– Это был твой первый бой? – Чародей отвлекся от пейзажа, переключив всё внимание на своего правителя.

– В отличие от тебя, меня отец никогда не брал на войны, думал, что от меня, не будет никакого толку. Так что, в общем-то, да, это мой первый бой. – Младший брат засиял в самодовольной улыбке.

(Он совершенно не годится в короли! Трон это моё законное место, меня учили править и воевать. Я должен быть правителем. Я для этого рождён!)

Падший принц помотал головой, гоня прочь предательские мысли, которые всё чаще посещали голову. Неужели он становится как отец: жадным до власти и крови. Или же он просто понимал, что власть брата в любом случае не продлится долго: тот слишком мягок и совершает много ошибок.

– Тогда с боевым посвящением тебя. Как самочувствие? – Он похлопал его по плечу. А затем уставился куда-то вдаль.

Крепость, в которой они беседовали, стояла на самой макушки холма-горы. Зодчим показалось мало высоких каменных стен окружавших город, они возвели ещё и величественную твердыню, с более высокими и неприступными стенами, окружённую, как и сам Дезар, глубоким рвом.

– Жутко немного, не представляю, каково было тебе в твои двенадцать. – Он приобнял брата, боясь что воззвал того к неприятным воспоминаниям.

Абсолютно все улицы совершенно опустели. Когда войска противника были разбиты, Джермейн позволил жителям не оставаться тут, а собрать все свои вещи и отправиться в другие места. Что они и сделали, непременно все, и это очень настораживало Альбериона, такое поведение было очень странным для горожан.

– Я едва не погиб в своей первой битве. Мне так хотелось, чтобы папа мной гордился, что необдуманно ворвался в самую гущу битвы, и сильно увлёкся. Пройдя вглубь рядов противника, я слишком поздно заметил, как остальная армия не поспевает за нашим продвижением, и мы оказались окружены. Отец не мог к нам прорваться, это был единственный случай, когда я увидел страх на его лице, он как опытный полководец понимал что мне и моим солдатам конец. Однако он недооценил силу моей магии. Я смог прорваться обратно, а вот мои воины нет. Две сотни человек умерло из-за моей самонадеянности.

– Главное что ты извлёк урок. – Пытался подбодрить его брат.

– Ну да после этого я стал куда более ответственным, и, тем не менее, с тех пор своими приказами погубил ещё больше людей. – Он громко выдохнул.

– Мы не можем сидеть в стороне, сложа руки. Суровые

времена требуют от нас решительных действий. Безусловно, кто-то из-за них пострадает. Но в этом и есть непосильная тягость правителя, взвалить на себя ответственность за жизни поверивших в нас людей. – Джермейн опёрся на перила балкона, пытаюсь уловить тон настроения брата.

– Когда собираешься созвать совет? Пора разрабатывать план дальнейших действий. – Не желая выслушивать сентенции, волшебник перевёл тему.

– Генералы уже должны были собраться в главном зале, думаю, они нас там ждут. – Монарх отлип от ограждения, намереваясь уйти.

– Тогда не будем медлить. – Резко развернувшись, он направился к выходу, оставив за спиной Солнце и приятный пейзаж. Король последовал за ним, не зная (на своё счастье), что затеял падший принц.

Нынешний план Альберииона был самым рискованным из всех планов за его более чем сорокалетнюю жизнь. И если он провалится, вероятность чего была крайне велика, то они все расстанутся с жизнью. Но если он удастся, то они изобличат высокопоставленного шпиона в Фендале, предателя в самой палате лордов. А сам бывший мятежник, лишится головы, если конечно младший братец его снова не помилует.

Через два дня армия выдвинулась на захват города Эргис, все пять тысяч человек стройными рядами под барабаны замаршировали дальше на восток, оставив в недавно захва-

ченной резиденции, своего короля с двумястами людьми его личной охраны и его старшего брата с трёмястами магами. Виконт Энтералии хотел оставить всех чародеев в Дезаре, но монарх настаивал на том что бы все волшебники, в том числе и сам Альберийон, отправились вместе с остальными силами на продвижение экспансии. Из-за чего у братьев вышел ожесточённый спор, длившийся не один час, и доведший до хрипоты обоих.

В итоге представитель магов всё же пошёл на уступки, предложив отправить на штурм только половину колдунов. Джермейн, в отличие от их отца, всегда умел идти на компромисс, при этом почти всегда достигая необходимого результата.

Однако этот раз мог стать одним из тех, когда сговорчивость могла выйти всем боком. План падшего принца и так был чистой воды авантюрой, так теперь ещё и пятьдесят процентов необходимых ему сил ушли в сторону рассвета. Война, которую они девять месяцев успешно выигрывали, могла быть проиграна всего за сутки в случае его оплошности.

Но бывший узник никогда не боялся решительных действий. И если подумать то именно из-за них он и оказался за решёткой. Похоже, эту его привычку было не в состоянии извести ни одно заклинание или пытка. «Хромого коня лишь топор вылечит» любил шутить его отец.

– Я думал, тебе нравятся битвы? Не ожидал, что ты останешься здесь. – Они снова стаяли наверху того самого дан-

жеона, вновь осматривая окрестности.

– Если мои догадки окажутся верны, главная битва состоится тут. И мы не можем её проиграть. – Барон не сводил глаз с леса.

– Именно поэтому твои маги всюю шныряют по городу как ошалелые?

– Именно.

– Они что-то ищут? – Монарх недоверчиво посмотрел на собеседника.

– Скорее прячут. – Его левый край губ приподнялся вверх, изобразив кривую самодовольную ухмылку.

– Что же ты задумал? – Начиная злиться от непонимания, правитель пытался выпытать из своего родственника хоть что-то.

– Выявить шпиона, и, кажется, мы его вычислили. Вот только бы теперь дожить до вечера. – Взором хищной птицы Альберион заметил серебристого цвета волны, выходящие из леса. К счастью маги уже закончили свои дела в городе и возвращались в крепость.

– Армия Ошиды! Но откуда она здесь? – Растерянность на лице Джермейна была бы заметна даже слепому.

– Мы на их земле братец. Как бы хорошо не работала наша разведка, они всё равно знают эти земли лучше. Возможно, где-то поблизости есть какая-то пещера, через которую они смогли провести, по меньшей мере, три тысячи воинов. – Чародей надел на голову шлем. Король последовал его приме-

ру.

– Как мы их остановим? – Его растерянность продолжала брать над ним верх.

– Город мы оборонять не сможем, он слишком большой. Сосредоточимся сразу на крепости. А вы ваше величество оставайтесь здесь или укройтесь в залах. – Маг уже начал уходить, застёгивая ремни шлема.

– Нет! – Одёрнул его самодержец. – Я буду командовать лично.

– Ты уже сделал своё дело! – Вспылил Альберион раздражённый глупостью и паникой брата. – Дай мне сделать своё. обороной буду командовать я. И не только магами, но и твоей охраной. Все они теперь подчиняются мне. Я не смогу оберегать и крепость и тебя. Остайся тут, а я завершу свой план.

– Может отправить голубя генералу Асталиону, пусть возвращает армию назад? – Джермейн глядел в спину уходящему воину.

– Нет, за эти дни они ушли слишком далеко, им не успеть вовремя. А нам нужно продержаться всего лишь до вечера и тогда мы победим. Так что нечего тревожить войска понапрасну, пусть захватывают Эргис, а мы сами справимся. – Последние слова доносились уже из темноты башни, в которую ушёл Виконт.

Пока армия под знамёнами алых скорпионов пробивалась за городские стены, Альберион успел расставить воинов и

волшебников по периметру крепости так, что отец гордился бы его тактической грамотностью и предусмотрительностью. Оборона этого замка войдёт в учебники истории и в книги о военном ремесле.

Ширина рва и высота укреплений даже без солдат на них удержали вражескую армию без малого на полчаса. Неся на себе многочисленные лестницы и доски, Ошидцы изумрудной змеёй расплзались по улочкам Дезара. На путь от белых стен города до серых стен крепости у противника ушло ещё пару десятков минут.

Твердыню, как и полагалось в таких случаях, они атаковали со всех сторон одновременно, это растягивало немногочисленные силы обороняющихся, делая существенное численное превосходство атакующих ещё более весомым.

Но маги вновь проявляли себя превосходно: волнами воды и порывами ветра они сбрасывали людей с досок, переброшенных через ров. Забрасывали огнём тех, кто оказывался близко к стене, обрушивали на их головы молнии. Но всё же каждому из них требовался перерыв для восстановления своих чародейских сил. А потому, солдатам чужой страны порой удавалось приставить лестницы и с оружием в руках быстро взобраться наверх; тут уже вступала королевская стража. Лучшие мечники Фендала рубили забравшихся, окрашивая воздух кровью. Однако противник тоже знал, какой стороной клинка нужно колоть оттого потери у обеих стран были ощутимыми.

На то место где Ошидцам удавалось занять временный плацдарм, со всех ног спешили Альберион и его небольшой отряд из лучших магов и мечников. Бейтред лично назвал барону дюжину имён тех, кого он считал лучшими из лучших в королевской страже, их падший принц и взял в свою специальную команду. Все вместе они бегали от одной стены к другой, устраняя прорывы в обороне и отбрасывая неприятеля вниз сжигая за ними лестницы. Давая, таким образом, возможность восстановить силы остальным обороняющимся.

Именно таким образом и проходила восьми часовая оборона Дезара: под лязг стали, вспышки магии, крики боли и гнева. Люди загоняли себя до кровавого пота, самоотверженно защищая жизни друзей и благополучие своего народа. И никакая усталость и ужас не прекратили бы это кровопролитие – только ночь.

Окрестности поглотила непроглядная тьма, даже луна и звёзды проиграв своё собственное сражение, не смогли вырваться из её огромной пасти и осветить землю, оставив небосвод в одиноком мраке. Солдаты в таких условиях не смогли бы отличить своего от чужого, не говоря уже о том, чтобы залезть по лестнице не промахнувшись по ступеньке и не свалившись, сломав себе шею. Оттого бойня прекратилась, и мрачные улицы города понемногу оживали от уютных огоньков костров, наполняясь пусть и небольшим, но таким манящим теплом и светом.

Воины Фендала тоже рады были отдохнуть, и, выставив дозоры, отправились восстанавливать утраченные силы горячей пищей. Убирать трупы убитых было некогда, да и незачем – с рассветом появятся новые.

Усевшись у чарующих танцами огней, люди терпеливо ждали, когда же столь желанная пища приготовиться. Ароматы не только в крепости, но и во всей округе стояли такие соблазнительные, коих вам не услышать ни в одном ресторане или таверне, так завораживающе пахла только походная кухня. До восхода солнца человечество оставило свою жестокость и тягу к насилию (даже самые свирепые воины порой устают убивать), дабы умиротворённо насладиться одним из самых общедоступных искушений – трапезой.

Сам же августейший ходил между группами оживлённо беседующих воинов, выискивая брата. Ещё, будучи ребёнком, он слышал, что Альберийон в военных походах никогда не ел в своём шатре или вместе с генералами за каким-нибудь импровизированным столом, накрытым специально для благородной воинской знати, а предпочитал исключительно простую солдатскую компанию. Очередная странная привычка братца, которую не смогли отбить ни годы, ни темница.

Спустя продолжительное время блужданий Джермейн всё же обнаружил свою цель – тот сгорбившись, сидел за самым ярким пламенем, в компании солдат слишком молчаливых для тех, кто только что разминулся со смертью. Несмотря на

тесноту, он подсел к ним, вопросы в голове требовали незамедлительных ответов. Альберион не особо концентрируя на нём внимание, взял чистую деревянную миску зачерпнул пару раз что-то из котла, висящего над костром, и передал ту правителю. Едва он взял в руки предложенную пищу, как чародей моментально вернулся к содержимому своей тарелки. Монарху совершенно не хотелось это есть, ему было не понятно как вообще человек, выросший во дворце, может к такому притронуться. Однако ему непременно требовалось поговорить, и он, поставив еду на колени стал вяло ковырять её ложкой.

– Неужели они так с самого начала планировали? – Король по-прежнему не до конца осознавал происходящее, именно это его и тревожило. И он ждал ответов от сильно уставшего, вывоженного грязью и запёкшейся кровью брата, жадно доедающего горячую кашу.

– А ты думаешь, почему мы так легко захватили столь огромный город? – Маг отставил миску и утёр рукавом губы сделав и без того очень грязное лицо ещё более чумазым. Рядом стояла кружка полная воды, вцепившись в неё, Альберион громкими глотками принялся её осушать.

Прочие люди, сидевшие рядом, старались, есть очень аккуратно, чтобы ни издать лишнего шума. Трапеза вместе с правителем государства для них была невообразимым событием, о котором они планировали рассказывать всем своим знакомым и даже внукам, если до таковых конечно доживут.

– Значит, они знали, что после я отправлю всю армию дальше, а сам останусь здесь, под защитой личной охраны. – Венценосец заворожено любовался огнём.

– Похоже, король Далион сменил главнокомандующего, армией Ошиды явно руководит уже другой человек, и он очень находчив и талантлив. С ним придётся повозиться, его так просто не переиграть. – На скрытом полумраке и грязию лице через свет костра проглядывалась азартная улыбка. Самый талантливый стратег королевства решил, что у него наконец-то появился достойный соперник.

Тот с кем он будет не раз сталкиваться на поле боя не мечом, а интеллектом. Тот, кто быстро найдёт достойный ответ всем его тактическим уловкам, и заставит его развиваться, подниматься на новую ступень знаний, чтобы одержать победу в очередной битве. Раз за разом они будут пытаться превзойти друг друга.

– Но вы ведь знаете, как одолеть его, мы ведь сможем выиграть в этой войне, а государь? – Спросил мужик, один из тех, что сидел с ними, рыжеватые волосы, коренастое телосложение и отсутствие нескольких зубов, вот и все его отличия от остальных, у него даже шрамов на лице не было.

Хотя конечно представитель магов знал, как его зовут, он знал по именам всех солдат в армии. Не только тех, кто сейчас не сводили глаз с сыновей Кэривульфа, глядя на них не только с надеждой услышать что-то ободряющее, но и с явным восторгом, как будто увидели сказочных драконов.

– Конечно. – Синхронно ответили братья, и тут же мгновенно переглянулись. Взгляд Джермейна был недобрым. До Альберiona только сейчас дошло, что в данный момент он разговаривает не с братом, а с королём. И небрежный тон его предыдущих высказываний совершенно неприемлем в окружении подданных. Падший принц незамедлительно поднялся и поклонился, стараясь делать вид, словно ничего не произошло.

– Простите ваше величество, но мне нужно идти, дать команду к отбою. Воины должны отдохнуть. Разрешите откланяться? – Он ещё раз поклонился, пытаясь выглядеть как можно более учтивым.

– Ступай. – Кратко ответил монарх, решив подыграть брату, делая вид, что не заметил хамства.

Восход солнца явил неожиданную многими картину. Город вновь стал пуст, вернее сказать в нём не осталось живых. На улицах лежало множество мёртвых людей, которые ещё этой ночью расхаживали от дома к дому с факелами, ели и распевали печальные песни у огня. (Конечно, часовые слышали какие-то крики, но ничего разглядеть не могли – крепость никто штурмовать не собирался и ладно). А теперь король с охраной и братом осторожно ходили по закоулкам, осматривая лежащие повсюду трупы омерзительного вида: выпученные глаза; фиолетовая кожа и раздутые языки. Все погибшие были брошены товарищами на суд врагу. Король

аккуратно перешагивал через тела, едва сдерживая рвоту.

Здесь лежала едва ли не треть от пришедшего войска Ошиды. Оставшимися силами они вполне могли бы успешно продолжать осаду, однако остальные воины были столь сильно напуганы произошедшим ночью, что бежали из города прочь, даже не захватив оружие и припасы.

– Так вот чем занимались твои маги, когда шныряли по пустым улицам. Мне ещё давно докладывали о том, что ты приобрёл очень много яда, но я всё гадал для чего. – Джермейн аккуратно перешагнул через перевёрнутый котелок, боясь хотя бы обувью коснуться пролитого на тротуар содержимого. Ему очень сильно хотелось присесть, и облиться холодной водой, чтобы прийти в себя. Чувствам требовалось обнулиться, возможно, этот кошмар теперь в памяти навечно.

– Воины, когда осаждают замок находящийся внутри города, предпочитают, есть не из походных мисок сидя у костров, а под крышей. Они заходят в дома, берут там посуду садятся за столы и едят, как подобает человеку. Поэтому я приказал магам смазать ядом все тарелки и ложки в городе, этот яд проникает в организм, впитываясь через кожу, поэтому действует не особо быстро, и нужно быть очень осторожным нанося его. Если бы ты не отправил половину магов идти дальше с армией, они бы справились лучше.

Альбериона мало интересовали тела под ногами, он больше осматривал окрестности пытаясь понять, куда ушли

остальные. Не могли же они все сбежать. Возможно это всё же очередная ловушка.

– Лучше?! – Недоумённо и устало спросил монарх, присаживаясь на скамейку и потирая глаза руками.

Всю ночь в крепости он их не смыкал, боясь, что вновь начнётся штурм, и его убьют во сне. Поэтому теперь пусть и не очень яркое утреннее солнце больно било в мозг через слезящиеся глазницы. Да и пестрящая ужасом и отвратностью картина добивала его окончательно. Ещё немного и он останется без сознания прямо здесь на скамейке, возле какой-то цветочной лавки.

– Шутить изволишь? – Джермейн решил, что разговор для него лучший способ оставаться в чувствах. – Погибло столько невинных людей! Почему мы никак не можем заключить мир?! Ведь то, что происходит, кошмарно! Это не нормально!

– На войне только невинные и гибнут, повинные лишь отдают приказы. Ваше величество. – Оставив разведку на потом, падший принц подошёл к брату.

– Не я развязал эту войну! Ты прекрасно это знаешь! Я изо всех сил пытаюсь достичь мира, но вот что выходит!!! – В крови короля снова вспылал гнев, он не унаследовал ум отца, зато унаследовал его вспыльчивость. Правда в отличии Кэривульфа он был очень отходчивым, как и мать Эмилия. Но, по крайней мере, сейчас, ему не хотелось утихать, гнев убрал на второй план все остальные чувства, Джермей-

ну вдруг стали безразличны судьбы умерших людей, ещё пару сражений и он окончательно перестанет переживать из-за подобных пустяков. Монарх начинал втягиваться в сжигающую человечность жажду крови.

– Я прекрасно знаю кто начал эту войну. – На глазах у стражи Альбериону приходилось сохранять не только хладнокровие, но и учтивый тон иначе его тут же лишат головы (хамство королю равносильно измене). – Однако то, что мы никак не можем договориться с Далионом, приводит вот к этому. И это уже совершенно точно наша вина и ничья иная. Вспомни, что ты мне вчера говорил на башне про ответственность.

– Неужели ты с самого начала всё именно так и планировал? – Джермейн вернул над собой внутренний контроль, он взял с подоконника горшок с цветком и, прикоснувшись носом к самому центру бутона, глубоко вдохнул, втянув аромат розового совсем недавно распустившегося тюльпана.

– Я лишь планировал ослабить их и совсем не ожидал, что мой трюк с ядом возымеет такой эффект. Видимо Ошидцы решили, что маги прокляли город.

– Теперь они долго будут обходить Дезар стороной, в их песнях и легендах он будет называться проклятым городом или столицей мертвецов. Так всё же что у тебя был за план? И откуда ты всё это знал? – Он обратно присел на скамью, поставил цветок рядом с собой и с жадным любопытством посмотрел на брата.

– Да ничего я не знал! В этом-то и дело. Всего бы этого не потребовалось, будь я уверен в своих предположениях. – Маг присел рядом на туже скамью, подвинув чуть в сторону цветок, так что тот оказался между ними, бедное растение никак не давало людям покоя. – Лишь слышал, что кто-то из лордов предложил тебе лично возглавить армию. Мне это показалось подозрительным и не только мне. Затем на военном совете ты представил свой план, он мне тоже показался странным, слишком много изъянов, а ещё я не поверил, что ты сам можешь составить план атаки, пусть даже такой плохо продуманный.

– Обидно конечно слышать такое от родного брата, но зато ты говоришь честно. В общем, ничего конкретного у тебя не было, только много подозрений. И ты решил организовать ловушку?

– Ловушку устроили они, а я запихнул свой капкан в вырытую ими яму. – Он вытянулся на скамейке, звеня латами поднимая взор к небу. Шлем немного мешал обзору, но всё равно было видно уже набирающее силу Солнце.

– А почему мне не сказал? – В его тоне послышалась претензия.

– Сказать при всех, что я затеял государственную измену?! Собираюсь подвергнуть опасности жизнь главного лица государства, ради шпионских игр?! Да ещё за десять дней до его тридцать седьмого дня рождения. Никто бы тебя, не понял, если бы ты мне голову на месте бы не отсёк! Это ж,

какое преступление! А так это всего лишь случайное стечение обстоятельств.

– Сомнительное утверждение, но допустим. А теперь давай, всё ещё раз разложим по полкам. Ты решил, что в палате лордов есть шпион, и что он готовит западню, но доказательства у тебя не было, и чтобы узнать наверняка ты решил действовать согласно его плану. Влезть в амбар, в который он просит, чтобы увидеть есть там капканы или нет. – Он внимательно посмотрел на собеседника.

– Именно! – Виконт облокотился на стену, не скрывая радостного настроения, тёплая погода всегда делала его более беззаботным.

– Так. – В отличие от брата король был максимально сосредоточен. – А выбираться из их ямы ты собирался с помощью яда, думая, что за ночь сможешь отравить их всех?

– Нет, конечно. Предполагать, что они все отравятся, было глупо, я просто хотел ослабить их таким способом. Нам нужно было выдержать осаду всего два дня, потом бы они ушли, боясь быть атакованными нашей вернувшейся армией. – Понимая, что больше никакой угрозы в городе нет, Альберион снял шлем и убрал со лба мокрые от пота волосы, младший брат поступил так же. Жара на улице в эти дни стояла невыносимая, а ведь ещё два месяца до начала лета.

– Но ведь мы не отправляли армии весть о нападении. Они бы не пришли сюда через два дня. Даже если их поход увенчается успехом, они бы здесь оказались минимум через

шесть дней. – В недоумении лоб его сморщился, сводя брови, а руки сами собой развелись в стороны.

– Ну, ведь генералы Ошиды об этом не знали. Как и все умные люди, они решили, что мы послали гонца сразу же, как увидели их выходящими из леса. А мы не стали поступать как умные люди, потому и армию не разворачивали. Та должно быть в эту минуту штурмует Эргис, а мы тут сами вполне успешно отбились и даже потерь больших не понесли. Повезло, что враги не догадались, что их сослуживцев убил яд, а не проклятие. – Всё ещё радуясь слишком яркому для апреля теплу, представитель магов положил руку на плечо королю.

– Но ведь мы могли и не продержаться два дня. Если бы они ворвались в крепость то, что тогда?

– Тогда бы ты со всеми остальными выжившими заперся бы в данжеоне, а я бы сжёг этот город дотла.

– А ты так можешь?

– Я единственный кто так может. – Маг резким движением ткнул себя пальцем в грудь, демонстрируя самодовольное тщеславие.

– Почему бы тогда сразу так не сделать? – Продолжал хмуриться Джермейн.

– Во-первых, никогда не пытайся сделать всё в одиночку, рано или поздно надорвёшься; во-вторых, зачем уничтожать такой красивый и стратегически важный город понапрасну; в-третьих, колдовство такой мощи требуют много сил и кон-

центрации, у меня во время сотворения таких заклинаний жилы рвутся и внутренности горят. Очень велик риск, погибнуть в момент такого чародейства. – Не без сожаления ответил барон Висалии, в детстве он любил читать книги о магах прошлого, которые без труда творили заклинания такой мощи, которые разве что снились ему. Сила чародеев сильно упала за последнее тысячелетие.

– То есть ты готов был пожертвовать своей жизнью, ради победы?

– И не только своей брат. – Радость исчезла с его лица.

– Так вот почему ты мне ничего не сказал. Ты решил, что я испугаюсь и откажусь участвовать в твоём плане, и предатель так и не будет разоблачён. Всё ради победы. Так?

– Иначе никак.

– Вот ты сволочь!

– Есть такое.

– Выходит, твои догадки были верны и среди лордов изменник.

– Ну, либо это тот, кто посоветовал тебе возглавить кампанию самолично, либо тот, кто помогал тебе составлять план нападения.

– Да это всё один и тот же человек, лорд Нертис.

– Тогда всё куда проще. – Чародей подбросил шлем, и легко поймал его.

Из леса, над пустым городом, пролетели птицы, приветливо и мелодично щебеча. После боя восхищаешься всем,

что тебя окружает, даже пенюю птиц. Хотя, скорее всего это просто мозг радуется тому, что остался жив. Вот поэтому и воспринимает всё слишком приятным: солнце, птиц, свежий ветер.

– Вернусь в столицу, отрублю голову ему и всей его семье. – Джермейн в гневе сжал кулаки настолько сильно, что его латные рукавицы заскрипели.

– Не торопись, пусть его сначала Арнульф допросит, обыщет его дом. Может, узнаем что полезное и про других. К тому же по нашим законам всё ещё нельзя казнить благородных.

– Знаешь он ведь не только лорд, он ещё и герцог Натеры. Если его вина будет доказана, то я смогу забрать его земли в свою пользу. А, следовательно, мне непременно потребуются новый герцог, владения то немаленькие, сам я с ними не управлюсь. Понимаешь к чему я виду. – Он радостно посмотрел на брата, улыбаясь всю ширь лица, будто и нет этого кошмара вокруг.

Стража уже осмотрела город и не найдя никаких признаков присутствия врага, подошла к королю готовая возвращаться в крепость.

– Я, наконец-то получу титул соответствующий моему происхождению. – Сказал Альберийон, поднимаясь со скамейки вместе с братом.

– Именно!!! – От радости его голос перешёл на высокий тон.

Монарх плавно кивнул в сторону твердыни, давая команду охране следовать за ним. Устав находиться в обществе отравленных тел, они все отправились в крепость, где уже расчистили последствия вчерашней осады.

После захвата города Эргис Джермейн направился обратно в Вирган: лично разобраться с внутренними проблемами королевства. Армия вновь перешла под командование генерала Манреда Асталиона.

Следующей её целью на пути к столице Ошиды был крупный город Бентер; между ним и Эргисом аккуратно пролегал огромный путевой тракт. Вот только несколькими километрами южнее середины этого тракта, находился небольшой городок Ренот с полутра тысячей жителей внутри.

В прочих условиях такую мелкую точку на карте можно было бы, и пропустить, но близкое расположение к главной дороге позволяло противнику разместить там небольшое количество войск способное нападать на обозы, гонцов и вести другую партизанскую деятельность замедляющую продвижение войск Фендала.

Находясь всего в месяце пути от вражеской столицы, рисковать никому не хотелось – победа казалась уже настолько близкой, что надеяться на случайности и удачу никто не собирался. Оттого на очередном военном совете единогласно и без лишних споров генералы и представитель магов приняли решение захватить городок с целью размещения там

небольшого гарнизона. Учитывая размеры Ренота, на штурм выделили весьма малые силы; конкретнее отряд численностью восемьсот воинов и шестьдесят магов. Остальные отправлялись дальше, брат Бентер в осаду – оттягивать полный разгром врага тоже никто не стремился.

Несмотря на все просьбы и требования Альбериона доверить именно ему, командование этой операцией, Манред решил лично возглавить атаку. Однако и падшему принцу было дозволено принять участие в штурме и управлять не только магами, но и другими войсками (отбывая, младший брат успел дать ему высший офицерский чин). Он, разумеется, согласился, но так и не понял, зачем надо было ради такой сущей мелочи оставлять основные силы без главнокомандующего. Возможно, тот рассчитывал захватить городок настолько быстро, что был уверен в том, что успеет присоединиться к главной армии ещё до начала осады Бентера.

Дав чёткие и быстрые распоряжения остальным генералам, Асталион во главе небольшого отряда отделился от основных сил, направившись на юг. Путь не представлял трудностей для марша: абсолютное отсутствие возвышенностей, скалистых пород, широких развилыстых рек и густых труднопроходимых лесов – одни сплошные поля, плоские и ровные словно стол. Поэтому город и был виден за километры, а вот уже за ним начинались возвышенности и леса.

На каменном плато высотой в пару метров, на вершине которого можно было разместить лишь десяток лошадей, за-

няли свои места Альберион и Асталион, а также горнист и несколько адъютантов. Отсюда им открывался обширный вид на театр предстоящих боевых действий, что категорически важно для командования.

Городок, несмотря на свою малонаселённость, обладал всеми необходимыми укреплениями: высокие каменные стены, ещё более высокие и крепкие башни, прочные ворота с металлическими решётками и даже несколько баллист, вот разве что только рва не было, а в остальном полный комплект.

Жители уже вовсю готовились к обороне. Да именно жители, солдат в городе было немного, так что мэру пришлось созывать городское ополчение. И именно оно сейчас разливало горячую смолу по чанам.

Решив не тратить время и силы на штурм стен, атакующие сосредоточились только на воротах. Чародеев у них достаточно, чтобы поочерёдно прикрывать магическими щитами воинов с тараном от летящих стрел, камней и смолы.

В ближайшем лесу, находившемся на расстоянии пятьсот – шестьсот метров от города и украшавшем вершину небольшого холма, солдаты срубили несколько крепких и толстых деревьев.

– Ты собираешься атаковать город без разведки? – Альберион сидел на тихом мощном рыжем коне очень редкой и дорогой породы, такие выращивались только на самом юге континента. На полуострове Гофер, где располагалась коро-

левская лошадиная ферма, там разводили этих жеребцов. И только там и только их. Все они принадлежали королевской семье, однако та иногда дарила их подданным за выдающиеся заслуги перед государем и отечеством.

– К чему нам разведка. Пустая трата времени, нужно быстрее захватить город и двинуться дальше. А то так без нас вся война пройдёт. – Асталион как всегда при разговоре с теми, кто ниже его рангом придавал себе невероятно горделивый и напыщенный вид.

– А вдруг там засада врага. Они могут спокойно дожидаться, когда наши силы полностью втянутся в битву у стен чтобы нанести нам удар в тыл. И вот тогда мы будем зажаты между двумя армиями, а в таких условиях наше немногочисленное войско будет полностью вырезано за пару минут. – Падший принц обеспокоенно посмотрел на генерала, абсолютно не понимая, что тот делает.

– Ты, правда, полагаешь, что Ошидцы будут отводить силы на оборону такого маленького городишки, когда нам до их столицы остался всего месяц пути и два крупных города на тракте способных нас задержать? Я уверен они даже и не подумали, что мы будем тратить своё время на это захоlustье. – Снова полный презрения взгляд, пал на Альбериона. Генерал всё никак не мог простить ему того предательства, и тех бесспорно очень обидных поражений что нанёс ему юный маг, ведь Кэривульф именно Асталиону поручил подавить бунт сына, поскольку тот был его лучшим другом и

до начала мятежа относился к принцу как родичу.

И он подвёл своего правителя, не выиграв ни одной битвы. Что может быть постыднее для опытного воина, чем проиграть безумому мальчишке. Обладая при этом абсолютным численным преимуществом. Его величество Кэривульф после этого, не раз критиковал старика за такое командование. И даже после того как мятеж был подавлен их дружба больше не вернулась: король не упускал случая обидно поддеть своего старого товарища. Ведь, несмотря на расхождения во мнениях, монарх ценил и уважал старшего сына больше чем старого друга.

– У них новый главнокомандующий, генерал. Он очень хитёр, умён и даже коварен, но самое опасное в нём то, что он не боится рисковать. Я уверен, этот человек предположил и в деталях рассмотрел все возможные варианты наших действий, даже те, до которых мы сами не догадались, и ко всем им подготовился. Можете быть уверенны, он нас удивит. Ход его мысли непросто для разгадки. Не сомневаюсь в том, что он приготовил для нас нечто такое, о чём мы даже и не подозреваем. – Виконт всегда восхищался талантливыми полководцами, он любил сталкиваться с ними в боях, так он понимал, на что способен, а иногда и узнавал о своих недостатках; устраняя их, лишённый наследства становился сильнее. Будь то магия, фехтование или военное ремесло Альбертион не знал иного способа развития, кроме как побеждать сильнейших.

И падший принц за годы войн одолел немало сильных тактиков, но настолько изобретательных он никогда ещё не встречал. Оттого азарт в нём разгорался не виданым доселе пламенем, вот только командовать армией ему не доверяли. И всё что ему оставалось это беспомощно наблюдать со стороны.

– Не учи меня воевать предатель! Я командовал армиями, когда ты ещё не родился. Мне не нужны советы, от безродного мальчишки, у которого нет чести. – Манред перевёл взгляд на трубача, стоявшего всё это время по правую руку от них, и коротко кивнул; прямой золочёный горн протяжным звуком дал сигнал к немедленному началу атаки.

Передовой отряд плотным строем, вместе с бревном на плечах, выдвинулся к укреплённым сталью воротам. Из-за отсутствия рва армия Фендала не только быстро подобралась к стенам, но и на перетаскивание тарана не потратила много сил: уложившись в какие-то минуты.

Защитники города начали стрелять из луков, когда враг подошёл ближе, чем на сто метров. Людей у них было недостаточно для того, чтобы обрушить лавину острого метала, на головы осаждающих. Но всё-таки небольшие тёмные тучки стрел как стаи изголодавшихся по крови комаров со свистом летели на солдат. И растворялись в пыль, угодив в защитные заклинания магов. Их купол был непроницаем для таких маленьких объектов, пусть и в большом количестве, пусть и летящих с большой скоростью.

Трудности начались, когда brave солдаты Фендала приблизились к входу в Ренот вплотную. Тогда сверху полетели камни, и ливнем полилась горячая смола. Большое количество массивных глыб периодически разрушали оборонительные чары, и волшебникам требовалось время на создание новых. Пусть и создавались те довольно быстро, но в этот небольшой промежуток времени не каждому воину удавалось успеть закрыться щитом. Так что атакующие, пусть и понемногу, но всё же гибли: кто от стрел; кому-то проламывали голову камнем; ну а кто-то до смерти обгорал в смоле, издавая ужасающие вопли.

Городские ворота, как и их защитники, упорно не хотели поддаваться; крепко обхватив бревно, воины бирюзовых знамён с криками что-то в духе «Эх ухнем», разбегались, а затем врезались предварительно заострённым концом тарана в укреплённые стальными решётками доски. После восьми – десяти ударов, ствол сорокалетнего дерева не выдерживал и раскалывался на части, но к этому моменту подходил уже следующий отряд с новым, крепким пробивным не очень высокотехнологичным осадным агрегатом, и продолжал осаждать укрепления.

Потребовалось известить пять или шесть стволов деревьев, прежде чем створы распахнулись и атакующие схлестнулись с защитниками в ближнем бою. Обнажив мечи, остальные солдаты и маги Фендала быстрым маршем ринулись к городу на помощь своим передовым силам, пока те всеми спосо-

бами удерживали вход.

Численный перевес и чародеи позволили осаждающим быстро проникнуть за городские стены. Но только первым отрядам, затем атакующие силы столкнулись с серьёзным сопротивлением. С улиц города подоспели хорошо экипированные войны – слишком хорошо экипированные для городской стражи и ополчения. Возможно, они охраняли что-то важное: армии обороняющихся всегда очень сильно растянуты так-как не известно, где прорвётся враг. Но поняв, что армия Джермейна будет бить только в одну точку, им ничего не мешало стянуть все свои силы сюда, вот только для этого потребовалось время. А возможно всё это было подготовлено заранее и они просто ждали своего часа. Как бы то ни было, но в итоге основные силы знамён золотого лиса были стиснуты возле городских врат, не в состоянии маневрировать или хоть как-то помочь тем, кто теперь в городе.

Представитель магов намеревался лично вступить в бой, чтобы снова спасти положение своими чарами. Но тут из леса появились конные воины, ему сложно было отсюда посчитать их количество; навскидку тех вышло более двух с половиной тысяч. Это была особая конница Ошиды, Альберин слышал о них раньше, однако никогда не видел их в действии. Этих всадников вооружали несколькими десятками коротких метательных копий и одной длинной пикой. Людей для такого вида лёгкой кавалерии, готовили долго. С самого детства, превращая их в амбидекстров, способных эф-

фактивно владеть большой пикой в одной руке, (пронзая ей доспехи врага, нанося тому тяжёлые раны) и короткими копьями во второй (которые они метали, попадая в незащищённые латами места, разя ими противника насмерть). И это всё верхом на быстро скачущей лошади, без сбавления темпа для атак – ворвавшись в тыл или фланг врага, они быстро уменьшали его численность.

– Трубите отступление, иначе мы их всех потеряем. – Падший принц очень встревожился, всего двадцать три месяца прошло со дня его освобождения из Осора, а он уже близок к своему второму в жизни поражению.

Горнист стал выполнять данный ему приказ, он уже набрал воздуха в грудь, и почти поднёс горн к губам, как на него тут же закричал Асталион.

– Здесь я командую армией, а не он! ТЫ забыл, чьи приказы выполнять?! – От гнева у него вздулись вены на шее, а у трубача от страха побелела даже лошадь.

– Вы ведь понимаете, что они перебьют всех наших воинов, если мы не отступим. Надо было провести разведку как я, и говорил, а теперь вся наша военная кампания под угрозой из-за вашей самонадеянности. – Теперь гнев закипал и в самом бывшем генерале.

Он абсолютно не понимал мотивы действий Манреда, тот может никогда и не обладал военной проницательностью Альбериона, но и никогда не был плохим командующим. И тут волшебника осенило: отвратная, мерзкая, холодная

мысль липким комом сплелась в его голове. Он и подумать не мог, что кто-то настолько близкий отцу может поступить подобным образом.

– Вы планировали так с самого начала. Именно поэтому вы решили лично возглавить эту операцию, чтобы убедиться в том, что я вам ничего не испорчу. Ты предал нас, но ради чего? Что такого тебе предложил король Далион, чего не смог дать мой отец? Или мой брат? – Рука виконта крепко обхватила древко копья, ему хотелось убить главнокомандующего, но в данной ситуации это расценили бы как предательство, ведь кроме догадок больше ему нечего было предъявить.

– Не тебе обвинять меня в измене Альбертион, в этом мире нет более подлого изменника, чем ты. Пойти против собственного отца, что может быть отвратнее. – Раньше падший принц думал, что Асталион общается с ним, демонстрируя своё презрение и отвращение, но оказалось, он всё это время галантно сдерживался. Вот только теперь главнокомандующий показал всю свою ненависть которую он испытывал по отношению к бывшему наследнику трона.

Элита армии Ошиды за это время полностью вышла из леса и выстроилась для атаки. Готовая перейти из марша в галоп. Видя это, барон Висалии решил больше не тратить время, на ничего незначащие споры.

– У меня нет времени препираться с вами генерал. Хо! – Маг ударил коня в бок сабатами, и помчался наперерез

вражеской коннице. Которая, поднимая за собой облако пыли словно буря, уже неслась в тыл застрявшей у города армии.

Разумеется, он успел к своим раньше врага. Альбертион слегка притормозил лошадь, прыгнул на землю, воткнув рядом с собой копьё – так колдовать будет удобнее. При виде потока конницы несущейся с горы, готовой сминать всех на своём пути словно лавина: переламывая кости, разрывая кожу и выворачивая плоть наизнанку. В голове у него возникла только одна мысль:

(Хер вы у меня пройдёте!!!)

Собрав всю свою невероятную магическую силу, он вытянул руки вперёд, и пустил молнию в копьё. Та, используя металлическую рукоять, словно резонатор разбилась на десятки молний поменьше, которые начали хаотично врезаться в землю в двухстах метрах перед собой, взрыхляя почву будто плугом. Несколько всадников попав под удар, тут же истлели до костей вместе с лошадьми. Но это было ещё не всё – чёрные как смоль тучи затянули небо над полем боя, вонзая в землю разряды электричества такой силы, что от неё откалывались и вздымались вверх каменные глыбы. А следом вихри закружили сжатый до остроты бритвы ветер; поднимая наездников, те разрывали их на куски, покрываясь, как марля на свежей ране, багровым оттенком. Всё это встало преградой на пути неприятеля, затягивая, перемалывая в порошок и испепеляя людей, коней, деревья и землю.

Падшему принцу требовалась вся его сила, чтобы творить подобную магию. Он весь покраснел от напряжения, его прошиб пот, а мышцы буквально рвались от перегруза, испытываемого телом. Рвались словно старая бумага даже доспехи, надетые на нём, это был во всех смыслах его предел. Маг отдавал в этом бою всего себя, он продолжал сражаться, невзирая на опасность быть разорванным на частицы от столь резкого выделения таких объёмов магической энергии.

Ради победы он приносил свою бесценную жизнь в жертву, которой оказалось недостаточно – воины в первых рядах были уничтожены, несколько сотен элитных тренированных всадников исчезли за секунды, будто снег в печи. Но вот дальше некоторым кавалеристам удавалось прорываться и бывшему узнику приходилось убивать их заклинаниями из своих рук: огненные шары; ледяные копья; каменные дротики – все простейшие заклинания из его арсенала летели в тела врагов. И даже этого не хватило, некоторых воинов он всё равно упускал из виду, один из которых и метнул в него короткое копьё.

Чародей абсолютно не заметил его приближение. Пролетев десяток метров, трёхгранный кусок кованой закалённой стали на крепкой палке, влетел в грудь магу. Дистанция была достаточно близкой, чтобы оружие смогло пробить доспех и ранить воина, пусть и недостаточно глубоко. Боль вспышкой вулкана взорвалась в голове Альберiona и затем разлилась по остальному телу. Мысли слегка начали путаться и в гла-

зах немного помутнело.

Но ему было не привыкать получать ранения и терпеть боль. Да его правое лёгкое теперь пробито и постепенно заполняется кровью, однако, этот процесс слишком медленный. У него было ещё часа четыре, прежде чем он захлебнётся. Вот только это ранение сбило концентрацию мага, из-за чего ещё больше воинов прорвалось через колдовской заслон. Прежде чем он успел вернуть контроль, ещё четыре копья вонзились ему в грудь. Вся магия тут же угасла, все его могучие заклинания рассеялись, и сил хватало только на то чтобы удержаться на ногах.

(Не падать! Я должен их всех спасти.)

Для Альбериона боль уже не имела никакого значения только спасение своих солдат. И хоть тело приучено получать опасные и болезненные ранения, всё же устоять на ногах ему не удалось – конь сбил его; влетел своей широкой мощной грудью прямо чародею в лицо, сломав тому нос и челюсть, и ещё часть костей.

От удара, волшебника развернуло на сто восемьдесят градусов; он рухнул на землю животом в низ. Торчащие в груди копья, оперевшись древками о твёрдую поверхность, прошли торс насквозь. Выйдя из спины, они открыли проходы для крови, и теперь падший принц лежал на земле, а под ним расплывалось тёмно-красное пятно не желавшей впитываться в землю жидкости.

Виконт Энтералии, уже почти не видя, что происходит,

попытался подняться, но скачущий мимо всадник, понимая, что враг ещё жив, воткнул тому в спину ещё одно копьё. И на этот раз не короткий дротик, а длинное массивное копьё, которое пробило Альберриону лопатку и грудную клетку, а затем крепко вошло в почву, пригвоздив по сути воина к этому месту. Для верности ещё один наездник сделал то же самое только с другой стороны. Маг потерял сознание – абсолютно ужасная, но почему-то такая сладкая мысль о том, что всё наконец-то подошло к концу, мягким убаюкивающим теплом окутала мятежный разум. Заставляя его больше не сопротивляться, больше не надеяться, больше не стремиться и не добиваться, не пытаться изменить мир, себя или общество, а главное больше не искать место под Солнцем и Луной.

Но, то ли не дремлющий инстинкт самосохранения, то ли закалённый боями характер воина, то ли та огромная сила магии, что течёт в его ещё не до конца сгоревших в агонии жилах, заставили волшебника прийти в себя – очнуться от столь манящего самозабвения.

Чародей не знал, сколько времени он провёл без сознания, но видел, как враг добивает остатки его армии, и чувствовал, как уходят собственные жизненные силы. Ему ничего больше не оставалось, как вновь прибегнуть к той запрещённой магии, так быстро залечивающей любые раны и способной поднимать мёртвых из могил: искусство некромантии, преступное во всех уголках континента знание. Если бы хоть кто-то узнал, что падший принц владеет этой силой, ему тут

же отрубил бы голову, не смотря на все его заслуги. Но он никогда не жалел о том что освоил это колдовство, оно помогло ему множество раз, главное было в этом деле – не оставлять свидетелей.

И вот вновь, как и тогда в столице под мостом, глаза мага засветились всё тем же зелёным светом, а на лице и теле возникли такие же зелёные руны. Сломав крепкие древки копий заклинанием «клинок ветра», он поднялся, вытаскивая из себя остатки орудий. Раны на его теле стали затягиваться, кровь перестала течь.

(Ну что ж, раз кончились живые, значит, отправим в бой мёртвых.)

От тела Альбериона по траве в разные стороны пошли волны магии того же цвета что и его руны. Тонкими струйками они окутывали тела умерших людей. И мертвецы поднимались с земли; в их глазницах тоже вспыхивало зелёное пламя. Не зная боли и страха, они набрасывались на живых, разрывая их плоть зубами и голыми руками. Не обращая внимания на воткнутые в тела стрелы, топоры, мечи, и копья они запрыгивали на лошадей, сворачивая всадникам головы, врывались в дома, преследуя своих испуганных жертв. Каждый убитый ими тут же поднимался, пополняя ряды живых мертвецов. В некоторых строениях начался пожар.

Огонь, смерть и ужас овладели городом.

Глава пятая. Пастух.

Нет ничего печальнее путника бредущего по сухой дороге: подобное зрелище наталкивает на мысль о том, что все мы, до нелепости, неотвратимо одиноки. И даже если окружить себя друзьями и семьёй, умирать нам всё равно придётся в одиночестве. Да и этот момент не станет единственным, который нам придётся преодолеть на жизненном пути, рассчитывая только на собственные силы.

Весна ещё не закончилась, май едва успел достичь середины, как летняя погода, предвосхищая начало июня, уже завоевала мир. Заставляя всех, кроме крестьян, старательно держатся тени, с наслаждением вспоминая зимнюю стужу.

Небольшого холода сейчас хотелось бы и Альберциону, устало ковылявшему вдоль тракта уже не одну неделю в направлении запада, с сухим расчётом дойти до своих. Армия мертвецов разрушила город за час: оставив там огромную яму из раздробленных серых камней, сломанных брёвен и обгоревших человеческих тел. Поэтому некроманту пришлось изрядно потрудиться, чтобы найти хоть сколь бы то ни было сносную местную одежду. Свои доспехи ему, конечно же, пришлось оставить в этих руинах; ещё он позаимствовал лук и меч также работ местных мастеров. Пускай маг не собирался заходить в селения Ошиды, перестраховаться не мешало – выглядеть как местный было необходимо: никто

не знает с кем ты встретишься на пути, лучше не вызывать лишних подозрений.

Холодное оружие пригодится любому скитальцу, даже волшебнику, а лук и стрелы помогут добыть пропитание, ведь провизии с собой у него не было. А путь предстоял действительно не близкий: силы Фендала потерпели поражение и при штурме Бентера, поэтому измотанная потерями армия принудительно отступила к Эргису, до которого добираться пешком было чуть ли не месяц.

Падший принц проделывал этот путь исключительно днём с намотанными на голову тряпками. Ночь же он проводил в лесу, у наспех разведённого костра. Так же перерыв он делал ещё и в полдень, пережидая пик палящего солнца в тени деревьев, сидя у самой окраины леса в паре шагов от дороги.

Некромант поджаривал только что подстреленных кроликов на небольшом огне, который развёл при помощи магии из сухих веток собранных поблизости. Готовится мясо на таком маленьком огне долго, но и окончание пика активности солнца предстояло ещё не скоро.

Когда до полной прожарки дичи оставалось совсем немного, охотник услышал грохот множества копыт вдалеке – шли не галопом, а маршевым стилем. Это явно было приближение армии и вряд ли своей (те уже давно должны были сесть за городские стены и зализывать раны). Первое о чём подумал виконт, это о побеге: затушить костёр, убрать кро-

ликов и спрятаться в лесной гуще. Но боевой опыт тут же отбросил эту мысль: если разведчики (которых он так бездарно проворонил) за ним следят, то его скороспешные прятки вызовут нежелательное подозрение.

Через несколько минут показались первые всадники, подоспевшие аккурат к окончательному запеканию крольчатины.

Где-то в их рядах мелькала фигура в очень дорогих на вид доспехах, и маг предпочёл встать и поклониться проезжающим – вполне возможно среди них будут генералы из знатных семей. Ему не сразу удалось вспомнить, как кланяются в этой восточной стране, лишь разговоры на балу с послом Ошиды служили для него призрачным ориентиром.

– Стоять! – Фигура заметила путника, и что-то ей показалось подозрительным в нём. Приказ цепочкой повторили офицеры, передавая эти слова, куда-то вдаль пока вся колонна не остановилась. Альберион не видел её хвоста, поэтому он предположил, что их здесь тысяч десять не меньше.

– Приветствую тебя путник. – Человек, в дорогих доспехах слез с лошади.

– Здравствуйте милорд. – Скиталец выпрямился и застыл смиренно как доска.

– Решил устроить привал? – Он подошёл поближе к костру.

– Солнце сильно жжёт, да и голод обуял господин. – Чародей отвечал учтиво, не поднимая взора со своих ног. Ему не

привычно было общаться с людьми таким образом. Он всё-таки привык в общении быть по статусу выше собеседников.

И поэтому бывший наследник трона сейчас всеми силами вспоминал, как с ним общались простолюдины. Пытаясь повторить каждое их движение, ужимки и тон. Вспоминалось, мягко говоря, не очень хорошо.

– Голод ждать не привык. – Командующий по-приятельски улыбнулся.

– Если вы голодны, то всё что я могу вам предложить, это пару кроликов. Если бы я знал, что меня посетят такие почётные гости, я бы подстрелил целого оленя. – Маг очень старательно изображал раболепие, возможно ему никогда в жизни не придётся врать так усердно как в эти минуты. Ну а если ложь раскроется, тогда врать ему однозначно больше не придётся, как и жить.

– Кролик вполне сойдёт. Вина. – Фигура присела у огня, мягким жестом указав путнику, что тот тоже может сесть. Альберион не стал мешкать.

Едва они расположились, как какой-то солдат поднёс им кожаный бурдюк.

– Вот, угощайся. – Человек в дорогих доспехах протянул бурдюк охотнику, тот сделал небольшой глоток. Из-за летнего зноя вино оказалось очень тёплым, но это всё-таки не пиво, ему не обязательно быть холодным, чтобы быть вкусным.

– Прекрасное вино. – Сказал падший принц, передавая выпивку обратно.

– Подарок его величества за первую, одержанную в этой войне, победу. – Не похоже было, чтобы он сильно гордился или дорожил этим подарком. Но всё же, генерал с особым наслаждением сделал глоток и продолжил. – Ты сказал «такие почётные гости». Ты что знаешь кто я?

Некромант не знал кто перед ним, но предположить было не трудно.

– Вы верховный главнокомандующий нашей армией, к сожалению, я ещё не успел запомнить вашего имени милорд. – Волшебник ещё раз поклонился, в этот раз коротко и не вставая.

– Не мудрено, я стал им совсем недавно. – Вовсе не обижаясь на сказанное, он взял кролика и аккуратно, стараясь не обжечься, откусил небольшой кусочек. Быстро прожевав, военный сказал. – Меня зовут Осберт Рингер я граф Итлунский, и как ты совершенно верно заметил, я главнокомандующий нашей армией.

– Для меня честь познакомиться с вами господин. – Вновь поклон. Ему нужно быть очень убедительным, ведь каким бы могущественным магом он ни являлся, сражаться с целой армией никому не по силам.

– А кто ты? – Осберт сделал глоток, и вновь передал бурдюк путнику.

– Я всего лишь пастух милорд. – Он с благодарностью принял вино.

– А что у пастухов нет имён? – Граф пристально посмот-

рел на «пастуха». Он заметил этого простолюдина краем глаза, и, казалось бы, ничего примечательного в этом человеке нет. Однако внутренний голос подсказал, что этот парень не так прост, как хочет показаться. А генерал привык доверять интуиции, ведь прежде та его не подводила. И Осберт теперь старательно пытался понять, чего же такого подозрительного в нём нашло его шестое чувство.

– Меня зовут Гальфрид, мой лорд. – Он также пристально посмотрел в глаза собеседника, эта была самая важная ложь в его жизни, и требовалось убедиться, что слушатель в неё верит.

– Что ж, рад познакомиться Гальфрид. – Муха отвлекла внимание Рингера попытавшись отхватить кусок его обеда. Тот легко отмахнулся от неё.

– Это честь для меня милорд. – Чародей вёл себя предельно спокойно, даже слишком спокойно для простолюдина, общающегося со знатью и обедающего за одним костром с ней. Немного волнения сделало бы его лож более убедительной, но менять модель поведения было уже поздно.

– Скажи мне тогда вот что, а где же твоё стадо? – Генерал держал спокойный тон, делая вид, что это обычное любопытство, а не допрос. Он откусил ещё кусок, дичь явно пришлась ему по вкусу.

– Отобрала вражеская армия. Лишившись своих овец, я решил отправиться к родственникам в Ренот, рассчитывая, что кузен меня приютит. – Лож приходилось придумывать

на ходу, это требовало изрядных мыслительных усилий; еда сильно мешала работе мозга. Но если есть он не будет, то вызовет много подозрений.

– Как, ты разве не слышал, что Ренот напрочь снесли, до основания. Никто не выжил, ни наши люди, ни их солдаты. Как так вышло, одна сплошная загадка. – Граф опять посмотрел на охотника, но на этот раз с сожалением. За его спиной заржало несколько, уже уставших стоять, лошадей.

– Какой ужас, одни беды от этих войн. Выходит. У меня больше не осталось родственников. – Печально прошептал Альберион.

– Соболезную. – Рингер протянул скитальцу вино. Тот тут же сделал большой глоток, не смакуя ни капли, как пьют отчаявшиеся люди.

– Благодарю милорд. – Он сделал ещё глоток и вернул бурдюк.

– И что же ты планируешь делать Гальфрид? – Не переставал расспрашивать главнокомандующий, что-то в этой истории не давало ему покоя.

– Вернусь обратно господин. – Волшебник погрузнел ещё сильнее.

– А откуда ты? – Он потихоньку начал проникаться симпатией к собеседнику.

– Из деревни Силай мой лорд. – Дневное светило уже ушло из зенита и вокруг стало попрохладней, хотя солдатам Ошиды от этого легче всё же не стало. На их стальных до-

спехах можно было бекон жарить.

– Так она же захвачена врагами?! – Осберт доел кролика и выкинул палку.

– Ну что ж поделать, мне больше некуда идти. Мой дом там.

– Прости нас за это. Обещаю тебе, мы непременно вернём наши земли и твой дом обратно. Я знаю, как победить их. К тому же, на нашей стороне правда. Мы жили спокойно и никого не трогали, пока они не вторглись и не захватили наши земли. Их короля обуяла жажда власти, он хочет править миром. – Ненависть в его голосе была отчётливо уловима, от этих слов даже мурашки пошли по коже.

(Да уж, тут с тобой не поспоришь. Эту войну развязал отец и не только эту; он действительно хотел править миром. В этой войне ваш народ жертва, а наш агрессор. Хотя, если быть честным, оба народа страдают.)

Печальные мысли, жуткой тенью возродились в голове Альберiona. Сколько стран, сколько городов они захватили вместе с отцом. Скольких людей, да что там людей, скольких королей они лишили жизни. Сам бывший принц лично в бою убил четырёх королей, мирно правящих своими странами. Никто из них не хотел войны, никто – кроме отца.

(Хотя, если король Ошиды не хочет войны, почему он не соглашается на мирный договор, который так усердно предлагает мой брат? А? Почему Осберт? Может, ты всё-таки лукавишь, говоря о мире? Или не ты? Ведь о мирных пе-

реговорах я знаю только со слов Джермейна, я не знаю, какие условия он вам выдвигал. Может это меня, постоянно водили за нос?)

Ужасные мысли пришли на смену печальным, падшему принцу требовалось попасть домой. Он и до этого туда стремился, но теперь необходимость вернуться стала ещё выше. Уже давно пора было поговорить с братцем начистоту, выяснить всё до конца, а не строить догадки.

– Я верю вам господин, верю, что вы принесёте покой в наши земли. – Маг за размышлениями чуть было не забыл, что ему нужно изображать простолюдина.

– Должен отметить, что ты подстрелил кроликов очень меткими выстрелами. Все ли пастухи так чётко стреляют? – Осберт проникся не только симпатией, но и уважением к этому человеку, однако всё равно чутьё подсказывало, что-то в его собеседнике было не так.

– Не поверите милорд, но да. Всех пастухов с детства учат стрелять их отцы. Пасти скот очень не простое занятие, всегда могут напасть волки и нужно убить их ещё до того, как они схватят овцу или корову. Для этого нужен быстрый и меткий выстрел, с мечом за ними не угонишься. – Виконт понятия не имел о том, какими навыками обладают пастухи, однако его предположение казалось ему вполне логичным. Интересно поверит ли в него генерал.

– Тогда зачем тебе меч Гальфрид? – Чем дольше он разговаривал с этим парнем, тем сильнее ему доверял, но всё

же, коварный разум требовал выяснить всё до конца. Неразгаданные загадки были не для него.

– На случай если на стадо нападут разбойники. Овцы знаете очень дорогие, полсотни овец можно обменять на небольшой замок, замшелый, но всё-таки замок. – Ещё одно вполне логичное предположение, ему вроде даже приходилось слышать историю о том, как некий пастух в одиночку расправлялся с несколькими разбойниками. Ключевое слово здесь конечно «вроде».

– И фехтовать тебя учил тоже отец? – Любопытства ради поинтересовался главнокомандующий. Он уже не слушал своё скептическое нутро.

– Разумеется, ещё он научил меня выживать в лесу. Порою травы возле деревни остаётся мало, и стадо приходится угонять на дальние луга, оставаясь там на несколько дней. – Это уже была не ложь, он действительно слышал о таком, от некоторых солдат, с которыми делил пищу во время военных походов.

– Ни когда бы, не подумал что пасти скот такое сложное занятие, требующее от человека большого количества разноплановых навыков. – Абсолютно искренне и даже немного по-детски изумился Рингер.

(Сам в шоке!)

Мгновением пронеслась юморная мысль в мозгу чародея.

– В этом мире нет простых занятий. – Философски подытожил охотник.

– И то верно. Что ж, спасибо тебе за обед и за приятную компанию, но мне пора выдвигаться дальше. – Осберт встал и принялся отряхиваться, хоть они и сидели на траве; всё же оба немного покрылись пылью, в такой зной её было очень много и порой от неё даже глаза слипались.

– И вам спасибо милорд Рингер, за оказанную мне честь. – Альберион тоже встал и поклонился, низко, как у них это было принято.

– Знаешь, у нас ведь есть несколько свободных лошадей. Пожалуй, я дам тебе одну. И провизии на неделю. – Он щёлкнул пальцами и один из офицеров поскакал в середину колонны, скрытую стволами деревьев где-то за поворотом. Генерал протянул руку пастуху и сказал – Надеюсь, что ты доберёшься до дома целым и невредимым.

Падший принц в ответ, бодро пожал ему руку. Он тоже проникся уважением к этому человеку, в какой-то мере ему было даже жаль что они враги.

Несмотря на то, что Альберион добрался до столицы только к началу октября, родной город всё-таки встретил его тёплыми ветрами; летящими на север, прочь от непреодолимого и сурового южного океана, на берегу которого и располагался величественный и восхитительный Вирган.

Человечество уже не одно столетие усердно пытается покорить солёную воду, но никому до сих пор так и не удалось создать судно способное выстоять против волн откры-

того моря и проплыть хотя бы больше пары сотен метров. Так что никто не знал, что же там скрывается за далёким голубым горизонтом.

Стражи у ворот здесь никогда не стояло, город был слишком крупным, чтобы хоть кто-то мог точно знать в лицо всех его жителей. А пускать граждан только по пропускам было слишком обременительной бумажной волокитой, как для простых граждан, так и для чиновников, да и торговля бы от этого сильно упала, а ведь это именно то, за счёт чего живёт столица, и другие особо крупные города.

Так что виконт спокойно въехал в крупнейшее поселение людей на материке, бравшее своё начало три тысячи лет назад с одиноко стоящей захудалой хибары построенной его далёкими предками. Конечно же король был уже давно в курсе того что брат жив, голубя монарху отправили сразу же после того как Альберион добрался до войск Фендала, но Джермейн не мог точно знать когда брат вернётся. Поэтому никакой помпезной праздничной встречи как в прошлый раз не было. Однако следы какого-то недавнего празднования в Виргане ещё остались. Магу стало очень интересно, чего же такого грандиозного отмечали горожане. Он уже подъехал к дворцу и был уверен, что Джермейн, так радостно идущий ему на встречу, всё непременно расскажет. Сам же чародей тоже был невероятно рад вернуться домой: находиться он мог где угодно, но его сердце всегда было здесь.

Мгновенно соскочив с коня, барон Висалии бросился на-

встречу брату. Едва не прослезившемуся от радости, в момент, когда они обнялись.

– Не могу поверить, что ты живой. – Правитель слегка отпрянул от объятий, дабы рассмотреть Альбериона внимательнее и самолично убедится в том, что он в порядке. – Асталион докладывал, что собственными глазами видел как ты погиб. Сказал, будто тебя затоптала конница, а через два месяца мне приносят письмо, в котором говорится, что ты живой добрался до передовых сил нашей армии, и продолжаешь идти к столице. А я сижу тут, словно белка в дупле, и не знаю, кому верить, жив ты всё-таки или мёртв.

– Манреду нельзя верить ваше величество. – Учтиво ответил некромант. Он хоть и рад был видеть младшего брата, но нужно было помнить, что тот всё-таки ещё и король. Ньюанс, о котором падший принц так часто забывал.

– Да ладно тебе злиться на него. Да когда-то давно он пытался подавить твоё восстание, но то были дела давно минувших дней. Лучше забудь об этом, корысть главный враг вельможи. Давай мы где-нибудь уединимся, расскажешь мне, что с тобой произошло за эти пять месяцев.

– А ты расскажешь мне, что тут весь город праздновал? – Они развернулись и бодро зашагали во дворец.

– Свадьбу моего сына, я всё сделал так, как ты мне посоветовал. Празднество было давно, но вышло настолько грандиозным, что город от него до сих пор не до конца очистили. Не удивлён, что ты заметил. – Радостная улыбка не сходи-

ла с его лица, Альбертион ещё никогда не видел брата столь счастливым.

– Жаль, что я пропустил такое событие. – Магу действительно было грустно от этого, развлечений в последнее время ему очень сильно не хватало. Порой даже он устаёт от войны; иногда настолько, что закрывая глаза вечером, ему больше не хотелось просыпаться никогда.

Многовековая резиденция королевской четы хоть и поражала масштабами, однако кроме просторных, грандиозных, изысканных залов и коридоров, в ней так же находились и маленькие комнаты, невесть для чего построенные. В одной из таких комнатушек братья и закрылись, дабы всё спокойно обсудить без лишних глаз и ушей. Даже стражников Джермейн отправил подальше от дверей.

Если бы не пара тумбочек и комодов со стоящими на них вазами и цветами, а так же очень широкое окно, развернувшееся от одной стены до другой, это место можно было принять за чулан.

– А ты всё же был прав. – Мужчины подошли к окну и опёрлись на подоконник локтями, чтобы комфортней созерцать изумрудный город, вяло теплящийся под золотыми лучами полуденного солнца.

– Что не удивительно, но в чём конкретно я был прав? – Маг аккуратно зевнул.

– Лорд Нертис действительно оказался изменником. Арнульф всё-таки нашёл доказательства его связи с Ошидой.

А через пару дней пыток, он и сам сознался в своей вине. – Венценосец медленно потирал ладони.

– Ну а кто бы ни сознался. – Падший принц улыбнулся, и посмотрел на людей, копошащихся на улицах. Днём в столице всегда было не протолкнуться. И отсюда с вершины второго этажа их суета выглядела ещё более хаотичной.

– Всё это уже не столь значимо. Его вина доказана, а значит, он, как и вся его родня до конца дней просидят за решёткой. Они уже недели три как в темнице, и уже никогда оттуда не выйдут.

– Печальная участь. – Чародей тяжело вздохнул.

– Они в ней сами виноваты. Но для тебя главное в этой истории то, что все их владения теперь мои. И я всё ещё не успел их кому-то отдать. Весть о том, что ты можешь быть жив пришла как нельзя вовремя, а то бы не ты стал бы герцогом, а кто-нибудь другой. – Ухмыльнулся Джермейн, переводя взгляд с окна на брата.

– Так я теперь герцог? – Альбертион не отвёл взгляда от прохожих. Мать учила его, что никогда не стоит радоваться раньше времени.

– Бумаги лежат в моём столе, я не хотел подписывать их, пока не увижу тебя лично. Но как только на них окажется моя печать, ты будешь не только бароном Висалии, виконтом Энтералии. Но и бароном Мейтры, виконтом Глатии, графом Сераты, маркизом Отеры, и главное герцогом Натеры. – На последних словах король чуть не подпрыгнул от радости.

Порой этот взрослый и уже немножечко седой мужчина вёл себя словно ребёнок. Правда, только когда оставался наедине с братом. В присутствии других он не забывал о манерах монарха.

– Как много титулов. – Некромант старательно изображал радость. С одной стороны выше герцога только король, и все члены королевской семьи которые не являлись королями или прямыми наследниками трона носили этот титул. Стоило старшему из сыновей взойти на трон. Как все его братья и сёстры тут же получали пары герцогов, к которым прилагались и все более низкие титулы из категории высшего дворянства. С другой стороны Альбериону с самого детства обещали, что он будет королём, и такое из головы вот так просто не выкинешь. Его учили править, повелевать и командовать, а не кланяться и подчиняться. Хотя если всё ещё учесть, что он по-прежнему лишён фамилии, то даже титул графа для него невообразимая роскошь. Джермейну однозначно пришлось немало потрудиться, чтобы достать ему все эти титулы.

Но легче от этого не становилось: всякий раз, когда он слышал чей-то приказ, в голове возникала мысль – он повелитель, а не слуга. Что и терзало его, губя все хорошие мысли на корню.

– Теперь ты наконец-то получил титул достойный твоего происхождения брат. – Король радостно приобнял родича. Возможно, сейчас они и сильно изменились, и являются уже

совершенно другими людьми, но они многое пережили вместе в детстве. И эта связь всё ещё осталась между ними.

– Спасибо, ваше величество! Обещаю оправдать ваше доверие! – Маг всё ещё удручённо глядел в окно. Ему было необходимо задать очень важный вопрос, ради которого он и прибыл сюда, но как подступиться к теме чародей не знал.

– Да ладно тебе ёрничать. – Немного обиделся монарх. – Я же делаю все, что в моих силах, чтобы твоя жизнь стала лучше.

(Почему я всё же злюсь на него, ведь он не виноват в моих ошибках. Как и не повинен в ошибках отца; он наоборот, всячески пытается их исправить. Я ведь сам сделал то, из-за чего меня лишили наследства, а войну эту развязал отец. Вины Джермейна нет ни в чём; разве только в том, что до сих пор нет мира, но и здесь я не могу знать наверняка.)

– Это все новости, что ты хотел рассказать?

– Кажется да, это всё. А теперь рассказывай, как ты выбрался из тех клещей, что устроила армия Ошиды? – Он с нетерпением ожидал услышать героическую и увлекательную историю о той битве. Как в детстве: когда Джермейн с трепетом и восторгом наслаждался рассказами о ратных подвигах старшего брата и отца.

– Я просто уничтожил их всех своей магией. – Оставив попытки изображать радость, Альберион стал вести себя абсолютно безэмоционально.

Да история не вышла красочной. Рассказчик из падшего

принца как из сапога таран. Говорят что краткость это сестра таланта, так вот волшебник как летописец оказался слишком талантливым.

– Ты в одиночку перебил всех солдат?! – От изумления венценосец поднял брови так высоко, что те скрылись под чёлкой.

– Не только их, я просто стёр в пыль весь город. – У будущего герцога было много времени подумать над своими действиями под стенами Ренота, пока он возвращался домой. И чародей не мог назвать их правильными и уж тем более благородными, но поступи он иначе; лежал бы сейчас мёртвым сном да на чужой земле. Однако потёртую совесть всё равно коробило и тёмные мысли не давали покоя измождённому разуму.

– А как же его жители? – Голос Джермейна робко дрожал. Вариантов ответа было два, и он боялся услышать не тот.

– Они тоже все мертвы. – Альбериону, участвовавшему в немалом количестве войн, доводилось делать много поганых вещей, но при штурме Ренота чародей затмил все ужасы сражений, которые видел ранее.

– Твою мать Альберион, что же ты наделал. Кошмар. – Ужас перекрыл собой изумление. Джермейн судорожно потирал лоб, не веря, что его брат, которого он считал благороднейшим из людей, способен был на такое зверство. Лицо монарха покрыла бледность, в горле встрял тошнотворный ком.

– Я сделал то, что было необходимо. – Огрызнулся чародей, вновь забыв, что говорит со своим правителем.

– НЕОБХОДИМО!!! Необходимо?!!! Да как я должен буду договариваться с ними о мире, если мы убиваем их женщин и детей, уничтожаем их города!!! КАК?!!! – Монарх орал на него во весь голос.

И тут нервы бывшего наследника трона не выдержали:

– Да кто ты блядь такой, чтобы указывать мне, что делать?!!! – Падший принц отпрянул от окна и ткнул в брата пальцем, от гнева его вены на шее вздулись, а лицо покраснело. Будь в этой маленькой комнатушке сухие ветки, они бы сейчас вспыхнули от накалённого конфликтом воздуха.

– Я ТВОЙ КОРОЛЬ!!! – Джермейна тоже достало, что старший брат частенько забывал о манерах и разговаривал с ним неподобающим образом.

– А-а, ну ясно. – Альберион сбавил тон и сделал небольшой шаг назад, словно успокоился, но это была только видимость. Через мгновение он ударил своего правителя правым кулаком в челюсть. Хук получился быстрым; почти без замаха, но очень сильным. Самодержец аж свалился с ног. – Получи твоё величество.

Джермейн хоть и не был закалённым в сражениях воином, однако он всё-таки был крупным мужчиной, и подобный удар не мог лишить его сознания. Потому он тут же поднялся и прыгнул на обидчика, влетев в его тело словно таран.

Сбив некроманта на пол. Король оказался сверху, и попы-

тался несколько раз ударить брата по лицу, но ни разу не попал: тот оказался слишком изворотливым.

Для опытного солдата не составило труда выйти из проигрышной позиции, и Альберион сделав несколько движений корпусом не только высвободился, но ещё и отбросил венценосца от себя, да так, что тот влетел в стену. Сделав пару шагов вперёд, маг нанёс ещё один хук, снова целясь в лицо, но на этот раз Джермейн успел поставить блок, и ответить апперкотом, смачно прилетевшим в подбородок Альбериону. Тот пошатнулся, но всё же устоял на ногах.

Это ребячество продолжалось всего несколько минут: братья били друг друга кулаками; толкались; катались по полу, вцепившись друг другу в горло, и даже не пренебрегали оскорблениями. Они не заметили, как сломали почти всю мебель в комнате, поразбивали множество ваз и растоптали не один цветок. Но их запал всё же угас, совсем скоро парни устали. Или вернее – выветрился весь их гнев, скопившийся за пару лет недомолвок и мелких обид.

Теперь же они в мятой одежде и синяках просто сидели на полу напротив друг друга, и тяжело дыша, смотрели друг другу в глаза, которые у обоих были почти идентичными: они были практически такими же, как у их отца.

Корона валялась в обломках комода рядом с волшебником, она, в отличие от людей, отделалась всего лишь парой практически незаметных царапин. Взяв её, Альберион повертел предмет пару секунд, стряхнул с неё пыль. А затем

протянул младшему брату.

– Вот, ты обронил. – Он немного подался вперёд, вытягивая руку.

– А я как-то и не обратил внимания, что она свалилась. – Король не торопясь принял вещь и тоже повертел её в руках.

– Она тут под комод закатилась. – Он кивнул в сторону обломков.

Глядя на себя, и на весь бардак, что они устроили, Джермейн расхохотался. Началось всё с улыбки, перешедшей в смех, превратившейся затем в хохот. Альбертион тоже поддержал порыв короля: принявшись смеяться сначала тихо, а затем всё громче и громче, пока их голоса не заполонили половину дворца.

Радость от упавшего с плеч груза, накопленного за годы, приободряла. Сразу становилось так легко и свободно, даже дышалось легче. Но тут падший принц прервал свой смех. Резко, словно перерубил натянутый трос, растягиваемый в разные стороны упряжками лошадей. И наконец-то задал тот вопрос, который так давно не давал ему покоя.

– Отца ты отравил? – Его голос был твёрдым словно камень.

– Да. – Ели как выдавил из себя Джермейн. И опустил взгляд вниз.

Тишина на несколько секунд поселилась в помещении. Всё затихло будто в вакууме, пространство вокруг уменьшилось, а воздух в комнате стал стальным. Давящая атмосфера

воцарилась вновь. Нервы Джермейна снова не выдержали; он начал кричать едва, не переходя в истерику.

– Да да да да, это я его убил! А что мне ещё было делать?! Его жажда власти погубила бы нас всех! Народ из-за его постоянных войн прозябает в нищете, ещё немного и они поднимут бунт! Его нужно было остановить! Нужно!!! Я понимал, что у меня не выйдет победить его на поле боя и решил поступить иначе! Ты ведь и сам шёл против него, только у тебя ничего не получилось. А я сделал то, что ты не смог. – Он сложил руки на коленях крест-накрест и уткнулся в них лбом.

– Я хотел отстранить отца от власти, но убивать его в мои планы никогда не входило. – Тихо проговорил маг, подходя к двери, он больше не хотел находиться в одном помещении с братом.

Альбериону сильно хотелось напиться, чего ему категорически делать было нельзя – на сегодняшнюю ночь у него довольно серьёзные планы, требовавшие трезвого ума и чистого рассудка. Тем не менее, совсем без алкоголя он обойтись не мог: организм требовал заглушить боль, оставленную только что завершённым разговором. И его любимое вино не могло ему помочь – тут требовались напитки покрепче. Поэтому падший принц шёл туда, где их разливают.

Везде таверны были построены полностью из дерева: лучшего строительного материала для домов, особенно если вы

живёте в холодном климате, но в сердце страны иные требования к зодчеству. И нога некроманта ступила не на скрипучие доски, а на большие гладкие плиты, вытесанные из каменной горных пород. Светло-коричневые ромбы, выложенные плотными рядами, образовывали едва ли не идеально-ровную поверхность. На полу уверенно стояли круглые одноногие столы и стулья, глянецовый лак на которых блистал в лучах света. Обычно в питейных заведениях очень темно, но и здесь у столицы были свои требования – все дома и строения Виргана должны изобиловать окнами, поэтому свет не присутствовал тут скромным гостем, а расположился всю ширь стен.

– Альберин, давай к нам! – Поднял руку один из обывателей; бурно, радостно размахивая, он приветствовал вошедшего.

Это был Ларлив, за те полтора года с момента их знакомства они не редко оказывались вместе: как в бою, так и на привалах; много общались даже во время маршей. И не смотря на существенную разницу в возрасте, (двенадцать лет) они считали себя друзьями. Чародей обрадовался, увидев его: ему сейчас как никогда нужна была приятельская компания.

Наследник рода Прасдам сидел не в одиночестве, свиту ему составляли ещё двое. Судя по всему, это были члены младших веток семьи. Но свободное место за столиком всё же имелось.

– Сегодня ты пьёшь за мой счёт. – Известил Ларлив, едва его друг уселся за стол. – Знаю, что ты любишь вино, сделанное моей семьёй, давай я закажу тебе бутылочку, ну для начала. А там может, чего и покрепче подзовём.

Его род действительно производил лучшее вино на материке, и лишённый наследства этот напиток очень любил. Даже когда король Кэривульф лишил дом Прасдам обширных территорий на юге, выдав им жалкий клочок земли на севере, (что было наказанием за поддержку восстания Альберихона и за отказ раскаяться в преступлении после падения мятежного принца) они продолжили делать его.

Теперь вместо того чтобы выращивать виноград самим им приходилось его закупать, что накладывало дополнительную стоимость на товар, но качество от этого не упало, и богатеи продолжали покупать их вино в тех же количествах.

– Сегодня я хочу выпить чего-нибудь покрепче. – Мрачный словно покойник герцог сложил руки перед собой треугольником.

– Всё настолько плохо? – Он посмотрел на одного из сидящих рядом родичей, и тот тут же, молча отправился к стойке владельца таверны, парень хоть и был из дворян, но в семейной касте находился ниже, а потому обязан был подчиняться. Выпивку здесь конечно разносили, (этим занимались довольно милые девушки) но их было немного, поэтому зачастую было куда быстрее взять алкоголь самому, чем дожидаться, когда его тебе принесут.

– Тяжёлый выдался день, да и в целом последнее время всё очень непросто. – Чародей спокойно ждал, пока ему принесут выпивку, остальные за столом тоже не пили из вежливости.

– Отец всё ещё ждёт вас к нам в гости. Я начинаю думать, что он планирует познакомить вас с моими сёстрами. – Ларлив широко улыбнулся, давая понять, что та часть фразы, касающаяся сестёр, была не более чем шуткой.

– Поверь мне, я очень хочу побывать в гостях у друзей, но сейчас уж слишком много неотложных дел. Война как-никак. – Посыльный принёс большую бутылку рома: довольно крепкий напиток, бьющий сильно не только по печени, но и по мозгам. Идеальное пойло для нынешнего состояния Альберiona, однако, как бы сильно тому не хотелось напиться, но запланированные ночные дела требовали от него прямой походки и твёрдой руки.

– Ага, война, будь она не ладна. Мы тут как раз заливаем горе от недавнего разгромного поражения под Бентером, хорошо хотя бы Эргис пока у нас. Говорят, армия Ошиды встала лагерем где-то недалеко от города и тихо ждёт результатов переговоров. Вы ведь в курсе же, что за пару недель до вас в столицу прибыли парламентарии, предлагают новые условия мира. Интересно, зачем им это, они ведь склонили чашу весов на свою сторону, почему бы не попытаться добить нас? – Разлив содержимое бутылки по тарам все четверо сделали несколько глубоких глотков, пустив дурманящую

скверну внутрь.

– Полагаю, они готовят нечто коварное и ужасное. Им просто нужно время для осуществления столь грандиозного плана, так что мирные переговоры это всего лишь отвод глаз. Если бы ты не сказал, то я бы не знал что прибыли послы. – Не томя себя ненужными паузами, они снова накатили по стаканчику.

– Моя семья старается следить за всем, что происходит в стране, мало ли что случится, а мы уже готовы. – Опьянение толкало его на бахвальство.

– Этим граф Метрис всегда славился, в буйные времена моего восстания его осведомлённость была мне крайне полезной. Однако переиграть отца не смогли даже мы оба. – Свита Ларлива молча подливала алкоголь, не выдерживая пауз.

– Отец много мне рассказывал о вас и о тех битвах, тогда я был ещё слишком мал, чтобы сражаться. – Они опять осушили кубки залпом.

– Зато теперь ты замечательный воин. Может, расскажешь мне, как проходил штурм Бентера, что там всё же произошло? – Он ненадолго отвлёкся от выпивки, и посмотрел в глаза другу, дабы разглядеть есть ли там страх от пережитого или нет. Ларлив оказался спокоен и вовсе не из-за алкоголя.

– Штурма по факту и не было. Они выставили войска в поле, перед городом. Казалось бы, очень странное решение, зачем им так делать?!

– Действительно, почему бы не сосредоточить все силы в городе. Уменьшили бы потери со своей стороны и увеличили бы с нашей. Наверное, они подготовили какую-нибудь западню?

Вечер уже заступил на свою смену, прогоняя горожан с улиц сырым ветром и оседающим на кожу холодом. Оттого людей в таверне прибавилось: заведение превратилось в улей, но не жужжащих пчёл, а горланящих пьянчуг. Разговаривать стало труднее как и пробираться между столиками; невзирая на это уходить пока никто не собирался.

– Именно так всё и произошло. Вот только никому из генералов и в голову не пришла мысль о том, что это может быть хитростью врага. И мы ринулись в бой, прямо там, в поле. Быстро начали побеждать, Ошидцы стали отступать к городу, а мы преследовать их. И когда мы были почти у самого города, на холмах, словно из-под земли, появились стрелки и выдали залп. Армия, за которой мы гнались, развернулась и контратаковала, а в наш тыл зашла кавалерия, взявшаяся вообще из ниоткуда. Наши силы были слишком растянуты, чтобы перегруппироваться.

– Такую же тактику применили и против нас в Реноте. Заманили вглубь своих рядов, чтобы растянуть наши силы, а затем ударили в тыл. Кажется теперь это их излюбленная стратегия. – Альбертион чуть откинулся назад, словно у стула была спинка, и положил ногу на ногу пытаясь представить картину, описанную другом.

– Может вообще единственная? – Он сделал ещё глоток, сам же волшебник решил, что с него достаточно алкоголя.

– Нет Ларлив. Можешь мне поверить, Осберт очень умён и хитёр. Я уверен, он приготовил для нас такое, о чём мы даже не догадываемся. Но да это сейчас и не важно, лучше расскажи, как ты выбрался из той мясорубки?

– Щитом и мечом. Пришлось прокладывать себе дорогу щитом и мечом. А как ты остался единственным выжившим в той битве?

– Почти так же, вот только, магией и мечом. Пришлось выложиться по полной, чтобы одолеть их всех.

– Магия. – Наследник дома Прасдам хмыкнул. – Видел я, что маги вытворяют в бою. Удивительная вещь эта ваша магия. Ей можно любого обучить?

– Нет. Для этого нужно родиться с магической силой внутри, чародейской энергией или, как некоторые её называют для краткости, маной.

– Так может, я этой силой владею? Как мне узнать-то?

– Поверь мне дружище, если бы ты ей владел, то я бы это уже почувствовал. А теперь прошу меня извинить, снаружи уже темнеет, поэтому мне нужно идти. До скорой встречи друг.

– До встречи дружище! – Ларлив и сидевшие с ним слуги благородных кровей, подняли кружки вверх, торжественно прощаясь.

Трактир был уже до краёв забит пьяными мужчинами и

женщинами. Мест за столиками не хватало; людям приходилось ютиться на подоконниках – неспроста они здесь были такими широкими.

На улице у входа уже валялось несколько перепивших: потерявших сознание ещё до того, как они успели прийти домой. И даже незаметно начавшийся мелкий дождь, покорно повиновавшийся холодному ветру, не мог разбудить этих пьянчуг. Таких «мертвецов» и некромантией не поднимешь, не то, что сыростью.

Вымокший практически до всех ниток Альберцион (мелкие осадки, как правило, пропитывали одежду быстрее крупных ливней) в потёмках шнырял под мостом. Тем самым, где год назад оставил деревянную маску, залечивая свою рану. Тогда маг не предполагал, что она ему ещё понадобится, поэтому особо не запомнил, куда именно та упала, оттого ему пришлось изрядно поковыряться в речном иле и выкопать несколько камней и костей, прежде чем найти требуемое. Небрежно омыв её в реке, он надел маску: в этот раз для того чтобы скрыть свою личность а не чужую. Конечно, на глаза страже он попадаться не собирался, но мало ли что.

Теперь, слившись с тенями, падший принц пробирался по улицам к самому центру города. Внезапно усилившийся дождь стал ему союзником – можно было тушить факелы магией воды не вызывая при этом никаких подозрений, ну и тучи закрывали лунный свет, делая ночь более тёмной.

Из-за осторожности, продвигаться приходилось медленно: только спустя час каменные улочки столицы сменились садом. Кусты роз и пионов соединялись в прекрасные и причудливые стеночки и лабиринты: служащие здесь единственным укрытием для пытающегося проникнуть внутрь дома, убийцы. Летом это место наверняка выглядело красиво, хотя и сейчас, несмотря на набирающую силу осень, листья всё ещё не опали: ни с фруктовых деревьев; ни с кустов роз; даже трава казалось по-летнему свежей.

Стражники, охраняющие трёхэтажную усадьбу, практически без перерыва патрулировали двор, не оставляя возможности проскочить незамеченным. Но всё-таки опытный воин всегда найдёт путь. Ползая на брюхе между кустов и деревьев, чародею удалось не только ещё сильнее вымокнуть (что казалось невозможно), но и подобраться к дому. Осталось самое сложное – забраться по скользкой из-за ливня стене не привлекая внимания.

Пара охранников, словно на параде, вышагивала вдоль здания: сначала они шли навстречу друг другу; ровно посередине базальтовой дорожки, отделяющей сад от дома, они разворачивались и шли один к западному, другой к восточному углу здания, находясь спиной к своему товарищу. Это именно тот момент, когда можно было проскочить между ними, если действовать быстро и осторожно – маг наверняка свалился бы при любом поспешном действии.

Риск никогда не пугал Альберiona пусть даже и безрас-

судный. Осторожно и терпеливо он всё-таки добрался до окон третьего этажа. Всё тем же проверенным способом, при помощи острого ножа, отворил ставни и тихо проскользил внутрь.

Комната, в которой он оказался, к счастью была нежилой. Судя по количеству шкафов и книг, это была библиотека. Плотнo закрыв за собой окно, колдун тихим шагом подался к двери; слегка приоткрыв её, заглянул в коридор. Там было пусто.

Лязг лат мешал спать хозяевам, именно поэтому вся домашняя стража ночью отправлялась на первый этаж досаждать прислуге. Спальни, как правило, многие люди располагали в конце коридора. Вот только коридоры заканчивались, как и начинались – с двух сторон.

Решив, что опочивальня с большей вероятностью будет располагаться ближе к библиотеке, чем к любому другому помещению. Альберион, переступив порог, свернул на право, ибо тот конец коридора был ближе.

В этот раз его решение оказалось верным – владельцы усадьбы спали здесь. Ему, правда, пришлось заглянуть в пару других комнат по пути, прежде чем найти нужную, но главное что направление с самого начала было выбрано верное, это сэкономило много времени. Рысью, прокравшись к кровати, чародей, даже в этой темноте, увидел лица супругов – он боялся, что это вызовет некоторые проблемы.

Закрыв мужчине рот рукой, Альберион начал тихонько

его будить, похлопывая ладонью по плечу. Старик проснулся, пусть и не сразу. Зрачки мужчины испуганно расширились, при виде красной маски. Но шуметь и сопротивляться тот не стал.

Главнокомандующий Манред Асталион как опытный и умный человек отлично понимал, для чего сюда явился мужчина в маске. И если лежать тихо, то погибнет только он один, а если поднять шум и разбудить жену, то убьют ещё и её, дабы не оставлять свидетелей (совершенно ненужных в столь аккуратном деле).

За долгую и полную битв жизнь, генерал столько раз был близок к смерти, что решил, будто её не боится. Но вот когда гибель стала угрожать его близким он испугался; как бы это комично не звучало, испугался до смерти. Старик готов был пойти на всё, даже на собственную гибель, лишь бы сохранить их жизни. В этот момент он жалел только о том, что не был одним из тех параноиков, которые спят с ножом под подушкой.

Убийца в маске наклонился к уху жертвы и прошептал:
– Больше ты никогда не придашь мою семью.

Затем, он вытащил из-за пояса кинжал с узким тонким лезвием и прытким метким движением воткнул его в ухо Асталиону. Смерть оказалась такой быстрой, что тот даже не ахнул, даже не издал натужного вздоха. Его склеры полностью покраснели, а из носа тонкой струйкой выступила кровь, а вот из уха она лилась обильно, заливая и пропиты-

вая подушку; мерными каплями стекая на ковёр.

(Ещё одним предателем стало меньше. Возможно теперь, мне доверят командовать армией. На посту главнокомандующего я быстро положу конец войне. И моё дело будет завершено.)

Двумя движениями падший принц вытер клинок об одеяло и удалился тем же путём что и пришёл. Женщина продолжала спать, ничего не подозревая. Утром ту ждало невыносимое зрелище, которое напрочь уничтожит её рассудок. Заставит на месяцы лишиться сна и бояться закрывать глаза; видеть в темноте зловещие силуэты и до сжимающей боли в груди не выносить тишины.

Альберион, несмотря на то, что спать он лёг в поздний час, проснулся рано. Но не по своей воле – его вынудили встать одновременно с солнцем: прислуга бегала и суетилась в коридорах, издавая такой грохот, что оставаться в царстве грёз не помогала даже смертельная усталость.

Не зря говорят, что к хорошему быстро привыкаешь: сидя в темнице на самом севере, бывший узник ежедневно переносил лютый пожирающий кожу холод, и даже не думал жаловаться. Теперь же, на юге, ему вдруг стало прохладно, и маг потратил некоторое время на то, чтобы достать из гардероба более тёплые вещи, прежде чем выйти из комнаты и узнать в чём же там дело – а он наивный полагал, будто мороз ему больше нипочём.

Борясь с сонливостью, головной болью и похмельем волшебник выбрался в холл, где наткнулся на немолодую, рыжеволосую служанку, торопливо шагающую со стопкой сложенных скатертей или простыней на трясущихся руках.

– А чего это все носятся как ужаленные? – Его тон сразу напоминал ей кто тут представитель высшего сословия. Служанка робко молчала, пытаясь отыскать в себе все осколки имевшейся храбрости и выковать их воедино.

– Ну чего молчишь? Язык проглотила? Что за испуганный взгляд? Умер что ли кто? – Его лицо сейчас было абсолютно непринуждённым. Как ему часто говорили учителя: «политики – лучшие актёры». Они долгие годы разъясняли ребёнку не только тонкости политической игры или большой игры, как её чаще называли, но и то, как нужно убедительно врать людям прямо в лицо.

– Д-да. – Еле выдавила из себя простолюдинка. Она была сильно напугана, словно её ждала казнь за любое неверное слово.

– Какая трагедия. И кто же этот несчастный?! – Альберт он как мог, изображал ужас, горечь и удивление.

– В-ваш брат, господин. – Служанка закрыла глаза и вжала голову в плечи, как черепаха пытающаяся скрыться от неприятностей в своём панцире.

– Ч-что? – Фальшивые чувства, которые он так старательно играл в мгновение стали его настоящими. Воин схватил прислугу за плечи так сильно, что той стало больно, но она

побоялась закричать. А вот он бояться не стал, и принялся кричать на неё и трясти. – ЧТО ТЫ СКАЗАЛА?!?! ЧТО ТЫ ТАКОЕ НЕСЁШЬ ЖЕНЩИНА?!?!

– Его величество только что нашли мёртвым прямо в постели. – По-прежнему не открывая глаз, протараторила она, визжа от боли и страха. Слезы потекли по щекам, а ткани выпали из рук.

Бросив прислугу разбираться со шмотьём, чародей помчался в королевские покои: туда, где когда-то жили родители, а затем поселился брат со своей женой. По пути ему всё больше попадалось людей – все со скорбными лицами.

(Он не мог погибнуть. Это не может быть правдой.)

Но это казалось правдой.

Королева рыдала в углу сидя на широком кресле окружённая придворными, пытающимися помочь ей сохранить «лицо» – какая бы трагедия не произошла, а всё же негоже, чтобы первая дама страны сокрушалась и причитала на глазах у подданных. Монарх же лежал на кровати в нижнем белье, белый как простыни.

Увидев его Альберион оробел, попытался сделать шаг вперёд, но не смог. И отец и мать умерли во время его отсутствия, и как бы не были горьки те потери, всё же видеть их тела ему не довелось. Впервые в жизни он был рад заточению в темнице, ибо не знал, как иначе пережил бы их гибель. Герцог и сейчас не представлял, что делать, как жить дальше? Младшего брата, человека которого он любил боль-

ше всего на свете, не стало.

Кто-то поднёс ему стул, и колдун грохнулся в него. Его лицо побледнело, губы, и кожа вокруг глаз почернели. Теперь он и сам походил на покойника не меньше Джермейна. Тёплая одежда перестала согревать, озноб пробил такой силы, что руки задрожали, а спина словно покрылась инеем.

(Как же так? Я ведь извёл всех предателей во дворце? Ну, кроме тех, что прибыли сюда за пару недель до меня.)

Очевидно, что Джермейна отравили, и людей, которым это было выгодно, оставалось немного. И тут вдруг в голове всплыли слова Осберта Рингера: «Я знаю, как их победить».

(Так вот как ты решил действовать, не только на полях боя, но и внутри страны. Решил внести разлад в наше руководство, и пока мы тут растеряны ударить снаружи. Такого коварства я не предполагал.)

Придворный лекарь, закончив осмотр, кивнул своим ученикам и те, положив тело на носилки, отправились в подвал готовить почившего к похоронам. Глава королевской стражи, выразив соболезнования королеве и Альбериону, пошёл с целителями, дабы проследить, что всё пройдёт как должно.

Падший принц так и остался сидеть будто статуя, не в состоянии вымолвить хотя бы слово. В голове сейчас было так много туманных и мрачных мыслей, что у него не нашлось сил выразить соболезнования вдове. Маг просто просидел там час или два, а потом ушёл прочь, погружённый в мрачный омут раздумий.

Столица окрасилась в траур быстро. В течение часа из города во все стороны вылетели сотни голубей с вестью о скоропостижно скончавшемся короле. Простой люд угрюмо ходил в одеждах чёрных как смоль, выказывая свою горечь от утраты; возлагал цветы на площадь расположенную перед входом во дворец. Именно там Джермейн и встретил законного в кандалы старшего брата.

Уже на следующий день королева и принц лично приняли каждого дворянина желающего высказать им скорбь и сочувствие; они любезно (пусть и притворно) предлагали всевозможную помощь вдове. Та, как и требовал этикет, благодарила, но от помощи отказывалась.

Траур, как и подобает в таких тяжёлых случаях, был объявлен по всей стране, на целую неделю. Вот только погребение было решено устроить на следующий же день, а не в конце траура.

Процессия, как и ожидалось, была колоссальной. Пришёл весь город, люди толпились и утеснялись, как могли, всем хотелось проститься со своим любимым монархом. На фоне этого, убийство генерала Асталиона прошло незамеченным. Стража слишком сильно была занята поиском отравителя короля.

Перед гробом была построена трибуна, за которой выступали различные известные люди, рассказывающие трогательные истории из жизни связанные с усопшим, сквозь слёзы проговаривая, как им будет его не хватать и как им всем

повезло знать столь выдающегося человека.

Первой, конечно же, выступила многострадальная вдова, затем сын, а потом и другие благородные люди, знакомые с правителем ну хоть сколь-нибудь близко. Единственный кому не дали слово, это Альберцион и не нужно много ума чтобы понять: ничего хорошего от этого ждать не стоит. Закончилось панихида только к вечеру, когда все кому было дозволено, высказались.

Охрана взяла усопшего и понесла в фамильный склеп. В который согласно традициям могли зайти только члены семьи и несущие гроб. Лишённый фамилии чародей тоже отправился туда; на своё счастье никто не попытался остановить его, иначе смертей бы в этот день прибавилось. Он даже взял на себя смелость закрыть крышку саркофага, после того как Джермейна туда положили, а спустя некоторое время потребовать чтобы все ушли, оставив его наедине с предками. Возражающих и тут не нашлось.

Он смотрел на статуи родителей и рыдал, с трудом выговаривая слова.

– Простите меня. Я снова потерпел неудачу, опять проиграл. Не уберёг того, кого мы все любили больше всего на свете. Нет больше братишки, некому теперь прикрыть меня. Нет больше нашей семьи, я остался один.

(И судя по всему вскоре и меня тут похоронят.)

Эту фразу Альберцион говорить вслух не стал – не зачем это. А вот удержать слёзы внутри не смог. Они быстрыми

струйками лились из глаз, текли по щекам и падали на саркофаг отца.

(Я им так просто не сдамся. Ещё одно поражение недопустимо. Я положу конец войне, а затем наведу порядок в стране. Даже если не стану королём, я найду способ довести наше с братом дело до конца.)

Утерев лицо, теперь уже единственный сын Кэривульфа отправился к выходу, где его поджидала стража одетая в боевые латы.

– Милорд, король желает вас видеть. – Безэмоционально отчеканил стражник, стоя смирно. Лишь лёгкое дрожание алебарды выдавало в нём волнение.

– Король?! – Смятение обуяло голову ещё сильнее. Рассудок словно увяз в тумане или крепчайшем хмеле.

– Король Киллиан, милорд. – Воин то ли слегка поклонился, то ли кивнул.

– Уже король! – Раздосадованная улыбка промелькнула на лице волшебника. Он коротко кивнул, и они отправились во дворец.

Согласно законам, нового короля можно короновать только через месяц после смерти предыдущего. Хотя учитывая военное положение, такая скорая коронация могла являться вынужденным и вполне разумным решением. Это нехорошо когда страна, вовлечённая в затяжную войну, остаётся без правителя, даже на короткое время. Однако падший принц всё равно видел в этом дурной знак – ещё один.

Последнее плохое предзнаменование он ощутил, войдя в тронный зал. Когда увидел что вся столичная знать, прямо с похорон, перешла сюда. И все они молча смотрели на него, некоторые ещё и самодовольно ухмылялись.

– Вызывал? – Альберион звучал дерзко и даже презрительно. Вид сидевшего на троне Киллиана раздражал его. Чародей вёл себя сейчас очень по-хамски: не поклонился, не обратился к монарху согласно титулу. Своим поведением маг явно давал понять, что он зол и не относиться к племяннику не как к королю, ни как к принцу. Он ведь только что похоронил брата, а его под конвоем приводят сюда на убогое судилище – нелепый фарс, где его будут обвинять во всех бедах мира.

Ярость разрушающей гордой бурей выла в нём, клопоча едва сдерживаемыми порывами. Некроманту хотелось стереть и этот город, как он уже разрушил Ренот. Но разум в этот раз всё же брал контроль над чувствами – по крайней мере, пока. Нельзя больше позволять себе подобного бесчеловечного деяния, тогда столько беззащитных людей погибло из-за его неконтролируемого гнева. И ему до конца жизни придётся жить с этим поступком, не стоило добавлять новых камней к и без того утопающей совести.

– Я вызвал вас дядя, потому что мне сказали, что отца отравили. – Юноша поёжился, ему явно было некомфортно. Но это временно к трону и короне быстро привыкаешь. Быстрее чем к богатству и славе.

– Я это тоже знаю, как и все здесь присутствующие. – Хладнокровно произнёс герцог, хотя конечно это равнодушные ему давалось нелегко.

– Вот только среди всех здесь присутствующих, вы единственный у кого был мотив. Мне доложили, что вы разговаривали с отцом незадолго до его убийства, наедине в небольшой комнате, из которой вы оба вышли оттуда побитые. А когда прислуга зашла туда, то увидела кучу раскуроченной мебели. У вас дядя явно был конфликт и это всего за несколько часов до отравления отца.

– Это ещё не доказывает, что именно я его убил. – Продолжал своё хамское поведение Альбертион, стараясь не выказывать боль.

– Вот именно поэтому я до сих пор не лишил вас головы. – Король продолжал выдерживать высокомерный тон.

– Как это всё-таки благородно с вашей стороны.

– Люди на расследование уже назначены. И пока оно не закончится, вы будете находиться под арестом. – Киллиан весьма смешно пытался предать своему ещё не заматеревшему восемнадцатилетнему голосу суровый мужской тембр.

– Как прикажите ваше величество. – Выказал полное безразличие маг.

– И ещё кое-что. – Парень кашлянул в кулак, слегка беря паузу для большего эффекта. – Властью данной мне я лишаю вас всех ваших титулов и званий.

(Что опять?)

Раздражённо с дикими нотками параноидального юмора пронеслось в голове Альбериона. Ему захотелось смеяться от абсурда происходящего.

– Солдаты быстро уведите подозреваемого в его покои, и приставьте к нему круглосуточную охрану, он не должен их покидать ни при каких обстоятельствах.

Молча повинувшись, человек уже дважды заклеймённый как предатель, побрёл в окружении стражи к своему новому месту заключения.

Спустя три дня новоявленный король почтил Альбериона визитом, но не с целью казнить, липовое расследование пока ещё продолжалось, а для того чтобы поделиться самыми свежими новостями.

– Здравствуйте дядя. – Важно вошёл Киллиан в комнату. Оба стражника зашли следом, они боялись оставлять своего монарха наедине с преступником. Глупцы, как будто их двоих достаточно, чтобы сдержать столь опасного узника.

– Приветствую вас ваше величество. – Он вежливо поклонился. Тон был мягок и дружелюбен. Всё же, спустя время, маг обрадовался коронации племянника.

А ещё, этот восемнадцатилетний юноша довольно смешно смотрелся в этой короне, которая была изрядно ему велика. Она так и норовила сползти на глаза, а порой держалась и вовсе только на ушах.

– Я пришёл к вам с хорошими новостями. Только силь-

но не радуйтесь они не по поводу расследования, тут вы по-прежнему единственный подозреваемый.

Правитель принялся деловито расхаживать по помещению. Чародей вальяжно развалился в кресле и с интересом наблюдал за поведением Киллиана. Хотя племянник и стал совершеннолетним, всё равно в своём поведении он походил на ребёнка старательно изображающего взрослого.

– Умеете вы ваше величество новости преподносить. Вроде заявили, будто новость хорошая, однако при этом так к ней подвели, что я уже вряд ли чему-то обрадуюсь. – Он искренне улыбнулся, посчитав свою острогу изысканно смешной. Родич посчитал также, а потому тоже улыбнулся.

– Поверьте, это вас обрадует. То к чему вы с отцом так долго стремились вот-вот свершиться. Через пару дней я заключу мир с Ошидой, и война прекратится. Оставшиеся два королевства на материке будут жить в мире и процветании. То чего мой отец не мог добиться годами, мне удастся достичь за неделю.

– Это поистине колоссальное достижение ваше величество. Однако позвольте полюбопытствовать, как вам удалось этого добиться?

– А это не ваше дело дядя. Я тут не для того чтобы перед вами отчитываться. Просто хотел предупредить, дабы вы ни удивлялись, когда принесут праздничные блюда и вина. Мы отпразднуем это заключение мира грандиозным пиршеством. И поскольку вам нельзя покидать покои я распоря-

жусь, чтобы всё это вам принесли сюда. Вы ведь тоже внесли огромный вклад в наш мирный договор. Без ваших стараний мы бы так и топтались на месте. Отец постоянно так говорил, и в этом я с ним полностью согласен. – Юноша посмотрел в его глаза.

– Спасибо что цените мои усилия ваше величество. Я искренне рад, что вы лично соизволили сообщить мне столь важную новость. Уверен, что под вашим мудрым руководством наш народ будет жить не только в мире и спокойствие, но и скоро начнёт обрести благополучием, лишённый бремени непосильных налогов и варварских наказаний за нарушения законов, введённых моим отцом. – Колдун встал и поклонился, выражая максимальную признательность. Хотя, конечно же, прекрасно понимал, что ему уже назначена дата смерти. И монарх сейчас просто пытается сбить бдительность опытного воина.

Он уже запер его здесь, под ложным предлогом, вдалеке от союзников и всех тех, кто хоть как-то был готов помочь ему. Теперь пытается отбить у него мысли о побеге, заверив добрыми словами и ложными надеждами.

– Я рассчитываю, что когда расследование закончится, и ваша невиновность будет доказана, у нас начнётся продуктивное сотрудничество. Вы очень важны для нашего королевства дядя. – Правитель посмотрел на родича с добротой.

– Вы всегда можете рассчитывать на меня ваше величество. – Заверил его Альберцион, прикладывая правую ладонь

к сердцу.

Поняв, что тема закрыта, он молча вышел, стражники поспешили за ним.

(Глупый мальчишка, решил, будто меня можно так просто провести. Ну, вот о мире ты, похоже, не шутил. Ошиба и вправду предложила перемирие, но что же она требовала?)

Смотря в окно, и слегка щурясь от Солнца, он начал размышлять об условиях выдвинутых другим государством: совершенно очевидно, что одним из первых пунктов документа, а может и самым первым, было требование казни Альберiona либо здесь в Виргане, либо в их столице Зеверте.

(Нет. Второе маловероятно. Я слишком опасен, чтобы везти меня через обе страны. Пусть даже и в кандалах вероятность побега всё равно будет слишком велика. Если не я сам так кто-нибудь из моих сторонников, может отважиться мне помочь.)

Некромант сонно потянулся разнеженный приятной погодой, затем бухнулся в кровать – лёжа думается куда лучше.

(Значит, однозначно, меня убьют здесь. Вот только как это будет? Казнь или меня отравят как брата? Во всяком случае, еду, которую мне приносят, лучше не есть. Хорошо, что я успел сделать запас провизии перед тем, как меня заперли тут.)

Шум за окнами мешал сосредоточиться. Слуги уже начали приготовления к пиршеству, вытаскивая: столы, стулья,

скатерти, цветы, ленты и прочие атрибуты необходимые для подчёркивания особенности этого мероприятия.

(И так, я конечно очень опасен, но всё же не настолько, чтобы моя смерть была единственным условием мира. Уверен Ошида потребовала что-то ещё, вот только что? На какую ещё глупую вещь они толкнули Киллиана?)

Шум всегда очень мешал Альберionу думать, зато всегда помогал заснуть. И так и не закончив размышления чем-то продуктивным, он уснул, совершенно не заметив как подобное с ним произошло.

Следующим днём, теперь уже не брата короля, а дядю короля, опять ожидал визитёр. На этот раз фигура была статусом поменьше. Постучавшись и выждав паузу, в покои вошёл Арнульф, выглядел он мрачнее собаки на цепи; его правая ладонь сжимала коричневый мешок.

– Здравствуйте господин Альберion. Позвольте мне ещё раз выразить свои соболезнования. – Угрюмый старик учтиво поклонился.

– Я вас тоже категорически приветствую мой друг. И сердечно благодарю за сопереживание моей утрате, в прошлый раз я не удосужился выразить вам свою благодарность. Но позвольте спросить, чем я обязан визиту главы королевской стражи? – Бейтред не был последним кого маг ожидал увидеть, но и в числе первых того тоже не было. Так что визит получился для узника удивительным.

– Я больше не начальник королевской стражи. Ваш племянник вчера меня отстранил. – Злость тихо поедала Арнульфа, это легко читалось по его мимике.

– Так вы здесь не для того чтобы сопроводить меня на казнь?

– Не думаю, что вас казнят. За последнюю пару лет вы проявили себя очень доблестно, поэтому велик риск вмешательства магов в вашу казнь. Вашего отца совет волшебников боялся, но вот против Киллиана они пойдут легко, если будет такая возможность. Так что я полагаю, вас отравят, как и вашего брата. В связи с этим я принёс вам запас еды. – Он протянул ему мешок. Колдун с благодарностью принял его, лишним запас провизии точно не будет.

– Рад, что у меня есть такие друзья как вы! – Ему было жаль старика, и он хотел его хоть как-то подбодрить. Хотя бы такой незначительной фразой.

– Я пришёл не для того чтобы накормить вас. Я решил помочь вам бежать. Вы же не собираетесь оставаться тут вечно, правда? – В глазах Бейтреда загорелся юношеский огонёк, который не сиял в них уже очень давно.

– Вы абсолютно правы, действительно не собираюсь. Но и бежать сейчас не могу. Наш король в данный момент ведёт переговоры о мире с Ошидой, одним из главных требований которой является моя смерть. И если я сбегу сегодня, эти переговоры сорвутся. Война будет продолжена, а у Киллиана останется иллюзия, будто лишив меня головы, он установит

порядок на материке. Мальчик очень наивен и не понимает скрытого смысла их требований, а переубедить его словами ни у меня, ни у кого-то ещё не выйдет.

– Это-то понятно, но что такого кардинального изменится, если вы сбежите после окончания переговоров?

– А то, что Ошида будет какое-то время ждать моей поимки. Народ получит небольшую передышку. Но поскольку они меня никогда не поймают, то Далион объявит нам войну, когда его терпение закончится. Возможно, тогда наш монарх поймёт, что смерть самого талантливого полководца нашей страны, не выгодна. И тогда я снова смогу вернуться домой, предложив короне свою помощь. Вы ведь, в отличие от моего племянника, понимаете, что Ошидцы не хотят мира. У них есть шанс стать единственным королевством материка, они его не упустят.

– Разумеется, ваш брат не раз предлагал им закончить войну, на не плохих условиях. Если бы они хотели наша вражда уже давно бы завершилась. – Бывший начальник королевской стражи задумчиво потёр небритый подбородок.

– Именно, они что-то замышляют. Но вот что? – Некромант снова принялся ходить по комнате, заливая ум размышлениями.

(Я знаю, как их победить.)

Слова Рингера опять всплыли в голове Альберiona.

– Мне кажется, ваш план мало выполним. Вряд ли его величество Киллиан поймёт, что его с самого начала водили за

нос. – Бейтред прозвучал несколько смущённо, всё же ругать своих королей он не привык.

– Возможно план и авантюрный, но других идей у меня нет. Я не вижу иного выхода. – Некромант в раздумьях грохнулся на кресло, сложил руки за голову, и устало прикрыл глаза, пытаясь найти ускользающие детали.

– Зато я вижу. – Арнульф подался вперёд. – Бегите из столицы, подальше, на север, там собирайте армию из своих сторонников! Как вы уже делали раньше. А затем возвращайтесь сюда и отвоюйте трон себе! В этот раз вас поддержит куда больше людей. За эти годы многие убедились в том, что лучше вас нам короля не найти, да и Киллиана не бояться в отличие от вашего отца. Большинство будет на вашей стороне. В этом можете не сомневаться.

– Я не пойду против племянника! Не сейчас! Он, в отличие от моего отца, пока ни сделал ничего такого, за что его стоило бы отстранить от власти. – Альберион сурово посмотрел в глаза собеседника, давая понять, что и слышать не хочет о мятеже. С него хватило одного восстания, на другое он так просто не пойдёт.

– Он отравил вашего брата, которого вы так любили. Неужели для вас это не достаточное преступление?! – Его лицо в недоумении стало более морщинистым.

– Вы забываете, что я из королевской семьи, моё фамильное древо полно отцеубийц и братоубийц, мятежников и бунтовщиков. Мой пра пра прадедушка взошёл на трон толь-

ко после того, как поднял восстание против своего старшего брата и отца. Сразив их обоих на поле битвы, он остался единственным законным наследником. А у моего отца было три старших брата, которые внезапно умерли от различных неизлечимых болезней.

– Весь двор тогда думал что это не случайность. – Аккурратно перебил его, теперь уже отставной военный.

– Ну, разумеется, ведь это оказалось так, кстати, для моего отца. Достигшего необходимого возраста для самоличного управления страной. Ему оставалось только убедить бабушку сложить полномочия королевы-регента, формально дед был правителем, но он к тому моменту уже как несколько лет был не в здравом рассудке, гуся от собаки отличить не мог. – Узник весело улыбнулся от забавности собственной аллегории.

– Да, хреново быть вами. – Из-за досады голос Бейтреда стал тихим.

– И это я ведь вспомнил только последние два столетия. За три тысячи лет существования нашей великой династии, подобных историй наберётся много. – Волшебник развёл руки, а затем опустил столь резко, что они с глухими шлепками ударились о его колени.

– А вы я так понимаю большой знаток истории?

– А как же. Любой принц готовящейся стать монархом должен хорошо знать историю. Причём не только своего государства, но и всех остальных тоже. Хотя конечно история

моей династии для меня в приоритете. И если уж продолжать историю о братоубийцах, то самый любопытный период, это война близнецов.

– Ничего не слышал о ней! – Старик выказал явный интерес к этой истории и потому Альбертион продолжил.

– Это было почти две тысячи лет назад, на престол взошёл Фергонг, которого впоследствии прозвали кровавым принцем. Все его младшие братья, коих было четверо, не изъявили желания присягнуть ему на верность. Решив, что каждый из них достоин быть королём, и сможет править куда лучше, чем родич. Поэтому каждый набрал сторонников и пошёл войной на братьев. Восемь лет длилась та война, в ходе которой Фергонг казнил всех братьев и поддержавшую их знать. – Последние слова прозвучали с грустью.

– Что ж, он оправдывает своё прозвище. – Арнульф был удивлён тем, что не слышал эту историю раньше. Он обязательно прочтёт о ней подробнее.

– Забавно то, что все они родились в разные года, но были так сильно похожи друг на друга, будто появились на свет в один день из одной яйцеклетки. После этой войны, знать убедила Фергонга подписать закон, по которому запрещалось казнить особ благородных кровей. А в монархи готовить стали только старшего сына, всех остальных детей обучали делам далёким от управления страной, дабы у тех не было искушения поднимать восстания. И история войны близнецов не повторилась. Так что, как видите, нашу старую семью

дружной не назовёшь. – Он посмотрел в окно, где все ещё продолжались подготовки к пиршеству.

– Что ж, раз вас не переубедить, то я вас покину. Завтра мне отправляться в путь. Но знайте, где бы я ни был, вы всегда можете рассчитывать на мою помощь. – Раздосадованный Бейтред опустил голову.

– Куда вы отправляетесь? – Он резко развернулся от окна к собеседнику.

– В Герфан. – Старик не поднял взгляд.

– Путь не близкий. Мой вам совет: когда будете останавливаться на ночлег в гостиницах и постоялых домах, дверь подпирайте тумбочкой, а окно задвигайте шкафом и спите с ножом под подушкой. Помните, мы знаем о нашем короле много такого, чего тот точно не захочет афишировать. Думаю, в его планы входит убить не только меня, он наверняка затеял большую чистку. – На лице Альберiona действительно читалось обеспокоенность за судьбу этого человека. Пускай их знакомство вышло не из приятных, однако вместе они немало сделали. А потому могли считаться друзьями.

– Спасибо за совет и удачи, вам в вашем нелёгком плане. – Он поклонился и направился к выходу.

– И тебе тоже удачи.

Следующие пару дней он провёл в полном одиночестве, и посещали узника только мысли. За это время маг перебрал в голове все возможные требования Ошиды, на которые мог

согласиться Киллиан. Ну, по крайней мере, ему казалось что все. Жизнь ведь постоянно преподносит сюрпризы, даже в те моменты, когда тебе кажется, будто теперь ты готов уже ко всему, всё равно случается что-нибудь невообразимое. И наш разум не понимает, как такое вообще могло произойти, и главное КАК к такому вообще можно было подготовиться. А потому все его теории оставались теориями, и он абсолютно не мог выявить из них наиболее вероятную.

Но как бы то ни было, мир был заключён и его долгожданное празднование началось. Альбериону, как и обещал король, доставили все блюда и напитки, которыми угощались все жители столицы. Разумеется, чародей не стал их даже пробовать, продолжая подъедать свои запасы. Коих спокойно хватило бы ещё на пару дней, что было очень кстати, ведь именно на сегодня он запланировал свой побег, оставалось только дожидаться когда все, как следует напьются.

Но, к явному сожалению, пить люди в столице умели и любили, потому ждать некроманту пришлось куда дольше, чем он планировал. Возможно, маг бы так и просидел до самого рассвета, если бы в его планы не решил кое-кто вмешаться.

В три часа после полуночи за его дверь раздались звуки битвы. Достав меч из-под кровати воин не стал стоять напротив двери дабы не получить стрелу в лоб. Вместо этого он занял позицию сбоку, так чтобы дверь оказалась помехой ворвавшимся, когда те нападут на него.

Вот только вломившиеся в покои люди не собирались нападать, их цели были совершенно иные.

– Мой отец всё ещё ждёт вашего визита и считает, что сейчас самое лучшее время для поездки на север.

– Я тоже считаю, что пора уже сдержать данное обещание.

Альберийон радостно улыбаясь, протянул руку другу, Ларлив улыбаясь в ответ, пожал её, будучи счастлив видеть товарища живым. Разумеется, волшебник не ожидал его визита и был несколько озадачен.

– Не думал что ты ещё в столице?! – Падший принц хлопнул его по плечу.

– Я и мои люди привезли вино в Вирган, и мы же и должны были его охранять. Но мы с отцом решили взвалить на себя ещё одну миссию. Спасение от казни бывшего принца и как мы оба надеемся будущего короля. – Его лицо нарисовало гордую и самодовольную картину.

На улице их ждали готовые к долгому путешествию кони. Путь до них оказался лёгким и беспрепятственным. Стражи вокруг дворца и в городе оказалось мало, и это было очень подозрительно.

– Ну что отправляемся в путь или будут другие приказы? – Ларлив проворно вскочил в седло.

– Ты со своими людьми отправляйся в имение своего отца. Я пребуду туда позже. – Альберийон с благодарностью принял подведённого к нему коня.

– А куда ты собрался?

– Заскочу в академию магов, если я уж планирую прятаться, то заберу оттуда несколько припрятанных мною книг. А заодно поинтересуюсь, на чьей стороне они будут, если мы всё же решим поднять восстание. – Некромант залез на лошадь и направился в противоположную от городских ворот сторону.

– Неужели ты всё ещё не определился с бунтом? Альберти-он очнись, тебя хотят лишить жизни, а ты колеблешься?! И почему мы не можем отправиться с тобой к магам? – Недоумённо размахивал руками наследник дома Прасдам.

– Если вы пойдёте со мной, маги могут решить, что это нападение, а ещё если они откажутся встать на нашу сторону и атакуют, то уйти живым смогу только я. Стоять здесь и ждать меня вы тоже не сможете, скоро прибежит стража. Лучше уходите, я спокойно выберусь и в одиночку. До встречи в вашем поместье.

– Смотри, какая красавица!

– Никогда в жизни не видел настолько красивых баб!

– Какие у неё потрясающие сиськи! Давайте её сначала трахнем; потом убьём.

– Замечательная идея Гаронд, мы одобряем ход твоих мыслей.

В комнате жилого крыла академии магов было три королевских стражника в боевых доспехах, а не в парадных как обычно, вооружённых копьями и мечами. Перед ними сто-

яла полностью голая, высокая, стройная блондинка необычайной красоты с неестественно яркими голубыми глазами, которые как казалось, даже светились в темноте. На полу лежало три обнажённых мёртвых волшебника; их тела были заколоты – атака оказалась настолько внезапной, что они не успели даже подумать о заклинаниях.

Девушку от быстрой смерти спасла только её красота и нагота. Она пыталась вжаться в холодную каменную стену, трясась от страха, не думая ни о побеге, ни о защите. Даже слова о пощаде или испуганный крик не могли вырваться из её скованного ужасом горла.

В прочих помещениях было куда хуже. Отовсюду раздавался грохот и брань. Воины короля внезапно ворвались и напали на магов потерявших бдительность и возможность колдовать, от чрезмерного употребления алкоголя. Только в этой комнате королевские гвардейцы замешкались очарованные прелестями юной красотки – озабоченность стоила им жизни.

– Херовая идея, мне не нравится ход ваших мыслей. – Альберион говорил грозно и громко. Едва воины обернулись, как он тут же сжёг центрального из них. А крайних с обеих рук поразил молниями, пустив по одной на каждого.

– Идём скорее, нужно спасти остальных. – Беглец взял её за руку и вытащил в коридор, не дав той хотя бы простыней прикрыться, не то, что одеться.

Глава шестая. Учитель.

Жизнь, это дорога и счастливец тот, кто окончит свой путь, придя домой. Барды часто поют, будто их вотчина это небо и свежий ветер – звучит красиво и поэтично, но для Альберiona дом никогда не был чем-то абстрактным, это была вполне конкретная точка на карте: город, заложенный тысячами лет назад его предками, место от которого он всё сильнее удалялся с каждым часом.

Он больше никого не спас, потому компанию ему составляла только эта милая и прекрасная девушка, что крепко обняв его, спала, положив голову ему на спину. Лошадь без труда везла их обоих: молодая волшебница была столь стройной, что вместе с некромантом их вес составлял около ста пятидесяти килограмм притом, что минимум девяносто из них приходились на опытного мага, держащего вожжи.

– Думаю, мы достаточно далеко от столицы, чтобы ни бояться преследования. – Воин остановил коня посреди леса.

Неподалёку была гора, настолько невысокая, что едва виднелась над кронами деревьев. Беглец предполагал найти там хоть какой-нибудь выступ, и лечь спать под ним, используя природный козырёк для защиты от дождя. Но им повезло куда сильнее, в скале оказалась небольшая скрытая пещера хорошо подходящая для привала: слегка узкий вход, за которым сразу же открывалось маленькое круглое пространство,

достаточное для двух человек и костра, укрытое от ветров и дождя.

– Что ты делаешь?! – Он возмутился, словно увидел что-то непристойное.

– Раскладываю спальные мешки. – Чародейка устало потёрла глаза. Они оба не спали всю ночь, скача верхом пятнадцать часов. Им катастрофически нужен был отдых. Даже лошадь казалось, была рада привалу.

– Это-то я вижу. Но почему они лежат вплотную друг к другу?

– Я подумала, что будет холодно и лучше нам спать рядом. – Она принялась смущённо и растерянно перебирать пальцами рук.

– Я разведу костёр, так что холодно не будет. Положи свой мешок в метрах трёх от моего, а я схожу за хворостом.

Женщина проявила покорность. Она наклонилась, подбирая спальник, и глаза Альбериона невольно устали на её пятую точку.

Поначалу волшебник не обратил внимания на внешность спутницы, во время побоища в академии магов ему было не до того. Он заметил, что та голая только когда они вышли на улицу: удручённый тем, что больше никого не удалось спасти, бывший герцог решил наконец-то уделить пристальное внимание единственной выжившей. Увидев перед собой ничем не скрываемую красоту, он тут же бросился искать той одежду. К его большому сожалению он не знал, где в горо-

де находятся прилавки с модными платьями; маг знал лишь местонахождения кузнечных лавок.

Поскольку над городом всё ещё царила непроглядная ночная тьма, и времени у них оставалось немного, совсем скоро за ними должны были выслать погоню, падший принц решил не устраивать примерку и поиски текстильных ларьков. Он выломал дверь в ближайшем кузнечном магазине, и взял оттуда пару спальных мешков, а также стёганную кожаную броню. Женского варианта там, конечно же, не оказалась – была амуниция для подростков, пришлось довольствоваться ими.

Хотя «броня» применительно к этому – слишком громкое слово. Некромант не раз видел кожаные сыромятные доспехи, которые были прочнее и крепче стальных, вот только весили они побольше металлических лат. Эти же, с позволения сказать «доспехи» были очень лёгкими, но не могли защитить не то что от стрел, а даже от острого копья, поскольку предназначались исключительно для охотников. Основной их задачей было не промокать под дождём и не рваться от острых веток; так же защищать от когтей и клыков небольших хищников. А главное не стеснять своего владельца в движениях.

Вот только ей эта одежда оказалась немного мала, особенно в области талии, бёдер и груди. Она слишком сильно обтягивала её тело, придавая девушке довольно вульгарный вид. А уж когда волшебница нагнулась, штаны что и так соблаз-

нительно подчёркивали её попу, стали облегать её ещё сильнее.

Альберionу потребовалось сделать над собой немалое усилие, чтобы отвести глаза в сторону и развернуться к выходу. Он сделал глубокий вдох через нос, а затем медленно выдохнул через рот.

(О чём ты думаешь? Эта девушка младше тебя лет на пятнадцать, а может и больше. Что бы сказала мать, узнав о таком? Наверняка что-то вроде: «Твоё поведение недостойно принца».)

Она постоянно говорила подобное юному наследнику, когда тот вёл себя неподобающим образом. Утверждая, что король, пусть даже и будущий, обязан быть не только примером мужества и чести, но также образцом нравственности и морали для всего королевства.

Родители сразу же поделили сферы воспитания. Отец учил его военному ремеслу, тонкостям экономики и политики. Мать же взяла на себя обязанности взращивания в чаде высоких моральных идеалов, а также прививания культуры и нравственности. И они справились отлично, никогда при этом, не вмешиваясь, в воспитательный процесс друг друга. Не критикуя ни методы наказаний, ни методы поощрений, применяемые другим родителем. Кэривульф и Эмилия работали одной слаженной командой во всех вопросах, раскололся их прочный тандем, только когда началось восстание принца-чародея.

– Тебя как зовут? – Любезно прозвучал голос лежащего в мешке Альбериона. Рядом мягко потрескивал костёр, от которого тонким столбиком поднимался дым, мелодично извивавшийся на своём пути к вершине.

– Калида, мой лорд. – Тон волшебницы был дрожащим и робким.

– У тебя красивое имя, оно мне нравится.

– Спасибо. – Она застенчиво улыбнулась.

(Зачем я это сейчас добавил, про красивое имя? Абсолютно ненужная фраза. Я что, пытаюсь ей понравиться? Мне такое поведение не свойственно. Да что с этой женщиной вообще не так?! Почему проведя с ней всего полдня, я начинаю вести себя как-то странно?!)

– Ты главное запомни, что я тебе не хозяин и не повелитель, так что называй меня просто Альберион. Никаких господинов или милордов. – Маг потихоньку погружался в сон.

– Вас зовут прямо как того мятежного принца о котором мне рассказывал отец. – От воспоминаний об отце девушка немного воспряла, слегка позабыв о только что пережитых ужасах.

– Нет, не как его. – Слукавил беглец.

– Ну как же, я точно помню что того звали Альберион. Отец очень опечалился, когда узнал, о подавлении его мятежа. Он говорил, что из него получился бы лучший король из всех. – Спутница задумчиво закатила глаза, придав своему лицу ещё более милый вид.

– Я имел ввиду, что я и есть тот самый мятежник и предатель, лишённый всех титулов и фамилии собственным отцом. – Он стал слегка раздражён, но не зол.

– Так вы падший принц?! Человек, о котором судачила вся столица последние два года?! – От удивления та приподнялась со спального. Разделяющий их костёр не дал мятежнику разглядеть её выражение лица.

– Да, он самый и есть, а ты теперь государственная преступница. Так что спи спокойно. – Некромант повернулся к ней спиной и закрыл глаза.

Несмотря на то, что море упорно не покорялось людям, реки оказались более стоворчивыми и торговые суда, беспрепятственно бороздили по голубым венам материка, делая многих людей богатыми. Именно поэтому все самые крупные города континента находились в их устьях. Наиболее успешным в этом плане стал город Фаргот, откуда брали начало речки Сел и Ушка, впадающие в свою очередь в самые крупные водные артерии континента: Ирию и Энгал. Почти все речушки государства сливались с этими двумя, а потому торговцы из этого города могли быстро путешествовать по всей стране, доставляя и привозя любые товары. Что и сделало Фаргот богаче и крупнее всех остальных, обойти по этим показателям удалось даже столицу. Именно сюда спустились три недели после побега из Виргана прибыли Альберцион и Калида, ибо это был ближайший крупный город на их пути.

Воин решил останавливаться только в таких местах, поскольку в маленьких поселениях все жители знают друг друга в лицо, и затеряться там, среди толпы не получится. К тому же, в ходе своего путешествия на север, он рассчитывал найти хотя бы несколько уцелевших магов, скрывающихся от стражников, и в городищах такой шанс был куда выше. Вот только сразу затеряться в толпе не получилось: соблазнительная внешность Калиды облачённая в вульгарный наряд, откровенно демонстрирующий её красоту, привлекала внимание всех проходящих мимо.

– Ты можешь походку сделать проще, на тебя ведь все смотрят. – Волшебник слегка наклони к ней голову, чтобы никто не услышал его шёпот. Пусть за время, проведённое в темнице, его внешность и изменилась до неузнаваемости, но всё равно лишние взгляды им были не нужны.

– Я иду, как умею. Меня несколько лет учили правильной приятной походке, а вот вы ходите как полено. – Она обиделась на глупое и неуместное замечание с его стороны, и решила поддеть в ответ, сравнив его с куском дерева.

Не оставалось ничего другого как остановиться у первой же лавки с одеждой, и купить там платье, с рукавами и юбкой мерзко-зелёного цвета; перёд и спинка бюстье у платья были не менее омерзительного коричневого цвета. На удивление воина, спутница не стала капризничать и требовать себе что-то менее ужасное. По-видимому, она прекрасно понимала, что стоит на кону и зачем это делается. Девушка была умна,

несмотря на молодость. Альберион дополнительно заплатил торговцу, дабы он прямо на улице развесил ткани и наряды так, чтобы получилась примерочная, закрытая со всех сторон от любопытных глаз.

С благодарностью приняв деньги, торговец исполнил просьбу, вот только он не хотел пачкать товар, поэтому примерочная не доставала до земли. И вновь девушка не стала возражать, а молча пошла переодеваться. Хотя при малейшем дуновении ветра эта конструкция могла разлететься в стороны, открыв приватный обзор для окружающих. Но ветра не было, к большому сожалению других, и всё что им удалось увидеть это ступни и икры чародейки. Но даже этого хватило, чтобы приковать взгляды всех вокруг.

Новоприобретённая одежда практически полностью скрывала её тело, отчего мужчин позабывших о своих делах в округе поубавилось. Однако лицо дамы по-прежнему оставалось притягательно прекрасным для многих из них, но на это они долго пялиться, не стали и ещё немного постояв, пошли дальше.

Оставив охотничью броню торговцу, путники отправились искать приличную обувь. Несмотря на конец октября, погода всё ещё оставалась тёплой, и идти босиком Калиде было даже приятно. Оттого обуваться она не спешила, даже когда туфли были приобретены, та просто несла их в руках.

– Похоже, магов здесь не осталось. – Стоя на «Тигрином мосту» Альберион коротким кивком указал вниз.

– Какой ужас. – Колдунья испугалась, узрев, что находится под ними.

Там, на самом дне, среди рыб, были сотни тел, привязанные к камням за ноги, со связанными за спиной руками.

– Неужели такое происходит везде. – От увиденного ей стало плохо, и она опёрлась на перила образованные изумрудными змейками, ползущими от одного золотого тигра к другому.

С каждой стороны скульптор слепил по четыре ряда таких змей, верхние ряды ползли с юга на север, нижние двигались в противоположном направлении. Этот мост был одной из главных достопримечательностей города, и падшему принцу было жаль, что девушка увидела его при таких обстоятельствах.

(Что же ты наделал Киллиан?)

С досадой и глубокой печалью принялся размышлять Альберин.

(Я перебрал в голове кучу вариантов того, что могла Ошида потребовать. Но что он согласиться на такое!!! Я и предположить не мог. Глупый, наивный мальчишка! Я тоже хорош, решил, будто ребёнок на троне сделает наш мир лучше. Ну почему всё всегда так? Почему всё должно идти непременно через жопу? Почему мы все просто не можем жить нормально?)

Некромант подошёл к волшебнице и приобнял её за плечи.

– Хватит тебе на это смотреть. Пойдём, я покажу тебе золотые статуи. Они находятся в самом центре города. – В ответ от неё он не услышал ни звука, лишь получил короткий кивок согласия и они двинулись дальше.

– Какая красота! – Калида постепенно поднимала взгляд и медленно открыла рот в восхищении от увиденного.

В центре Фаргота находилась небольшая круглая площадь полная прилавков, расположенных между шести трёхметровых, бронзовых статуй. (Да бронзовых, золотыми их называли по другой причине.)

– А в честь кого эти статуи?

– В честь основателей этого города и государства Сагрия. За всю историю человечества не было более богатых людей, чем эти шестеро. Именно поэтому эти статуи и называют «золотыми». Их состояние было настолько велико, что они смогли позволить себе выкупить часть земель у королей из четырёх различных царств. Это произошло тысячу двести лет назад. На приобретённой территории они воздвигли города и создали страну, процветающую на протяжении трёхсот лет. Она была одной из могущественнейших стран и, конечно же, самой богатой.

– И что же случилось потом? – Мятежник смог распалить в ней любопытство. Девушка с восторгом наблюдала за этими титаническими сооружениями.

Местные жители, разодетые в пёстрые одежды, словно не

замечая всего этого великолепия, толкались, разгуливая по площади, и ругались с торговцами, требуя снизить цены – видимо даже к такому зрелищу, можно привыкнуть.

– Их потомки захотели расширить свои границы. И наша страна стала первой, на которую они решили напасть. Но их военная кампания не увенчалась успехом. Мой предок разбил армии Сагрии, и забрал себе все их земли. Эта страна стала нашим первым завоеванием. И единственным на долгие столетия.

– И мы не стали сносить эти статуи?! Но почему?! – Калида перевела взгляд с постаментов на спутника.

– Из уважения. Мой далёкий прапрадед Митейл был человеком очень мягким. На старости лет он даже стал подумывать о том, чтобы вернуть все завоёванные земли. И дабы этого не допустить его во сне придушили собственные дети. – Он испытывал некую неловкость, говоря ей об этом, словно чувствовал вину за поступок своих предков живших восемьсот лет назад.

– Какой трагичный конец, даже для короля. А почему дальнейшие завоевания не продолжились? – Она подошла к одному из изваяний и погладила его.

– Не поверишь, но мы были миролюбивым государством, пока к власти не пришёл мой отец. – Он снова с печалью вспомнил тот вечер, когда поднял своё восстание. Так до сих пор и, не поняв, мог ли он тогда поступить иначе или это было единственным верным решением.

– Уже вечереет, думаю нам нужно найти ночлег, к тому же я голодна.

– Тут с тобой не поспоришь. – Маг нежно улыбнулся, так обычно улыбаются отцы, когда их дочка просит купить ей игрушку.

Альберион помнил тут только одну таверну, в которой он был почти тридцать лет назад, когда монарх посещал город с неофициальным визитом. Разумеется, королевская делегация не останавливалась в корчме, их любезно принял в своём дворце один из богатых дворян. В первую же ночь принц сбежал из своих покоев и отправился искать приключения в ночном городе, одевшись простолюдином.

Приключение тогда выдалось запоминающимся: он смог не только проиграть всё своё золото в карты, но и поучаствовать в нескольких драках. Хотя всячески старался избегать мордобоев в тот вечер.

Через полчаса ноги сами привели чародея и его спутницу к той самой таверне. Найдя свободное место, он заказал пару кружек пива и запечённую на открытом огне индейку, подаваемую вместе с горячим хлебом и несколькими помидорами. В зале царил некий особый, присущий только питейным заведениям, уют, лишь пару неприятных людей слонялись по бару, ища себе уголок, но проблем они, похоже, не искали, да и мешать вроде никому не собирались. Просто вели себя не так, как подобает хорошо воспитанным людям, потому создавали вокруг себя много шума и суеты, заставляя

немного нервничать хозяина заведения.

– Так давай перейдём к главному. – Маг сделал большой глоток пива. К еде он прикасаться пока не спешил, а вот девушка, наоборот, не обратив внимания на спиртное, сразу накинулась на еду.

– Что вы хотите узнать? – Из набитого едой рта, слова вылетали жёванными и плохо различимыми.

– Я хочу продолжить твоё обучение магии. Изначально я планировал начать это, когда мы доберёмся до севера, но учитывая, что вокруг происходит, помощь может оказаться мне необходимой уже завтра. Я буду твоим учителем, но для того чтобы начать наши уроки, мне нужно знать что ты уже умеешь. – Некромант пристально посмотрел на неё, ожидая вразумительного ответа.

Та угрюмо опустила голову вниз и стыдливо молчала. Казалось, она вот-вот заплачет, а может уже плакала. Из-за свесившихся волос разглядеть лицо было невозможно. Слышалось только удручённое сопение.

– Да ладно тебе раскисать Калида. Я прекрасно понимаю, что ты мало что знаешь, раз не смогла дать отпор тем троим. Но мы всё сможем наверстать, мне всего лишь надо знать с чего конкретно нам начинать. Ты уже умеешь превращать магическую материю в стихии?

В ответ молчание.

– А создавать энергетические потоки?

Молчание.

– Но хотя бы магическим структурным созиданием ты владеешь?

Молчание.

– Даже этого не знаешь! Да чему тебя там... Ах, вот почему ты молчишь. Только сейчас сообразил. Кроватей в комнате было три и мёртвых магов на полу было тоже три. Тебя совсем не учили магии. Ты там оказалась случайно.

(Совсем размяк старик. Такую очевидную вещь заметил спустя недели.)

Девушка стыдливо кивнула. Понимая, что он на неё сильно давит, падший принц решил смягчить тон.

– Ты пришла туда, чтобы провести время со своим парнем?

В ответ волшебник снова получил молчание, но на этот раз сопровождаемое отрицательным мотанием головы. Маг уже собирался задать следующий вопрос, как девушка наконец-то решилась что-то сказать.

– Они захотели, как следует отпраздновать, и купили меня на всю ночь.

– Так ты проститутка. И как тебя угораздило только? Ведь это же мерзость. О чём ты вообще думала, когда устраивалась на подобную работу?

Альберийон поразился осуждающему тону собственной речи. Он хотел сказать это несколько по-другому: более мягко и спокойнее.

Калиду подобное обращение взбесило, в ней едва ли не

буквально закипела кровь. Она сдерживалась, чтобы не закричать от злости. Даже в такой ситуации она старалась не привлекать к себе внимание, прекрасно понимая насколько для них важно оставаться незамеченными.

– О чём думала! Да что тебе, избалованному принцу, выросшему в замке, вообще знать о жизни простых людей. Ты думаешь, у меня был выбор? Для вас дворян, мы простолюдины, всё равно, что вещи. Вы думаете, что нас можно продать, подарить или проиграть в карты. Твой отец всё никак не мог выиграть войну с Ошидой, потому всё повышал и повышал налоги. А всех моих братьев забрали в армию. Разумеется, мы втроем не могли эффективно возделывать землю: старые отец и мать, и я молодая хрупкая девушка. С каждым годом наши долги становились всё больше и больше. Тогда граф, которому мы принадлежали забрал меня у моих родителей, сказав им, что я буду отрабатывать долг в его имении в качестве прислуги. Но на самом деле он отвёз меня в столицу и продал в бордель. Где со мной целых три года вытворяли такое, о чём даже рассказывать противно, а вспоминать и вовсе страшно.

– Вообще-то по нашим законам его за такое должны были лишить имения, титулов и всех земель, а затем бросить в темницу.

– По закону. – Фыркнула она.

– Этому указу более двух тысяч лет. Согласно ему, господам запрещается использовать поданных для плотских утех.

Так же запрещается продавать их в публичные дома и купальни, использовать их как любовниц или наложниц для гаремов. Если же благородный человек хочет вступить в связь с простолюдином, то ему разрешается сделать это только после свадьбы. Но только в том случае если простолюдин вступает в этот брак исключительно добровольно. Есть так же законы запрещающие дворянам забирать из семей людей младше четырнадцати лет. И применять телесные наказания к тем, кто младше шестнадцати.

– Да кто их соблюдает! Эти твои законы! – Не выдержала она. – Все эти указы пишутся исключительно для челяди. Особы голубых кровей их не признают. Даже если бы мои родители пришли к королю лично, и всё ему рассказали. Вряд ли бы он им поверил, приказал бы высечь их плетьюми да выкинуть из города. Вы не считаете нас равными себе. Мне порой кажется, что мы в ваших глаза и не люди вовсе. Вы своих собак и лошадей цените больше, чем нас.

Теперь уже Альберцион поник и опустил голову. Калида смогла его устыдить. Да, падший принц всегда хорошо относился к простолюдинам, лучше, чем любой другой дворянин. Но он никогда не считал их равными себе. Если быть до конца честным он полагал что ему вообще никто неровня, ну кроме отца. Даже общаясь с матерью или братом, чародей ставил себя выше их. Но только сейчас, когда его ткнули в это носом, он осознал собственную заносчивость. И вдруг стал сам себе противен, понимая, что оказался вовсе не та-

ким справедливым к людям, каким видел себя со стороны.

– Сколько тебе было лет, когда тебя продали в публичный дом? – Маг звучал и выглядел так, словно находился на похоронах.

– Семнадцать. – Слегка успокоившись, она принялась ковырять индейку.

– Мне было восемнадцать, когда я оказался в темнице. – Мятежник посмотрел ей в глаза, наклонившись к столу.

– И сколько вы там просидели? – Никакая не волшебница тоже смотрела на него продолжая вяло мусолить в руке еду.

– Двадцать один год.

– Ого! Да я на свете живу меньше, чем вы пробыли там! Наверно это было очень тяжело не свихнуться там от скуки и одиночества?

– Ничего, стражники частенько развлекали нас побоями и обливаниями мочой.

– Знаете, не смотря на все трудности, сильнее всего меня расстраивает не то, какие извращения меня заставляли делать мужчины в борделе, а то, что мои родители умерли, и меня даже не было рядом в их последние дни. Я даже не знаю, где они похоронены. – Она ели сдержала слёзы.

– Понимаю, я тоже не был с родителями, когда они умерли. И на похоронах я тоже ни присутствовал. Это действительно очень гадкое чувство. Не знаю смогу ли я когда-нибудь смириться с этим.

– Итак, приступим к нашему первому уроку. – Альбертион поднял свою ученицу засветло, но к обучению приступил только после полудня. Раз уж теперь все маги в опале, то осторожность их главный приоритет. Если какой-нибудь дозорный на башне заметит вдалеке непонятного происхождения молнии или пламя, то тут же поднимет тревогу. Так что путникам пришлось занять почтительное расстояние от городских стен, прежде чем начать урок.

– Первейшее что тебе нужно знать о магии так это то, что на все заклинания расходуется энергия. Но не та, которую ты тратишь, когда бегаешь или прыгаешь, а другая, особая, магическая энергия. Никто и приблизительно не знает, почему некоторые люди рождаются с ней, а другие нет. Досконально известно только то, что эта энергия одновременно поддерживает и разрушает тело мага. Если ты израсходуешь всю свою манну, то твоё тело разрушится. В буквальном смысле ты распадёшься на бессчётное количество мельчайших неделимых частиц.

– Ужас. И как же мне почувствовать, что мои силы на исходе? – Она неумело попыталась скрыть свой испуг.

– О-о, поверь мне, ты почувствуешь. Когда твоя магическая энергия подойдёт к пределу, твои внутренние органы начнут гореть, метафорически конечно, кожа начнёт рваться, а сухожилия трещать. Выступит кровавый пот.

– Ну, такие знаки будет сложно не заметить. Как только почувствую подобное, прерву свою магию.

– На самом деле даже при таких условиях по-прежнему можно продолжать колдовать, но только если ты очень, очень опытный маг. От опыта так же зависит и количество энергии, которую ты можешь высвободить за одно заклинание. Тело должно привыкнуть к использованию магии, стать крепче и прочнее, поэтому если начинающий волшебник использует слишком много энергии разом, даже если её объём у него велик изначально, то всё равно его тело разрушится. И тут ты уже не сможешь остановиться, ибо магия поглотит твой разум и начнёт бесконтрольно творить заклинания, пока твой организм не распадётся на частицы.

Увидев, что его ученицу охватывает робость, Альбертион решил её немного приободрить и успокоить:

– Но не переживай, сначала я буду следить за тем чтобы тебя не поглотила магия, а потом ты наберёшься опыта и сама будешь знать где пределы твоих сил. Потому-то мы и начнём тренироваться на простых заклинаниях и когда я решу что ты готова, мы перейдём к более сложным.

– Значит, тренироваться придётся долго и упорно. – Первоначальный страх её отпустил, и Калида преисполнилась решимостью и энтузиазмом.

– Не всё так печально, тут у меня есть для тебя хорошие новости. Чем больше энергии у мага, тем быстрее протекает его обучение. – Он поднял указательный палец вверх, словно преподаватель, стоящий у доски и объясняющий сложную задачку не очень сообразительному классу.

– А что в этом хорошего для меня?

– То, что, насколько я могу чувствовать, в тебе магической энергии невероятно много, даже больше чем во мне. Намного больше!

– Простите моё хамство, но мне очень интересно. А вы сильный маг? – Робко и дрожа, девушка скрестила руки перед собой.

– Издеваешься. Да я сильнейший маг за последние сто, а может и двести лет. Я думал, все знают об этом.

– Простите ещё раз. – Она смущённо отвела взгляд в сторону.

– Я и не обиделся вовсе, просто удивлён, что ты этого не знаешь. Преступим к практическим занятиям. Лови! – Последнее слово прозвучало громко и резко, она даже дёрнулась от неожиданности. А некромант следом, метнул в неё ком грязи.

– Эй! Зачем кидаться? Я, конечно, понимаю, что я вас обидела, но не до такой же степени. – Комок песка прилетел ей в живот. Больно не было, но вот платье испачкалось. Ученица принялась активно отряхиваться, сметая остатки песка.

– Я думал, ты это поймаешь. Для тренировки тебе потребуется песок, набери его немного в ладонь.

Калида присела на окраине дороги и набрала маленькую горсть.

– Ну и зачем мне этот песок? Хотите наглядно продемонстрировать, во что я превращусь, если не буду осторожна с

заклинаниями или что из меня непременно будет сыпаться, когда я стану очень старой и покроюсь морщинами? – Ученица недоумённо смотрела на песчинки в своей левой руке.

– Нет, я всего лишь хочу, чтобы ты заставила их левитировать. Для этого тебе необходимо отыскать внутри себя ту самую магическую энергию и направить её в свою левую ладонь. Возможно, ели ты закроешь глаза, тогда тебе будет проще. – Альберион подошёл к лошади поправил седло, подтянул ремни. Это упражнение можно делать на ходу, неизвестно, сколько времени у неё уйдёт на первый урок. Так что нечего стоять понапрасну, лучше выдвигаться дальше.

– У меня получилось! – Радостно запрыгала спутница.

Маг резко обернулся, не поверив словам Калиды. Но подойдя ближе, он лично убедился в её честности. Песок действительно парил над её ладонью, хаотично вращаясь, и сталкиваясь друг с другом, песчинки довольно медленно кружились, образуя маленький ураган на высоте всего пары миллиметров над кожей, но и этого было достаточно. С заданием теперь уже волшебница, пусть и стоящая у самых истоков обучения, но всё таки волшебница, справилась на отлично.

(Удивительно! У меня на это упражнение ушло пару дней, а ей даже минуты не потребовалось! Похоже, её объём магической силы – невероятен. Полагаю, что никто и никогда не обучал такого могущественного волшебника, а значит все мои знания подчёркнутые из учебников, бесполезны.

К ней нужен абсолютно уникальный подход. Придётся пересмотреть изначальный план тренировок, мне потребуется время, чтобы всё как следует обдумать. Любая оплошность и она разрушит не только себя, но и всё вокруг.)

– Потрясающе! Теперь научись делать тоже самое с камнями. – Маг притянул из кустов небольшой камень и вложил его в ладонь чародейки. В девичьей руке он занимал куда больше места, чем в лапах воина.

Через пару недель Калида могла поднимать уже несколько камней разом, даже не прикасаясь к ним. Они летали хоровами вокруг неё, пока та сидела на коне; о всяком переговариваясь с Альберионом.

– Прекрати магию, мы уже приближаемся к городу. – Булыжники, некоторые из которых были с человеческую голову, тут же упали.

– А что это за город? – Она кокетливо высунула носик из-за его плеча.

– Анрет, родной город моей матери. Но мы идём сюда, потому что здесь живёт один мой старый друг. Он точно поможет нам пополнить запасы, и возможно даст вторую лошадь. Хотя я признаться, если честно, рассчитываю на целую карету, не меньше. – Волшебник немного повернул голову, чтобы теперь уже начинающая чародейка лучше его слышала.

– Кто же такой ваш друг, что может вот так запросто позволить себе подарить другому карету? – Калида придвину-

лась к нему поближе, прижавшись к спине. Маг выбрал более короткий путь: через лес, потому дорога была ухабистой, и девушка постоянно соскальзывала. Приходилось крепче держаться за своего учителя, что доставляло ей только удовольствие.

– Лекарь Гальфрид содержит здесь своё поместье. – Он заставил лошадь двигаться медленнее, дорога впереди становилась совсем тяжёлой, и велик был риск, что дама, которой не хватило места в седле, свалиться в осеннюю грязь.

– Тот самый лекарь Гальфрид ваш друг?! – От удивления чародейка немного оттринула голову от его спины.

– Не думал, что ты о нём слышана.

– А как можно не знать лучшего лекаря королевства. А вы уверены, что он ещё жив? Ему же сейчас должно быть лет семьдесят.

– Мне говорили, что жив.

– И вы убеждены в том, что он нас не выдаст?

– Поверь мне, он ни за что меня не предаст, и никогда не откажет в помощи. Я многое для него сделал.

Извилистую просеку, полную кочек и ям, прервал старый деревянный мост, возвышающийся над рекой на весьма опасную высоту: свалиться даже с вершины столетнего дуба было бы безопаснее, чем отсюда. Конь, как и его хозяин, ничуть не сомневался в надёжности конструкции, поэтому уверенно пошёл вперёд, молча повинувшись приказу наездника.

Но уже на середине моста их самонадеянность сыграла с

ними злую шутку. Трещащая под ними древесина не выдержала их веса; вся конструкция с громким хрустом переломилась пополам. Беглецы тотчас же рухнули в воду, громко крича и размахивая руками: все кроме лошади – та падала, сохраняя поразительное спокойствие и выдержку. Впрочем, ей это ничуть не помогло, ведь из всей троицы вынырнуть удалось только Калиде. Она испуганно смотрела по сторонам пытаясь найти своего учителя, но того нигде не было видно: бурный поток реки, бьющийся о камни, сильно мешал обзору.

– Альберион! Альберион! – Волшебница кричала как можно громче, но в ответ слышала только эхо. Вода периодически попадала ей в рот, обрывая крики на середине имени.

Девушка нырнула, пытаясь подводой отыскать своего пусть и падшего, но всё-таки принца. Но и это не увенчалось успехом. Вынырнув для того чтобы набрать в лёгкие кислорода, она вновь несколько раз прокричала его имя. И только после этого заметила тёмное пятно ниже по течению.

Её страх усилился, сердце забилось чаще, что только помогло плыть быстрее. Догадки оказались верны, пятно было кровью. Глубоко вдохнув, чародейка снова погрузилась подводу. Проплыв несколько метров дальше по течению, она смогла заметить своего спутника без сознания, дрейфующего на поверхности.

От неё потребовалось не малых усилий, дабы выплыть с

ним на берег, но ещё тяжелее оказалось тащить его по суше. Мужчина был чуть ли не вдвое тяжелее её. Мышцы девушки горели от напряжения, каждый пройденный метр разбивал всё тело болью. Она орала, волоча его за собой, словно вот-вот родит, пока не упала в траву, почти лишившись сил.

(Я не смогу дотащить его до города в одиночку. Мне нужен кто-то ещё. Точно! Он сказал, что лекарь Гальфрид ни за что не придаст его, и никогда не откажет в помощи. Попрошу его оказать услугу, а Альберiona пока спрячу здесь. Хорошо, что братья научили меня, как замаскировать в лесу всё что угодно. Начинаю радоваться, что была единственной дочерью.)

– Я приду за тобой вместе с твоим другом. – Нежно прошептала она, гладя его рукой по лицу, словно пыталась ублажать ребёнка.

Когда они перебирались через злосчастный мост, уже вечерело, но солнце ещё светило. Когда же волшебница выбралась на дорогу, ведущую к городским воротам, оно уже скрылось, виднелись только багровые лучи на горизонте.

Уставшая, в промокшем и изорванном платье, девушка продолжала идти. Ей казалось, что она грохнется без сил, где-нибудь в лесу. Но видя, что город уже так близко – Калида приободрилась. С другой стороны дороги, так же из лесу, вышли двое стражников. И направлялись они явно к ней. Хоть страх и взыграл в сердце волшебницы, бежать она не стала: на это не было сил, да и не было смысла. В городе ей

всё равно нужно было, у кого-то спросить, где живёт лекарь.

– А ты чего такая мокрая девица, неужто это ты упала с моста? – Деликатно лепечущий высокий и темноволосый стражник аккуратно взял её за плечо, помогая устоять на ногах.

– Да, именно я. – Отрицать это было бессмысленно. – И мне нужна помощь лекаря. Гальфрид старый друг моего отца живёт здесь. Он сможет помочь мне бесплатно, ведь, как вы видите, денег у меня нет.

– Конечно. Мы непременно проводим вас к нему. Если позволите, я вас даже отнесу туда. – Высокий воин отдал своё копьё сослуживцу, чьё лицо покрывали веснушки, а рост был на пару сантиметров ниже. – Вы только ответьте нам, нужна ли помощь кому-то ещё? Вы одна путешествуете?

– Одна. – Она не стала рисковать и говорить об учителе. Вдруг эти стражники его бы узнали. Вероятность конечно крайне мала, но всё же есть.

– Что ты нам врёшь курица! Весь город слышал, как ты тут звала Альбериона! Говори нам, где он сука! – Молчавший всё это время, рыжеволосый веснушчатый стражник с двумя копьями, не выдержал и стал надвигаться на Калиду.

(Так они не просто тут патрулировали, а целенаправленно нас искали. Они всё знают. Он в опасности!)

Калида попыталась сбежать, но высокий парень крепко схватил её за руку и развернул к себе. Она залепила ему по-

щёчину не возымевшую на того никакого эффекта. Он просто ударил её в ответ своим огромным кулаком, облачённым в латную рукавицу. Девушка тут же потеряла сознание и рухнула на землю.

– Ты кретин Винсент! – Закричал он на веснушчатого. – Она могла нам всё рассказать! И мы могли бы передать их мэру, а теперь ищи его в этих лесах!

– Да хрен ли возиться с этими магами. Ты не слышал что говорят? Это из-за них мы живём в дерьме, из-за них все войны. – Он ткнул её древком копья в бок.

– Ты идиот. Тебе не то, что город, овец нельзя доверить охранять. Понесёшь моё копьё. – Высокий воин, взваливая девушку на плечо.

– Да ладно тебе. Завтра под пытками она всё равно нам всё расскажет. – Он взял оба копья в одну руку.

Стражники развернулись и пошли в город.

Открыла глаза Калида в каменном мешке, по-другому эту комнату размером четыре на четыре метра назвать было нельзя.

– Очнулась, наконец. – Мужчина радостно улыбнулся, излучая всем своим естеством дружелюбие и позитивность.

Лицо чародейки пылало, больно было даже просто открывать рот, не то, что говорить. Осмотревшись, она поняла, что подвешена цепями к стене за руки и не достаёт ногами до пола. С неё сняли всю одежду, и надели холщовый балдахин,

едва опускавшийся до бёдер, вряд ли у них не нашлось одежды длиннее. А ещё она была вся мокрой, похоже, её несколько раз обливали холодной водой, прежде чем она пришла в себя. На столе перед ней сидел мужчина средних лет и, ничуть не стесняясь, пожирал её глазами: медленно вода взгляд от её стоп к лицу.

– А ты красивая, жаль только что преступница. Не то сделал бы тебя своей любовницей. И не надо так презрительно воротить нос, я хорошо плачу своим девушкам. Спроси у любой в городе, они всегда ходят в самых дорогих нарядах.

Он и сам был облачён в изысканные одежды, демонстрирующие окружающим высокий статус своего владельца. Он подошёл к женщине и погладил её лицо, ту половину, что ещё сохранила приятный вид. Вторая часть физиономии заплывла отёками после тяжёлого удара. Волшебнице захотелось плюнуть в наглеца, но в подобном состоянии даже такое было сделать трудно.

– Но давай не будем предаваться мечтаниям, а перейдём сразу к делу. Я Агутс Нерстейн, мэр города Анрет. И ты нам не нужна, мы ищем представителя магов, известного так же как лишённый всех титулов падший принц Альберин, поэтому, просто скажи нам, где он скрывается, и мы тебя отпустим. Ведь ты не представляешь угрозы короне, в отличие от этого предводителя мятежников. – Он не просто так изъяснялся настолько досконально. Пленница могла быть всё ещё в шоке, а ему требовалось, чтобы та точно понимала, чего

от неё хотят.

– С чего вы решили что я звала именно того самого Аль-бериона? – Калида сипела от боли, кровь всё ещё текла из разбитой губы, выдавая розовые пузыри при каждом слове.

– Так это не он! – Громко и радостно сказал мэр. – Видишь ли, на твоё счастье я знаю мятежного принца с детства, мы много играли вместе. Поэтому я легко смогу его опознать, так что, если это не он просто скажи нам, где тот прячется. Его приведут сюда, я пойму что ошибся и вас отпустят. Вам даже выделяют коней и припасов в дорогу, дабы загладить конфуз ситуации. Ну, так, где он?

Чародейка молчала, свесив голову. Выждав несколько секунд, он, хлопнув в ладоши, продолжил.

– Значит всё-таки он самый. Почему ты молчишь? Зачем тебе покрывать этого человека? Сдай нам его, да иди дальше. Обещаю, мы тебя не тронем.

Она продолжала отмалчиваться.

– Ты же всё равно завтра всё расскажешь под пытками. Зачем тебе страдать? Ты ведь ничего не должна этому мерзавцу, выдай нам его, и я тебя лично к врачу свожу. А то вон, лицо совсем опухло. – Он поглядел на неё с состраданием.

– Ничего я вам говорить не стану, не пугайте. – Она по-прежнему сипела, но подняла голову, невзирая на боль, пытаясь хотя бы мимикой показать решимость.

– Коль коня словами не пустить в галоп, гони его плетью. – Он поморщился. – Увидимся на рассвете. Ты да-

же не представляешь, что тебя ждёт. Но вот я весь в предвкушении, уверен, мне это доставит немало удовольствия.

Намереваясь уйти, он взглянул напоследок в её голубые глаза. И глядел в них несколько секунд словно приворожённый.

– Эх, не могу я уйти от такой красивой девушки просто так. – Агутс поцеловал пленницу, засунув свой мерзкий язык ей в рот. Правой рукой он схватил её за грудь, да так, что девушке стало больно, а левую руку положил на внутреннюю сторону бедра и медленно поднимал её вверх, залезая под одежду.

Калида была настолько ошарашена таким поворотом событий, что почти на минуту перестала соображать, и просто висела на стене словно парализованная. Когда же первоначальный трепет прошёл – она решила откусить язык мерзавцу. Но тот словно предчувствуя опасность, отпрянул от неё.

– Ах ты сволочь! – Она попыталась пнуть его в лицо, но он спокойно поймал её ножку, и принялся нежно поглаживать ту руками.

– До встречи на рассвете красавица. – Мэр поклонился, поцеловал её коленку и вышел вон, громко захлопнув за собой дверь.

Рассвета ждать, долго не пришлось...

– Ровно девяносто три метра, это самое высокое строение в мире. – Делился информацией с чародейкой мэр, опираясь

на мраморную балюстраду.

Они стояли на балконе, под самой крышей величественной башни. Несмотря на тихую погоду, здесь закладывало уши от завывания ветра, ведь черепичная кровля была только над самым сооружением, балкон же ограждали только перила: мраморные балки снизу и сверху соединённые между собой шестью балясинами высотой сантиметров шестьдесят по формам похожим на капли.

Через каждый метр такие секции разделялись прямоугольными столбцами, тоже из белого мрамора. Они были лишь на пять-шесть сантиметров выше перил, но зато вдвое шире. Вместе они образовывали заборчик, огибающий полукруглый балкон от одной стены до другой. Позади них была арка, представляющая собой границу между башней и балконом. Там не было ни окон, ни дверей, просто один свободный широкий проход.

Калида стояла на столбике в тяжёлых кандалах сковывающих руки, довольная хотя бы тем, что маленький размер ступней позволял устойчиво расположиться на балюстраде. Агутс смотрел вниз и нагло гладил икры её ног.

– Сейчас я тебе расскажу, что произойдёт, красотка. Видишь позади нас вон того сурового мужчину с хлыстом. Как только взойдёт солнце, он начнёт тебя им бить, и бить больно. Мы здесь именно так наказываем преступников. Обычно нарушитель закона имеет два пути: либо спрыгнуть вниз и прервать свои мучения; либо стоять здесь, пока не сядет

солнце и тогда его помилуют. Однако у тебя есть третий выход: просто скажи, где Альберион, и тебя отпустят. – Он добродушно посмотрел на неё, не переставая гладить её ножки.

– Я предпочту дождаться заката. – Хрипота в голосе за ночь не пропала.

– Лучше прыгай вниз. Ведь никому ещё не удавалось достоять тут до заката. У палача тяжёлый удар. – Глава города пытался встретиться с ней взглядами, но волшебница увела глаза в сторону. Не из страха, а от отвращения.

(Я выдержу.)

Подумала она.

(Во что бы то ни стало, я выдержу. А затем найду Гальфрида, и мы вместе придумаем, как незаметно пробраться к учителю и помочь ему.)

– Ну что ж, петухи пропели, пора и начинать. – Мэр хлопнул в ладоши и подошёл к палачу. – Начинай аккуратно, я хочу насладиться зрелищем.

Дав отмашку, он уселся на диван заваленный красными подушками. Перед ним располагался круглый стол, накрытый алой скатертью, на котором стояли несколько видов вин и различные фрукты. В комнате вдоль стен несли караул стражники, а между ними висели картины с изображениями горгулий, драконов и прочих фольклорных существ из сказок и легенд.

Рассветать на улице стало ещё час назад, но вот само солнце показалось только сейчас. И едва его краешек выглянул

из-за горизонта, как позади Калиды раздался сначала громкий свист, а затем хлёткий звук удара. После чего она почувствовала боль, такую, словно тело проткнули мечом и обожгли факелом одновременно. И это только первый удар из тысячи других.

Наконечник хлыста в форме кисточки влетал ей в спину с такой силой, что чародейке было трудно устоять на мраморном столбике. Её постоянно норовило покачнуться вперёд; она с трудом успевала переводить вес между ударами.

Одежду палач рассёк сразу же, и теперь эта накидка болталась словно плащ, одетый не на ту сторону. А вот спина, начала покрываться кровавыми разрезами, только к десятому замаху.

Слыша свист, Калида крепко сжимала зубы и задерживала дыхание, а после удара выдыхала с громким криком, затем мысленно считала до трёх. Потом вновь заслышав свист, повторяла своё «упражнение».

Мэр с наслаждением глядел на инсталляцию, поедая сладкие мандарины, тщательно очищенные слугами. Крики и стоны пленницы доставляли ему особое удовольствие. Он любил, когда девушки издают подобные звуки. Зрелище стало для него ещё приятнее, после того как палач плетью рассёк последний кусок ткани удерживающий одежду на плечах изменницы. И её холщовая «блузка» улетела вдаль подхваченная ветром (оставив заключённую полностью голой).

(Грёбанное Солнце! Почему оно идёт так медленно?)

Сколько мне здесь ещё торчать? Да сколько я тут вообще пробыла?)

Солнце уже не просто полностью вышло из-за горизонта, а уверенно висело над крышами. Даже высокие башни, коих в этом городе было предостаточно, не могли скрыть от людей, гуляющих по улочкам его силуэта. Но до зенита было всё ещё далеко, не говоря уже о закате.

(Ох и любят тут строить башни, проклятье их побереи.)

Волшебница попыталась отвлечься мыслями о зодчестве и архитектуре. Но удар хлыста вернул её в реальность – ничто так не помогает забыть о мечтах, как нестерпимая боль.

(Может мне и вправду прыгнуть вниз и прекратить свои страдания. Но кто тогда позаботится об Альберione? Я не знаю насколько у него тяжёлая травма головы. Вдруг он вообще не выживет без посторонней помощи? Я обязана выстоять и привести ему помощь.)

Она чувствовала, как по ногам стекает кровь со спины. Если всё это соберётся в лужу под ней – станет ещё и скользко. Тогда устоять будет и вовсе невозможно.

Крики боли после ударов стали совсем тихими. У неё больше не осталось на это сил, да и в горле совсем пересохло. Но это могло быть хорошим знаком: чем ей тяжелее, тем меньше осталось тут стоять.

– Передохни немного. – Агутс встал с кресла и направился к узнице. – Ну так поняла, что он того не стоит? Готова нам рассказать, где мятежник? Поверь мне тебя ещё можно

спасти. Считай, я даю тебе последний шанс. Ты же уже осознала, что не продержишься до заката.

– Я выстою. – Шатаясь, она едва шевелила сухими потрескавшимися губами, сменившими страстный алый цвет на мертвецки-белый. – А ты мерзкий, поганый червь, можешь катиться со своими предложениями вниз по лестнице.

– Фу как грубо. Терпеть не могу упрямых людей. Что ж больше я сострадания к тебе проявлять не буду, это последняя попытка сделки. Хочешь умереть за своего героя, пожалуйста. – Агутс шлёпнул её по попке и направился к палачу.

– Давай в полную силу. – Он вытер кровь с ладони шёлковым платком.

Только теперь Калида поняла, что такое настоящая боль то, что было до этого лишь забава – пустяки нестоящие внимания. Настоящая пытка началась теперь, и зря ей казалось, будто она больше не может кричать. От новых ударов крики из неё вырывались оглушительные, вылетали те из глотки вместе с кровью.

Она больше не следила за солнцем – просто старалась удержаться. Её кожа вместе с кусками мяса отслоилась от спины и свисала словно листья, болтаясь из стороны в сторону. Но садист палач даже не думал останавливаться, щелчки его хлыста становились всё сильнее. Вот только пауза между ударами стала больше, похоже, и он начинал уставать: видно пытка длилась уже немало часов. Однако чародейка не подняла глаза и не посмотрела на небо, опасаясь увидеть, что

этот проклятый пылающий круг так и не сдвинулся с места.

После очередного удара в разные стороны полетела уже не только кровь, но и куски мышц. Скоро он доберётся и до костей. Готовя новый замах, палач вдруг загорелся, как ведро смолы после брошенного в него факела. И он составил дуэт волшебнице, своим криком боли, причём таким громким, что даже ей было с ним не сравниться. А спустя мгновение, упал замертво.

Ошеломлённые произошедшим стражники стали оглядываться по сторонам, но те, кто был поумнее тут же посмотрели на дверь: там стоял высокий мужчина, в грязной одежде и с запёкшейся на волосах кровью.

Глава города сразу же узнал этого человека. Да прошло много времени, и его внешность сильно изменилась. Но эти глаза, уши, нос и подбородок остались всё теми же. Нерстейн узнал в нём мальчишку, с которым они играли в детстве, когда королевская семья, на пару лет сделала этот город своей резиденцией. Перед ним стоял некогда престолонаследный принц Альберион.

– Что встали кретины, убить его! – Крик мэра походил на визг свиньи.

Меча при себе у мага не было. Тот висел на лошади, когда они перебирались через мост, а та бесследно сгинула в пучине вместе с амуницией и провизией. Тем не менее, опытному воину не составило труда отобрать оружие у молодого стражника, подоспевшего к нему первым. А затем вскрыть

тому глотку его же клинком. Прибегать к магии мятежник не отважился: любое неловко пролетевшее мимо Калиды закливание, могло сбросить ту вниз, и всё было бы напрасно.

Следующему нападшему, он воткнул меч в подбородок, пронзив ему голову насквозь. Вытаскивать оружие обратно, времени не было. Третий стражник уже сделал выпад копьём. Отклонившись, Альбериону удалось избежать серьёзного ранения, наконечник лишь располосовал ему кожу и мышцы на левом плече.

Выхватив клинок из мёртвых рук только что убиенного, некромант вонзил его нападавшему меж рёбер. Точно попав между нагрудной и спинной пластинами. Разделаться с оставшимися четырьмя для него не составило труда, хотя они уже не нападали по одному, а успели преступника окружить, и атаковать того разом.

Отделаться бывшему узнику удалось лишь несерьёзным ранением в ногу; стражники же лишились жизней. Хотя если бы он не успел взять по мечу в каждую руку, ран бы на теле оказалось куда больше. С окровавленными оружиями в руках падший принц надвигался на Ангуса, глядя на того полным ненависти и гнева взором, способным довести малодушных до обморока.

– НЕТ! Не приближайся ко мне! – Агутс бросал в него одну подушку за другой, всё сильнее прижимаясь к спинке дивана.

Мужчина с взглядом страшнее самой смерти, не обращал

на это никакого внимания. Не уворачиваясь от них, не пытаясь отбить их мечом, даже не морщась от того что некоторые перины прилетали ему прямо в лицо – он просто продолжал надвигаться как грозовая туча, закрывающая собой белый свет.

– Прошу, только не убивай. Мы ведь были друзьями. – Жалобно застонал он, выставив перед собой руки.

– Если для тебя наша дружба ничего не значит то, почему она должна иметь значение для меня? – Некромант прикоснулся наконечником лезвия к груди Агутса и стал медленно вдавливать сталь в плоть.

Глава города схватился за клинок, но эта отчаянная попытка, как и ожидалось, не возымела никакого эффекта: меч продолжил движение без каких-либо преград.

С каждой секундой мэр становился всё бледнее, а его взгляд туманнее. Вскоре его руки стали как тряпки и беспомощно опали вниз, глаза закрылись а дыхание угасло. Но чародей продолжал давить на рукоять, до тех пор, пока не пригвоздил чиновника к дивану.

Выбросив второй меч, он направился к спутнице, ухватившись правой рукой за край скатерти. Ткань поволочилась за ним, роняя со стола кувшины, бутылки и вазы, которые разбивались о каменный пол с приятным мелодичным звоном.

– Всё закончилось, спускайся. – Не убирая суровой гримасы с лица, мятежник посмотрел вниз, демонстрируя к вол-

шебнице некую отчуждённость.

– Я не могу. – Сжав кулаки, Калида тихо заплакала.

– Что? Ноги затекли? – Он смерил её холодным взглядом, словно обвиняя в чём-то или ненавидя за что-то.

– Я вообще пошевелиться не могу. – Тратя остатки сил на крик сквозь слёзы, она едва не свалилась от дуновения ветра.

– Бывает. – Альберион немного смягчился. Взяв её за талию, он осторожным движением спустил чародейку вниз и принялся укутывать скатертью.

– Ты слишком тяжёлый. Я не смогла тебя нести одна. Понимаешь? – Тихий плач превратился в истеричный хриплый рёв. – Поэтому я спрятал тебя, и пошла за помощью. Я не бросала тебя. Ты слышишь? Не бросала!

– Я это знаю. Поэтому и вернулся за тобой. Мы теперь навеки вместе милая. Где бы ты ни была, и чтобы с тобой не случилось, я всегда приду тебе на помощь. Ты меня слышишь? – Совсем раздобрев к ученице, маг даже улыбнулся. В конце концов, она ничуть не виновата в том, что её схватили, у неё ведь нет его уровня подготовки. Однако попадаться стражникам, всё равно было большой глупостью, даже для новичка.

– Да. – Ноги из каменных превратились в ватные и, не в состоянии выдержать даже такое лёгкое тело, они подкосились. Укутанная в скатерть Калида, закрыв глаза, безвольно повисла на руках Альбериона, потеряв сознание.

“Шумопредставление” в башне не могло не привлечь

стражников, поэтому спускаться пришлось с боем. Тут уже падший принц совершенно не скромничал и вовсю разразился магией, щедро одаривая заклинаниями всех желающих его убить, при этом бережно, будто хрустальную вазу, неся Калиду на левом плече.

Выбравшись наружу, он начал уходить от драк – не зачем продолжать убивать людей, которые просто выполняют свой долг перед городом. Вместо стычек маг тихим ужом протирался в тени улиц, избегая всех возможных взглядов. Прячась от суетливо пробегающих стражников и озадаченного вида горожан за бочками, в дверных проёмах и даже цветочных кустах. У него был опыт в подобных делах, во времена службы в армии отца, он часто напрашивался в отряд разведчиков и ходил с ними на вылазки.

Конечно же, никто не хотел брать с собой принца, так как в случае провала у врага бы оказался ценный пленник. Но пользуясь своим высоким положением Альберион грозился, что прикажет казнить их всех, если те не возьмут его с собой или расскажут королю о произошедшем. Ведь если бы отец узнал о подобном, сурового наказания было бы не избежать даже ему. Поэтому боясь гнева, как монарха, так и его наследника, воинам ничего не оставалось делать, кроме как брать мальчишку с собой.

И юный маг ни разу не подводил своих соратников. Нельзя было сказать, будто он стал в этом деле однозначно лучшим, как почти во всём остальном, но достичь, немалых

успехов в искусстве скрываться ему удалось. И этот опыт в данный момент оказал ему невероятно большую услугу. Благодаря этим навыкам лишённый титулов пробрался в поместье лекаря незамеченным.

На счастье, прислугу в доме старик не держал, с самого детства приученный всё делать в одиночку. И это совершенно никак не сказывалось ни на качестве его работы, ни на состоянии дома. Всё вокруг было в идеальном порядке и чистоте. Даже кусты в клумбе, и те идеально ровно подстрижены, а дорожки подметены от всех пылинок. И на окнах ни пятна грязи.

– Рад, что ты всё ещё жив старик. – Негромко произнёс Альберион.

Он нашёл старого лекаря в его кабинете, переставляющим какие-то склянки. Двери на ключ он не запирает, за столько лет пожилой мужчина так и не научился быть богатым и держать своё состояние под семью замками как все остальные толстосумы. Потому и пройти по всему его особняку в поисках нужной комнаты не составило ни малейшего труда.

– Юный принц! Не думал, что вы меня когда-нибудь навестите! – Гальфрид едва не опрокинул склянки от удивления.

– Я уже давно не юн, а принцем не являюсь ещё дольше. – Маг смущённо улыбнулся, перехватывая Калиду поудобнее.

– Простите меня, это просто старая привычка. – Хозяин дома положил руку на грудь и слегка поклонился.

– Я уже заметил, что время изменило вас только внешне,

все ваши привычки и повадки остались прежними.

– Ваша, правда. Вижу, вашей даме нужна помощь, кладите её на стол. – Медик указал рукой на высокий, длинный стол белого цвета, с большим количеством коричневых кожаных ремней по бокам.

– Она не моя женщина, скорее мой компаньон по несчастью. – Некромант аккуратно и медленно положил волшебницу на стол животом вниз.

– Я немало наслышан о том, как вы вновь подняли восстание против короны. Я так смотрю, у вас никак не ладятся дела с монархами. – Врач принялся срезать с Калиды скатерть.

– Что ж поделывать такие у нас короли. – Альберцион насто-роженно прислушался к шагам на улице, а затем одним глазом посмотрел в окно, скрывшись за шкафом.

– Какой ужас. Так это её истязали в башне. С утра крики были слышны даже здесь, а потом они умолкли, и я решил, что несчастный отмучился, наконец. И принялся наводить порядок. Знаете, уборка меня всегда успокаивает. Не можешь навести порядок в царском дворе, так приберись хотя б в своём хлеву. – Лекарь отбросил разрезанную ткань и достал иглу с нитью из комода.

– Вы её недооценили, Калиду избивали всё это время. С того момента как я забрал её с башни солнце лишь едва сдвинулось. Так что стойкости этой девушки позавидовали бы многие.

– Вынужден вас расстроить, но с такими травмами ей дол-

го не прожить. Я, конечно, залечу все её раны, однако тело всё равно не успеет восстановиться. И через три дня она умрёт. Поверьте мне, старому лекарю, я корпел над людьми с подобными повреждениями, и все они непременно умирали, не смотря на то, что их раны я залатал. – Несмотря на старость, он довольно быстро сшивал лоскутки кожи. Его движения были ловкими и чёткими.

– Эта девушка вовсе не так проста, как вам кажется. В ней сокрыта настолько огромная сила, что я порою сомневаюсь, а человек ли она вообще.

– Так она маг, как и вы? – Гальфрид посмотрел на гостя. – Оо, я вижу, вы тоже ранены. Давайте окажу вам помощь.

– Не стоит, мои раны могут и подождать. – Он замахал руками и свёл брови так, чтобы даже плохо видящий заметил какой для него это пустяк.

– Как прикажете. – Смиренно отреагировал старик. – Позади вас стоит тумба, в ней заплесневелый хлеб, а на ней графин полный чистой воды. Вы у нас воин опытный, прекрасно знаете, что с этим делать.

– Она действительно маг. – Падший принц не акцентируя внимания, промывал свои раны доведёнными до автоматизма движениями. – Только не такой как я, она куда сильнее. Возможно, волшебников такой силы свет ещё не видывал. Она только начала обучение, поэтому и не смогла выбраться, но когда она освоится, то сможет весь мир в труху измолоть и кренделем выложить.

– Если эта девушка настолько сильна, вы полагаете разумным учить её магии. Может пусть лучше останется в неведении?

– Бойтесь, что она может свернуть не туда.

– После того что с ней сделали, я в этом убеждён. – Он поправил, сползшие с переносицы на кончик носа, очки.

– Не стоит бояться будущего, каким бы мрачным оно не представлялось. Иначе мы все погибнем, так ничего и не достигнув. Калиде дана огромная сила, и я обучу её как ей пользоваться. А уж она сама решит, куда её направить. У меня нет права решать за неё. Риск, это неотъемлемая часть всех наших достижений. Мир не покорить, боясь покинуть дом. – Поставив почти пустой графин на место, чародей принялся макать в свои раны покрытый плесенью хлеб.

– Есть разница между риском и безответственностью. Разве вы хоть раз вели армии в атаку, не имея запасного плана или резервного полка за спиной? Вы бок о бок вместе со своим отцом завоевали не одно королевство. Разве это результат безрассудного риска? В нашей жизни мы все немало рискуем, однако умные люди идут на риск, имея запасной план. А у вас он разве есть?

– Нет у меня запасного плана, но и выбора у меня тоже нет. Она вместе со мной угодила в такую ситуацию, из которой только два пути: либо победить, либо погибнуть. Третьего нам не дано. Потому-то я и не могу оставить её без защиты. Я обязан научить её сражаться, иного шанса у неё

спасти не будет.

– А разве вы не сможете защитить её? Я заметил, как вы на неё смотрите. Вы ведь хотите провести рядом с ней всю свою жизнь? – Гальфрид закончил сшивать и начал омыwać спину волшебницы.

– Я конечно хорош в бою, но не всемогущ. Меня тоже можно убить. Однако вы абсолютно правы, больше всего на свете я хочу быть именно рядом с ней. Но я слишком стар для неё, ей нужен кто-нибудь хотя бы лет на пятнадцать младше меня. Я уже считай старик, не думаю, что мне долго осталось.

– Вы вдвое младше меня Альберион, а уже собрались помирать. И поставили крест на своей личной жизни.

– Не всем дано прожить такую долгую жизнь, как вам. Многие в этом мире умирают, не дожив до тридцати, а мне совсем скоро будет сорок два. По-вашему это достаточный возраст для начала семейной жизни?

– Тут вы правы, не всем нам дан долгий век. Но зачем хоронить себя раньше времени. Да вы можете прожить год, а можете десятки лет. Никто этого не знает, даже вы и уж тем более я. Но одно я знаю точно, никогда не решайте за женщину, какой мужчина ей нужен. Наши главные отличия в том, что мы, мужчины, точно знаем чего хотим в жизни и упорно идём к своей цели, но при этом и понятия не имеем, какая женщина нам нужна рядом, чтобы мы стали счастливыми. Женщины же не знают, чего хотят от жизни, но они точно знают, какой мужчина им нужен, чтобы стать счастли-

выми. Они такие вещи сердцем чуют.

– Я понимаю, что вы говорите, но не понимаю, что вы имеете в виду.

Врач начал доставать из комода тряпочные ленты.

– Приподнимите девушку, чтоб я мог её перевязать. – Маг подошёл к столу и, взяв спутницу за плечи, приподнял её торс. – Я хочу вам сказать юноша: если женщина говорит вам, будто вы предназначены друг для друга, то так оно и есть. Доверьтесь её сердцу, если не верите своему.

– Я слушаю только голос разума. – Твёрдо заявил падший принц.

– Тогда вы умрёте одиноким юноша. Я закончил перевязку, так что аккуратно кладите девушку обратно. – Волшебник проявил максимальную осторожность, на которую был способен, у него даже пот на лбу выступил от волнения. – Отлично. Теперь пойдёмте есть, до ночи ещё далеко. Вы ведь покинете город ночью?

– Нет, я полагаю, стражники совсем скоро начнут прочёсывать дома. Так что я бы предпочёл погрузить Калиду в карету и умчаться отсюда как можно скорее.

– Но вам ведь понадобится провизия? – Он снял очки и взглянул на него.

– И деньги, немало денег. – Некромант выглядел несколько виновато.

– Ну, этого у меня полно, так что дам столько, сколько потребуется. Только вот не советовал бы вам брать карету.

Вашей спутнице несколько дней нужно лежать, не вставая, даже сидеть нельзя. У меня есть телега, на которой я вожу неходячих больных, она очень хорошая, крепкая с кожаной крышей. Рекомендую вам взять именно её, в моих каретах вам негде будет положить свою волшебницу.

– Что ж, значит возьму её. – Он несколько раз медленно кивнул.

– Тогда прошу вас, за мной, на первый этаж. Поможете мне складывать еду в мешки. – Гальфрид указал на дверь.

– Знаете, мы с вами сейчас, так много разговаривали, но я так и не спросил, а как поживает ваша дочь Алаиза? – Они вышли из кабинета и отправились налево по холлу, застеленного зелёным ковром с красными узорами.

– Замечательно! Она вышла замуж за приличного человека из дворянского рода. И родила мне двух замечательных внуков и внучку. Живут в небольшом городке, недалеко от столицы.

– Рад это слышать. Надеюсь, внуки так же умны, как и их дедушка.

– Ну что вы, они уже умнее меня. Возможно, скоро я и правнуков увижу. Даже не представляю как бы я жил без моей малышки. Я рад, что тогда рядом с ней оказались именно вы, господин. Другой на вашем месте не заступился бы, и меня бы лишили дочери.

– Не стоит об этом думать. Всё уже давно в прошлом.

Повозка, чтобы не тревожить раны Калиды, медленно двигалась по узенькой дороге вдоль настолько маленькой речушки, что её не наносили даже на самые подробные карты. Несмотря на начинающийся рассвет погони за ними всё ещё не было: Альберийон вырвавшись из города, буквально одним заклинанием разрушил за собой колоссальный по своим масштабам мост, уверенно простоявший не одно тысячелетие. Теперь к мятежу и цареубийству ему припишут ещё и вандализм, ибо строение было одной из архитектурных и исторических ценностей.

Выбраться же из самого Анрета, для человека его уровня способностей, тоже не представлялось трудным – пару защитных заклинаний и их телега пробивалась сквозь заграждения стражников как таран через деревенский забор. Вот только ехать пришлось очень быстро, что для чародейки было опасно. Но всё обошлось. Гальфрид проделал потрясающую работу и не один шов не разошёлся. Она даже не пришла в себя от боли, которую испытывало её тело при такой быстрой скачке. Возможно, это и не было хорошим знаком; маг начал волноваться: всю ночь его голову посещали не очень радостные мысли. Однако утром все они растворились, едва он заметил медленное движение её руки.

– Не стоит этого делать. – Воин даже не повернул головы в её сторону, но он прозвучал громко и грозно.

– Чего именно? – Она едва дышала и все ещё хрипела.

– Не нужно щипать себя. Ты не спишь; это не галлюцина-

ция. Я действительно вытащил тебя из того города. И за нами даже нет погони. Ты в безопасности. Так что расслабься, всё уже в прошлом.

– А вот болит до сих пор.

– Через час я сделаю привал и напою тебя и лошадь, ну а пока ты уж потерпи. Всё будет хорошо. – Он слегка развернулся к ней и взял её за руку.

Через мгновение некромант снова сосредоточился на дороге, схватившись за вожжи. Кожаный брезент, натянутый над повозкой, закрывал Калиду от солнечных лучей со всех сторон кроме той, где сидел сам Альберийон – ему было необходимо следить за состоянием спутницы.

– Почему он нам помог, ну тот лекарь? Почему Гальфрид нас не выдал? – В голосе Калиды слышалось некое ободрение, кажется, разговоры отвлекали её от боли, страдания и грусти.

– Когда-то я спас его дочь. Мне тогда было всего девять, а ей, то ли семь, то ли восемь. – Он по-прежнему не сводил глаз с дороги.

– Удивительно, хочу знать подробности. Как это случилось? – Она попыталась приподнять голову, чтобы взглянуть на учителя, но острая боль в спине заставила её немедленно передумать.

– Да там ничего удивительного. Моя мать внезапно тяжело заболела, и отец приказал Гальфриду явиться в Вирган. Поскольку прислуги тот не держал, а его жена уже была мерт-

ва к тому времени. Подумать только, как порой наша жизнь не справедлива, этот старик вылечил многих в королевстве, однако не смог исцелить супругу. В общем, оставить свою единственную дочь ему было не с кем.

– И он привёл ту прямо во дворец?

– Именно так. Лечение тянулось несколько дней, и пока Гальфрид корпел над королевой, его дочь Алаиза играла вместе со мной. В один из дней она разбила вазу в главном зале.

– Я так подозреваю что непростую? – Волшебница осторожно потрогала лицо, опухоль стала немного сходить.

– Семейная реликвия матери, передавалась в роду Борнел на протяжении четырёхсот лет. – Падший принц несколько помрачнел, от воспоминаний.

– Простолоудина бы за такое казнили.

– А она и была простолоудинкой. Хоть Гальфрид и известный на всю страну медик, и один из богатейших людей. Он вовсе не принадлежит к дворянству ни к высшему, ни к низшему. Ты была права, когда говорила, что для знати их вещи дороже жизни черни. Слуги увидели, как она разбила вазу и повели её к королю.

– Бедная девочка, как она, наверное, была напугана в тот момент. – Из-за хрипоты сострадательный тон в голосе Калиды был плохо различим.

– Даже я в этой ситуации за неё испугался. Не представляю, какого было ей тогда. В общем, недолго думая, я по-

бежал к отцу. Добравшись до него раньше прислуги, сказал ему, что я разбил мамину вазу. Затем вошёл слуга и донёс, что это сделала Алаиза.

– И Кэривульф поверил тебе. – Чародейка попыталась лечь поудобнее, но ничего не вышло, боль сковывала тело при любой попытке двигаться.

– Мне кажется он понял что я вру, но решил что данная ситуация хороший способ проверить твёрдость моего характера. Ему захотелось узнать: сломаюсь ли я и расскажу всю правду, если меня сурово наказать или же продолжу гнуть свою линию, как подобает мужчине.

– А я как-то угнала коня. В нашей семье никогда не было лошадей, они для нас слишком дорогие. Но они мне так нравились, мне очень хотелось прокатиться на них хотя бы разок. Так что, в одну из ночей, я пробралась в соседский сарай и выгнала оттуда жеребца, с трудом взобравшись на него, мне тогда было десять, я проскакала на нём аж целых сто метров, затем он меня сбросил. Упав, я сильно ушибла ногу и хромала потом недели две. Чуть ли не ползком я добралась до дома. – Несмотря на боль, она радостно улыбалась и тихо смеялась, рассказывая эту историю. Эти воспоминания явно были у неё из разряда счастливых, хоть и окончились неудачей.

– И что родители тебя не поймали?

– Нет. Наутро отец сказал мне, что кот-то пытался украсть у соседей лошадь. А затем спросил, не я ли это часом.

– Что, неужто ты призналась?! – Альбертион повернулся к ней.

– Разумеется, нет. Я ответила, что всю ночь спала и ничего не знаю об этом. По-моему, он мне тоже не поверил, но наказывать меня он не стал, видя как мне и без того больно. Думаю, наши родители всегда знают, когда мы лжём.

– Полностью с тобой согласен. Вряд ли мы могли бы хоть что-то от них утаить.

– На мой взгляд, твой поступок очень храбрый для девятилетнего мальчика.

– Да чего там храброго, я же принц, мне голову не отрубят, я это прекрасно понимал. В наказание меня всего лишь на несколько лет отправили батрачить в конюшнях. Работа конечно тяжёлая и для наследника престола унижительная, но зато там я много общался с простолюдинами, узнал, как они живут. Из высоких окон дворца мне казалось, что у всех жизнь радостная и беззаботная. Но общение с незнатными людьми заложили во мне зёрна сомнения. И потому, в дальнейшем, во времена наших путешествий по стране, я каждый вечер прикидывался чернью и расхаживал по городам, в которых мы останавливались, спрашивая у людей, как они живут. Когда же отец стал брать меня на военные походы, то на привалах я не сидел в генеральских палатках, а ел у костра с обычными солдатами и слушал их истории. И чем больше узнавал об их жизни, тем сильнее понимал, насколько наш народ страдает от непомерной жажды власти отца.

– И однажды ты не выдержал и поднял восстание?

– Да. Именно так. Я знал, что отца нужно остановить, но не знал как. И ничего лучше вооружённого восстания мне в голову не пришло.

– И тебя за это не казнили!

– Я же старший сын монарха. По нашим законам мне не отрубят голову ни за разбитую семейную реликвию, ни за мятеж, ни даже за убийство.

– А сколько людей ты убил Альберион?

– Не сосчитать. Одних только королей лично мною убито четверо и это только на поле боя. А уж остальных... даже и не вспомню сколько их. Скольких людей убили по моим приказам, и представить страшно. Меня нельзя назвать хорошим человеком Калида, на моих руках море крови. – Мятежник тяжело выдохнул.

– Ну а я шлюха и конокрад. Так что не переживай, мы все не без тёмных пятен на нашей белой совести. – Она попыталась утешить его.

– Я и не переживаю, я всегда поступаю так как считаю необходимым, даже если это неправильно с точки зрения морали и все вокруг меня за эти поступки потом возненавидят. Просто хотелось бы решать конфликты без кровопролития.

– Думаешь, такое возможно?

– Не знаю, ну да это сейчас и не главная наша проблема. – Воин вновь взял управление повозкой в свои руки.

– А какая главная?

– То, что ты снова осталась без одежды.

– Полагаю, находясь рядом с тобой, я буду часто оказываться голой.

– Какого же ты плохого обо мне мнения.

– Неправда, я плохого мнения обо всех мужчинах.

Их смех спугнул стаю птиц с ветки; лошадь дёрнулась, но продолжила идти.

Вопреки словам старого лекаря, юная чародейка не погибла через три дня. Её тело успело восстановиться за это время, и спустя неделю раны превратились в рубцы, а через две недели она смогла ходить. Только ходить ей было не в чем. Одеяло, которым её укутали, не походило хоть на какое-то подобие одежды.

Вокруг них в тот момент, лишь Салас являлся единственным крупным городом поблизости: только его пятидесяти-тысячная толпа жителей позволяла оставаться незаметными для прочих. Уведя телегу подальше от дорог, Альберион оставил ученицу под присмотром коня и отправился за одеждой.

Вернулся только через четыре часа со свёртком, в котором находилось: пара белых чулок и камиза. Платьем в этот раз был не устаревший в обществе упленд ужасной расцветки, а модная тёмно-бардовая гамурра, сшитая из сукна на меху с белыми кружевными вставками вокруг ворота и по краям рукавов. Также внутри находились: меховой серый плащ с

капюшоном и бархатные чёрные полусапожки на деревянной подошве. Пусть холода пока ещё не наступили, но до календарной зимы оставалось всего несколько дней, поэтому наилучшего времени для закупки тёплых вещей не придумаешь.

Этот год верен себе как настоящий упрямец: он начинался с размякшей талой зимы, перетёкшей в невиданную веками сухую и жаркую весну, продолжившуюся изнуряющим своим зноем летом, сменившей его зелёной осенью, где листья на деревьях пожелтели только к концу ноября. Но всё равно холода уже начинали приходиться, постепенно отвоёвывая не только ночь, но и поздний вечер, потому надеть дополнительную пару чулок стремился любой мудрый человек.

Выложив всю одежду перед волшебницей, падший принц отошёл от телеги на такое расстояние, словно та могла взорваться.

Довольная тем, что в этот раз можно переодеться без посторонних глаз, не считая, лошади ни проявлявшей к происходящему никакого интереса, а просто щипавшей мирно травку, Калида не торопилась. Устроившись на одеяле и мешках с провизией поудобней, чародейка натягивала на себя все эти тряпки, старательно завязывая каждую верёвочку. Только плащ она накинула на плечи после того, как вышла из повозки.

– Я готова! – Она помахала вытянутой рукой стоящему вдалеке учителю.

Он тут же направился к ней, на нём тоже был надет но-

венький серый плащ.

– Ну, как я выгляжу? – Волшебница подождала, пока маг подойдёт достаточно близко для разговора.

– Ты как всегда прекрасна. – Альберцион практически не посмотрел на неё, но в остальном был вежлив и учтив. – Вот только это ещё не всё. В прошлый раз нам было не до того, но на этот раз я позволил себе потратить время на поиски всех необходимых деталей гардероба.

– Ты это сейчас о чём? По-моему я полностью одета. Мне не требуется ещё чего-то. – Она сморщила лоб, пытаясь понять, что с ней не так.

– Согласно современным правилам моды, у человека, будь то женщина или мужчина, на поясе должно что-нибудь висеть. Ну, знаешь, кошелёк там, платок или вот... – Некромант достал из кармана кинжал и протянул его чародейке.

– Это моё?! – С блеском в глазах она приняла его. Оружие было длинной как две её ладони, прямой заточенный с обеих сторон клинок из семислойной стали блестел на солнце, отражая всё вокруг. Простое перекрестье защищало руку от порезов; обитая коричневой кожей, рукоять позволяла держать кинжал уверенно.

– Я просто подумал, что кинжал будет куда полезнее шёлкового платка или поясной сумки с узорами.

– Правильно подумал. – Она внимательно разглядывала подарок.

– Вещи, инкрустированные драгоценными камнями или

украшенные дорогими металлами прерогатива знати, а мы с тобой должны походить на простолюдинов. Поэтому он довольно простой, но надёжный, в схватке такой не подведёт. — Голос мятежника стал робким, почему-то рядом с ней он терял уверенность в себе.

Парадоксальное чувство, ему и раньше храбрости было не занимать но, видя её, он становился ещё смелее, и вместе с тем чувствовал себя уязвимым. Что-то внутри Альбериона твердило, что Калида любым неосторожным словом способна ранить его. Если бы она сказала, что подарок не нравится и лучше бы он купил сумочку, то боль в его груди стала бы куда сильнее, чем в те моменты, когда его протыкали копьями или оскорбляли стражники в темнице, или когда отец кричал что тот ему больше не сын.

(Почему меня к ней так тянет, если она столь опасна для меня? Это всё сводит меня с ума, вернее она сводит меня с ума. Безумство, мои чувства к ней постыдны. Её отец наверняка был лишь на несколько лет старше меня. Я должен подавить чувства к ней. Но почему это сделать так тяжело? Почему я не могу решиться? Сомнения — кратчайший путь к могиле.)

(Самонадеянность тоже.)

Последняя фраза прозвучала как-то необычно, словно у внутреннего голоса Альбериона появился свой собственный внутренний голос. Или в бывшем принце поселилась ещё одна личность.

(Похожье, Калида повредила мне рассудок, и теперь я начинаю постепенно выживать из ума, словно могущественные маги прошлого.)

Он усмехнулся, осознав паранойю, творящуюся у него в голове. Как бы сильно не терзала его совесть до маразма ему ещё далеко.

– Мне очень нравится! – Волшебница, довольно улыбаясь, закрепила ножны на поясе. – Простой, но надёжный. Я таких люблю.

Она похлопала Альбериона по груди глядя ему в глаза.

– Я ещё кое-что купил, забыл упаковать в свёрток. Холода пока не наступили, но совсем скоро тебе это понадобится. – Маг достал из кармана фиолетовые перчатки, она взяла их и тут же повесила на поясе, только в отличие от кинжала расположились они на правом боку.

Все необходимые приготовления были завершены и Альберион, взобравшись на повозку вслед за волшебницей, направил коня в сторону города.

Салас сильно отличался архитектурой от предыдущих городов, в которых они останавливались: больше остроконечных крыш и меньше высоких зданий. Столь ненавистных Калидой башен почти нигде не виднелось.

Местные зодчие выделялись любовью к мрачным цветам, гротеску и общей суровостью. Вместо белого базальта, столь любимого строителями на юге, тут применяли более проч-

ный серый гранит. А в конструкциях домов наблюдалось, куда большее количество древесных сооружений. Что совсем не удивительно, всё же климат здесь был прохладнее, а дерево удерживает тепло внутри дома лучше любого другого строительного материала. Даже черепица здесь была коричневой, вместо столь привычной глазу волшебницы, алой или голубой.

В общем, всё здесь говорило о том, что это поселение строили люди другой культуры и быта, приверженцы иных традиций, нежели на юге.

Свой гужевой транспорт Альберийон оставил в конюшнях за чертой города. Он щедро заплатил конюхам за кормёжку и чистку лошади. Ценного в повозке ничего не оставалось: провизия понемногу подходила к концу, а деньги умещались в двух простых поясных сумках.

Достопримечательностей тут особых не было, потому устраивать экскурсию для чародейки маг не стал. Они сразу направились в место, где можно пополнить запасы и переночевать на чистой и мягкой постели.

На этот раз останавливаться в таверне, где обитает всякий сброд, путники сочли нецелесообразным. Они сняли покои в постоялом дворе. Знать тут конечно не обитала, для них здесь было простовато, но вот простолюдины, чьи кошельки трещали от золота, в подобные заведения ломались. Как правило, большинство из них это путешествующие торговцы и странствующие барды.

Разумеется, обитавшего в изысканных дворцах принца, подобное заведение впечатлить не могло. Зато деревенскую девушку, пусть даже и работавшую в столичном борделе, данное сооружение поразило: многочисленными фонтанами у входа и цветами, красующимися яркими распустившимися бутонами, невзирая на стартовавшие ночные заморозки.

Внутри здание выглядело так, словно его построили в другом городе, а затем перенесли сюда. Тусклые угрюмые тона сменились весёлыми и яркими красками. Залы и коридоры полны непростой резной мебели из отличной древесины и кожи. И на свечах тут не экономили, светило настолько ярко, что можно писать стихи, сидя в самом углу трапезного зала. Чем многие и занимались.

Пройдя мимо нескольких поэтов, а может и писателей. Мятужники устроились в удобных креслах за четырёхугольным столом, накрытым жёлтой скатертью. Подоспевшей к ним официантке, некромант заявил, что снимет у них номер на одну ночь с двумя спальнями, а также желает, дабы они собрали ему провизию на несколько недель пути. (Подобные услуги в таких заведениях предоставлялись повсеместно, многие посетители именно за этим сюда и приходили. И получив продукты, тут же отправлялись дальше, предпочитая ночевать в дороге, а не на кровати.) Затем он велел, чтобы к их столику подали сытный ужин полный жирной пищи и хмеля. Получив полный поднос золотых монет, служанка поклонилась и ушла передавать пожелания клиента управ-

ляющему.

– Учитель, я всё стесняюсь у вас спросить. – Калида теребила край скатерти.

– Спрашивай всё что хочешь. – Падший принц осматривал окружающих.

– Как вы пришли в себя, тогда в лесу? Когда поняли что я, вас не придавала? Да и что вообще произошло? – Ей было неудобно задавать эти вопросы, полагая, что ответы последуют весьма неприятные. Однако ей требовалось знать правду.

Возле узкой стены между двух больших окон смотрящих во двор с фонтанами, возвышалась небольшая сцена, на которой мог выступить каждый желающий из посетителей вооружённый вдохновением и бумагой. Или внезапно открывший в себе певческий талант после нескольких выпитых кружек крепкого напитка.

Один из остановившихся здесь бардов как раз решил порадовать окружающих своим, без сомнения заслуживающим зависти, даром. Успокаивало лишь то, что он однозначно был трезвым, следовательно, по нотам точно не промахнётся.

Однажды принц в пылающем безумье,

Врагом стал для своего отца.

Недолго маявшись в предательском раздумье,

Войной пошёл, не пряча от семьи лица.

Решив, что ни вокальные данные менестреля, ни сама песня не заслуживают ни малейшего внимания, маг продолжил беседу.

– Какой-то зверёк решил пометить ветки, которыми ты меня накрыла. И запах его мочи оказался настолько резким, что моё побитое тело сиюминутно пришло в сознание, дабы убраться оттуда подальше.

Калида тихо и глуповато захихикала, смущённо прикрыв рот руками, словно не слышала историй более похабных и смешных. Недопонятый же гений продолжал голосить со сцены.

Но в бою ужасном был сражён стрелою,
И не был он убит железною рукою.
А пленником очнулся под крепостной стеною,
В темнице повстречав правителя страную.

– У меня и в мыслях не было, будто ты могла меня предать или бросить. Если бы ты просто хотела сбежать, то не стала бы меня прятать. Поэтому я сразу же отправился на твои поиски, вот только, я и не предполагал, что ты добралась до города. Мне представлялось, будто тебя поймали стражники в лесу, и ты лежишь где-нибудь в кустах голая и изнасилованная, как, правда. Эта моя глупость, стоила тебе пары дополнительных часов проведённых на вершине башни.

– Мне тогда казалось, что время остановилось. Понятия

не имею, как я смогла выдержать подобное. Иногда я боюсь, что проснусь не здесь, а в этой проклятой баше или в том сраном борделе. Знаешь мне ведь почти каждую ночь снится всё это, а ещё те трое стражников из академии магов, что хотели изнасиловать меня до смерти. Никак не могу выбросить из головы их мерзкие лица.

Но не отправил сына монарх на эшафот,
Шутом оставил развлекать придворный сброд.
Насмешки лишь приумножили в безумии забот,
И принц в опале перебил свой благородный род.

Продолжал вовсю голосить скромный творец искусства, старательно пытаясь преумножить число своих почитателей здешним контингентом.

– Не терзай себя милая моя, когда ты закончишь обучение магии, то станешь сильнее целой армии. И тогда больше никто не посмеет прикоснуться к тебе или оскорбить тебя. – Её ладони лежали на столе, и мятежник коснулся их, смотря ей прямо в глаза. Его взор и поведение источали такую сильную уверенность в своих словах, что волшебнице сразу же стало спокойней и легче. Однако кое-что в его словах чародейку насторожило, всё же она услышала нечто для себя неприятное.

– Сильнее целой армии говоришь. – Стиснув зубы она «опалила» его злым взглядом из-под сведённых бровей. –

Так вот почему ты со мной возишься. Вот почему приходишь мне на помощь. Вот зачем меня обучаешь. Вот кто я для тебя.

Калида сделала наибольшую паузу, собираясь с решимостью и уводя нотки обиды, прочь из дрожащего голоса.

– Я для тебя всего лишь оружие, что поможет взобраться на трон.

– Не капризничай. – Ответ некроманта был жёстким и холодным как это часто происходило. Он отстранился, убрав руки обратно на подлокотники кресла.

Калиде захотелось разрыдаться от горечи. Его слова причинили ей боль, куда большую, чем всё случившееся до этого. Но после пытки в Анрете она пообещала себе, что больше никогда не будет плакать. И это обещание волшебница сдержит, во что бы то ни стало.

Подкатившие к глазам слёзы ушли, а вместе с ними исчез и гнев. На их место пришли иные мысли: быть его тузом в рукаве на грядущей войне, на которую он поставил всё, не самый плохой старт отношений. Её любимый мужчина нуждается в ней, да, не так как ей хотелось бы. Но всё же, она ему нужна и пускай лишь как маг. Однако у неё будет достаточно времени с ним наедине, чтобы убедить его в том, что она может представлять для него интерес не только как воин.

– Хочешь, чтобы я была твоим верным солдатом? Я им буду. Я пойду за тобой в любую точку мира, сделаю всё, что прикажешь и буду, кем скажешь. Всё чем я владею, все, что я

умею, вся моя сила в твоём полном распоряжении. – Этими словами она хотела спровоцировать Альберiona.

Ну не может мужчина никак на подобное не отреагировать: либо возмутиться, либо засмущается, либо возбудиться. Но он смог, сделав вид, будто и не слышал её вовсе. Устался на этого несчастного барда.

Её взбесило такое возмутительное игнорирование, на подобные речи из уст девушки всегда надо давать хоть какой-то ответ, а отмалчиваться – верх хамства. Чародейке захотелось вклепить пощёчину Альбериону, а затем пойти и отпинать бездарного барда, который всё не затыкался. Откуда у того деньги на пребывание в подобном заведении при таком «таланте», большая загадка.

Но на троне безумцам долго сидеть не суждено.

Дворцовыми предателями всё давно предрешиено.

Кинжал в груди у короля-шута и смех убитого отца.

Под гордой маской зла личины две у одного лица.

Ничуть не стыдясь за подобное творчество, менестрель покинул сцену; сев за стол закиданный бумагой, он продолжил творить свои недооценённые шедевры.

– Откуда только идеи находят для подобных песен. – Пробубнила Калида.

– Это не его песня, это фольклор местного населения. Этому произведению несколько тысяч лет. – Чародей потя-

гивал только что поднесённое пиво.

– Заметно. – Она сидела надув щёки, не обращая внимания на еду.

– «Король что смерть воспринимал как шутку», так вроде называется. Говорят что написано по мотивам реальных событий, но ни в одной истории государства никаких схожих прецедентов не было.

– Значит всё вымысел. – Она омыла руки в принесённой им чаше с водой.

– Даже такой вымысел краше нашей реальности. У Ласан много таких былин, очень творческий народ. Я думаю, тебе бы больше всего понравилась их песнь о «Деве и синем огне».

– И о чём же там говорить? – Её обида всё ещё не прошла, но любопытство оказалось сильнее уязвлённой гордости.

– Ну, петь я, конечно, не стану, а если вкратце, то там говорить о рыцаре, что вызволил девушку из плена злого мага. Тот, умирая от клинка воина, наслал на него проклятие. И теперь куда бы воин ни отправился, вокруг него шла ужасная снежная буря уничтожающая всё холодом и вихрями. Колдун сказал, что даже после смерти рыцаря, буря продолжит свирепствовать на километры вокруг его тела. Сам воин холода не страшился, он был настолько храбрым, что его сердце пылало жарким огнём. Но вот девушка замерзала, как бы тепло он её не укутывал. Понимая, что теперь он обречён на

одинокество, рыцарь вырезал своё огненное сердце из груди и отдал его красотке.

– Зачем? Почему он хотя бы не попытался разрушить проклятие? – Чародейка немного расстроилась случившимся. Эта история ей действительно понравилась, во всяком случае, она казалось ей лучше предыдущей песни.

– Это творчество эры «Золота и зерна» не придирайся к смыслу. – Альберион не скрывая раздражения, тряс рукой.

– Ну, хоть ни эры «Камня и глины» как та, что пел со сцены вон тот тип.

– Ты слушать-то будешь или нет?!

– Конечно, продолжай.

– Так вот, он попросил красавицу, чтобы та закопала его сердце в деревне, где он родился и рос. Она пообещала выполнить просьбу. Девушка легко вышла из бури, поскольку пылающее сердце воина согревало её сильнее многих шуб. А затем красавица направилась в указанную им деревню. Где и решила прожить всю свою оставшуюся жизнь, оберегая дар храброго воина. И когда час её смерти пришёл, она попросила местных, чтобы те похоронили её в обнимку с пылающим сердцем бесстрашного рыцаря.

– Это разумеется тоже вымысел.

– Как знать. Недалеко отсюда стоит город Тилас, в его центре есть здание, внутри которого горит голубое пламя, идущее прямо из-под земли. Некоторые верят, что именно там лежит сердце этого рыцаря.

– Прекрасная история. Отец рассказывал мне сказки о принцессах и рыцарях, похожих на эту песнь. Баллады о тебе тоже частенько слышались в нашем доме.

– Ты мне это уже говорила. – Утолив жажду пивом, он принялся за еду.

– «Повесть о принце, побеждавшем королей», также он пересказывал мне «Принц – чародей», «Дюжина захватившая замок». Тебе, действительно, удалось захватить замок с таким количеством людей?

– Нас была не дюжина. Нас было семнадцать.

– Всё равно впечатляет. Как тебе это удалось?

– Мы просто пробрались внутрь ночью и отравили там всю воду, а когда они все умерли, заняли пустой замок и дожидались прихода отца с армией.

– А там описывалась неравная героическая битва.

– Отец заплатил многим бардам, дабы те приукрасили историю, добавив в мой коварный манёвр больше чести.

– Так ты можешь жульничать?! Удивлена! Я считала ты человек чести.

– В обычной жизни, да. Но на поле боя я превращаюсь в зверя готового пойти на всё ради победы. После окончания битвы я порой сам себя не узнаю.

Покинули столовый зал мятежник и его ученица самыми последними. Они засиделись там настолько долго, что прислуга уже начала уборку в коридорах и на кухне, а также в прочих нежилых светлицах.

Номера постояльцев располагались, как и подобает в тавернах, на втором этаже, поднявшись туда, волшебник не мог не заметить, как плохо здесь вымыты полы. Уборщица не только размазала грязь из угла в угол, но ещё и плохо отжала тряпку: воды на полу было слишком много. Кем бы этот уборщик ни был его или её здесь держали однозначно не за навыки мытья помещений.

Почему же хозяин таверны терпел эту недобросовестную служанку, падшему принцу стало ясно сразу же, как только он её увидел. Она как раз мыла пол перед дверью их номера.

Поломойщицей оказалась милая девушка низкого роста, примерно на десять сантиметров ниже, чем Калида. Но обладающая при этом большой грудью, в отличие от чародейки, а так же немалой, но притягательной попой и узкой талией. Дополняло соблазнительный образ и очаровательное лицо, украшенное коротким курносом носом, карими глазами, маленьким слегка заострённым подбородком и плоскими щеками со слегка впалыми узкими полосами под скулами. Окончательно дорисовывали вид поэтической красавицы тёмно-красные волосы, заплетённые в две косы, достающие ей почти до колен.

Понятно было, почему владелец постоялого двора с радостью принял её на работу. Но вот зачем девушке с такой внешностью находиться здесь?

– Возьми стул и сядь вон в том углу. – Сказал маг спутнице, заходя в комнату. Та исполнила его приказ, устроившись

в углу, у стены противоположной к двери.

Схватив уборщицу за волосы, воин втащил её внутрь и швырнул на кровать.

– Прошу не делайте мне больно. – Тихо возроптала девушка. Она не стала кричать, звать на помощь, а наоборот, старалась как можно меньше привлекать к себе внимания, что добавляло ей подозрительности.

– Что ты делаешь?! – Калида вскочила со стула.

– Сиди там, где я тебе сказал! – Рывкнул он, захлопывая дверь.

– Не трогайте меня, не надо. – Служанка немного отползла назад.

– Думала, спрячешься здесь! Решила тут безопасно!

– Я не понимаю о чём вы. Прошу вас отпустите, я ничего не знаю. Я всего лишь простая горожанка, моя мать швея, а отец плотник. – Она закрыла лицо руками, боясь, что её сейчас ударят.

Калиде тоже показалось, будто Альберион в порыве гнева вот-вот приступит к рукоприкладству и она уже была готова броситься на защиту поломойки.

– Простолоудинка бы умела мыть полы, а ещё с её ногтей лак бы слез через несколько дней. Твой же явно держится уже не первую неделю. Так что не надо мне тут врать! Говори от кого ты здесь прячешься?! – Некромант наклонился к ней настолько близко, что они едва не соприкоснулись лбами.

– Они напали на нас ночью. – Уступила девушка, голос

её дрожал, но слёзы удержались внутри. – Мы праздновали заключение мира, все вокруг напились и отправились в свои жилища в здании магов. Я же решила провести ещё пару часов наедине со своим мужчиной там, где нас бы точно никто не увидел и не услышал. А когда вернулась, то увидела, как стражники вытаскивают трупы магов и слышала, как они хвастаются, кто скольких убил.

– Вот так-то лучше, говори, что было дальше. – Он присел на край кровати.

– Я тихо убежала и решила спрятаться в той части города, где меня никто не знает; в этом постоялом дворе останавливаются только приезжие, местных тут не бывает. Мне показалось, что это место идеальный вариант.

– Ты ведь понимаешь, что хозяин заведения держит тебя здесь не просто так? Учítывая, как плохо ты справляешься со своей работой, он явно рассчитывает получить от тебя «особую благодарность» и довольно скоро. А когда поймёт, что это ему не светит, то сразу же сдаст тебя стражникам. И что тогда? Что ты будешь делать? – Мятежник убрал свой грозный тон, заменив его строгим.

– Понятия не имею. – Она помотала головой. – Я думала сбежать из города, но совсем не знаю куда идти. Да и смысл, куда-то идти? Облавы на волшебников устраивают по всему королевству. Я, конечно, слышала о провинциях, поднявших восстание против нового короля, посчитавших его указ об истреблении магов предательством, но до них отсюда путь

не близкий. Мне не за что не преодолеть такую дорогу в одиночку, без денег и транспорта.

– К твоему счастью у нас есть и то и другое. И направляемся мы как раз на север, где собираемся вступить в армию мятежников.

– Вы хотите сказать, что я могу отправиться с вами?! – Девушка поочередно смотрела то на Калиду, то на Альбериона.

– Если решишься, то завтра в пять утра стой у крыльца со всеми своими вещами. А теперь ступай нам нужно отдохнуть.

Красноволосая девушка быстро кивнула и выскочила из комнаты как волк из опостылевшей железной клетки.

– Так эффективней добывать информацию. – Ответил некромант на немой вопрос, читаемый в глазах ученицы. – Грубо, но практично. Резкость заставляет загнанного в угол человека быстрее раскрыться.

– Эффективней?! – Возмущённая волшебница медленно приближалась. – Да она тут чуть кровать не обмочила! Да что она, я сама едва не опросталась, видя тебя такого! Ты обалдел так с людьми обращаться?! Это ж бесчеловечно!

– Не читай мне нотации! Ты и понятия не имеешь, во что мы ввязались! Тебе не ведомо что такое война! Если мы проиграем, то снами сделают такое, что даже словами описывать жутко. Потому я сделаю всё ради победы.

– Неужели ради этого ты готов лишиться сострадания? –

Она наморщила лоб, не веря, что её герой может быть таким.

– Я уже дважды ответил на этот вопрос. И не стану отвечать в третий, так что дай мне поспать. – Одним движением руки Альберийон убрал покрывало с кровати и начал раздеваться.

Калида бросила свой плащ на стул и принялась расплетать завязки платья, уютившись на противоположной стороне койки.

– Ты зачем уселась на мою кровать? – Он был раздражённым и злым, готовым вот-вот вцепиться кому-нибудь в глотку.

– Мне что, на полу спать? – Она резко развернулась к нему.

– Я же при тебе заказывал апартаменты с двумя спальнями. Вон там, рядом со шкафом есть дверь, за ней и находится твоя комната, там есть всё: кровать, зеркало, ещё один шкаф. – Он небрежно указал пальцем на неприметную дверь, едва видную из-за книжного стеллажа стоявшего впритык к дверным петлям.

– Ты заказывал это несколько часов назад я уже и не помню, что тогда было и, о чём мы разговаривали. А эту дверь я в полумраке не заметила, тем более что отсюда её скрывает этот дурацкий шкаф. – Чародейка немного покраснела, она чувствовала себя слегка глупо в данных обстоятельствах.

– Ну, теперь-то ты знаешь куда идти.

– Спокойной ночи Альберийон. – Она быстрым движением

подхватила плащ.

– Сладких снов Калида. – Его зевота замяла слова.

Выкормленная и вымытая лошадка, поддалась атараксии, словно съевший сметаны кот, и медленно тянула телегу, в которой теперь обитало трое двуногих.

– Меня зовут Джезэбел Элиас. – Представилась новенькая. Свои косы она распустила, дав им полную свободу, что шло ей куда больше.

– Это очень древний и уважаемый род. Как поживают ваш отец Деймон и ваша матушка Матильда? – Некромант очень удивился, услышав эту фамилию.

Конечно же, ему было очевидно, что их новая спутница из знати. Но настолько высокое происхождение этой беглой волшебницы стало для Альбериона весьма неприятным сюрпризом. Её дед был королём Ретнии, которого он лично сразил на поле боя, командуя конницей. После чего вступивший в наследство Деймон, сразу поклялся в полной и безоговорочной преданности своего народа Кэривульффу и его потомкам в обмен на обещание сохранить жизнь его дочери. Тёмный лис сохранил жизнь не только ей, но и её родителям и всей знати. Обычно отец так не поступал: захватывая очередное королевство, он всегда вырезал всю правящую династию и знатные дома, состоящие с ними в близком родстве, дабы избежать бунтов в дальнейшем. Тут же он просто забрал девочку в столицу, а затем отдал ту на обучение магам,

когда выяснилось, что в ней есть магическая энергия.

Альберциону тогда было всего тринадцать, и он со страхом смотрел на эту двух или трёх летнюю девочку. Страшась, что именно ему прикажут убить королевскую чету. Но это оказался не тот час, чтобы становиться убийцей. Все остались живы и бывшим правителям разрешили не только переписываться с дочкой, но даже навещать её в Виргане раз в три года.

– Хорошо, вроде бы. Я их давно не видела, последнее письмо и то отправляла полгода назад, а ответа так и не получила.

– Не переживай, напишешь ещё одно, когда доберёмся до места. – Калида одарила её самой ободряющей улыбкой, на которую была способна. – Теперь моя очередь представиться. Меня зовут Калида, а этот вечно смурной тип, есть не кто иной, как мой учитель магии Альберцион.

– Рада знакомству. – Улыбнулась новенькая.

– Это тот самый Альберцион. – Калида прикрыла одну сторону лица ладонью, будто боялась, что он их услышит.

– Правда, тот самый! – От удивления, Джекзбел заговорила слишком громко. – Сильнейший маг за последние два века! Я же читала о вас в учебниках по магии. Там говорилось о том, что вы выучили тысячу заклинаний уже к десяти годам. Сражались в битвах, объединяя заклинания непостижимым никому образом. И составили несколько десятков собственных, я, кстати, некоторые из них знаю.

– Отлично. Значит, мне не придётся тебя ничему учить. А вот Калиде бы не помешало вновь взяться за уроки, раз раны зажили. – Конь довёз их до развилки, на которой чародей повернул животину на право. До следующего крупного города было чуть больше трёх недель пути.

– Да я всегда только за. Я люблю учиться. – Она ничуть не лукавила.

– Ты научилась извлекать из себя энергию и направлять её, теперь тебе надо научиться придавать ей силу стихий. – Он внимательно следил за дорогой, будто они едут по тонкому льду, и не поворачивался к девушкам, словно последний хам.

– Мне в этом упражнении помогали чувства. – Джебел решила тоже в уроке поучаствовать. – Владеть огнём я научилась в ярости и гневе. Управлять льдом мне помогали хладнокровие и сдержанность. Камнем я повелевала, будучи полна решимости и уверенности. Подчинила воду только благодаря умиротворённости и расслабленности. А вот что мне помогало давать моей магии силу ветра, я хоть и освоила эту стихи первой, но так и не поняла.

– Я думаю глупость и легкодоступность. – Маг всё же слушал их разговоры.

– Ничего я не глупая. – Она поняла, что это было сказано не всерьёз, и потому просто отшутилась в ответ. Хотя скажи это кто другой, ему бы прилетело в голову несколько огненных шаров. Но к этим людям она уже относилась как к своим

друзьям, несмотря на их непродолжительное знакомство.

– Спасибо за подсказку, а то мой учитель слишком суров, чтобы давать мне советы. – И эта фраза тоже была шуткой. Вся троица пребывала в очень хорошем настроении, несмотря на хмурую погоду.

– А откуда у тебя шрам на лице? – Джекзэбел наклонилась, разглядывая её.

– Подралась со стражниками. – Она продолжала поддерживать весёлый тон.

– И кто победил? – Голос Джекзэбел стал кокетливым.

– Дружба. – Калида посмотрела на Альбериона. Всё ещё не до конца веря, что он за ней тогда вернулся и та пытка теперь в прошлом.

– А ко мне как-то на званом ужине пристал один тип; начал руки свои совать, куда не следует. Ну я залепила ему пощёчину, но того этот пассаж не остановил, только раздрадил. Тогда я подошла к нему камзол, прямо на нём. С тех пор меня больше ни один мужчина на танец не приглашал ни на одном балу. А когда я сама к ним подходила позвать танцевать, так те бледнели и что-то мямлили, хорошо хоть не разбегались. Меня так это расстраивало, я ведь обожаю балы и танцы.

– А я тоже очень люблю танцевать и светским раутам всегда был рад. Жаль лишь, что в последнее время их у меня было мало. – Решил признаться мятежник.

– Вот уж ни за что бы, ни подумала, что мужчине могут

нравиться танцы. А ты Калида, любишь балы?

– Даже не знаю, я никогда на них не была. – Она удручённо опустила взгляд, отвлёкшись от своих попыток колдовать.

– А что так? Отец был строгий или мать? – Джекзэбел поразилась, словно она ничего ужаснее в жизни не слышала.

– Калида из простолюдинок. Она дочь крестьянина. – Альберион будто спиной чувствуя неуверенность ученицы, ответил за неё.

– Невероятно! А выглядишь ты, да и говоришь как настоящая леди. – В голосе более опытной волшебницы не было и доли иронии.

– Спасибо. – Она засмушалась, но вернулась к сотворению заклинания.

Тут пошёл мелкий, но очень холодный дождь; Альберион интенсивно растирая плечи, влез под брезент, пододвигая девушек. Путь продолжился под глухой стук капель, шёпот ветра и тихие разговоры о магии.

Новый год в каждом городе отмечали по-разному, но все эти церемонии по своей сути являлись соревнованием. Где-то жгли большие костры и сравнивали у кого пламя выше. В каких-то городах сравнивали, кто дерево красивее украсит. В некоторых поселениях бегали наперегонки по главной улице. Ещё в различных местах устраивали кулачные бои, в которых принимали участие и мужчины и женщины. Так же кое-где устраивали гонки верхом на свиньях, коровах или

ловлю кур на скорость.

А в паре самых южных городов жители и вовсе раздевались догола, а затем метались между домов в поисках специально развешанной одежды, и тот, кто полностью одевался первым, становился победителем. Конечно, участие в этих соревнованиях абсолютно во всех селениях было исключительно добровольным, но выигравший получал солидный денежный приз, позволяющий ему жить, не работая, не менее полугода. Именно это мотивировало многих простолюдинов участвовать, тем более что никаких навыков подобные мероприятия от участников не требовали (кроме умения веселиться).

Только располагавшийся почти в самом центре материка тихий город Ксатер проводил сложный турнир, в котором нельзя было победить просто так. И нет, несмотря на громкое слово «турнир», никакими мечами и палицами здесь никто не размахивал. Тут требовались несколько иные способности: умение испечь хлеб, ухаживать за цветами и ковать мечи. Любой желающий принять участие должен был в последнюю неделю года явиться на главную площадь с собственноручно выпеченным ароматным хлебом, самостоятельно выращенным пионом и мечом самодельной работы. Жители в первую очередь пытались поразить окружающих размером: выпечь самую громадную булку; создать самый огромный клинок или взлелеять впечатляющих масштабов бутон.

Но глава города и его приближённые выбирали победителя не только по размеру, но и по качеству работ: хлеб обязан быть правильно приготовленным и вкусным, меч должен перерубать ветку и удобно лежать в руках, а пион приятно пахнуть и иметь яркий цвет.

Альберionу всегда хотелось побывать на этом мероприятии. И он планировал этот новый год, до которого оставалось всего десять дней, отпраздновать именно здесь. Правда из-за этого свой день рождения ему бы пришлось встречать в пути, как и предыдущие два. Однако даже этому его простому желанию не предстояло сбыться – местные решили устроить на праздничной неделе иное представление, на которое как раз подоспела троица беглых магов.

– Помните, что говорил наш король в своём указе «магия есть корень всех бед». – Разодетый мужчина громко внушал народу столь нужные идеи, энергично расхаживая по эшафоту и свирепо размахивая руками. – Это из-за них мы с вами живём в нищете, их жажда крови развязывала войны эти годы. Все они болезнь на теле общества. Яд, который надо сжечь. И мы их всех сожжём. Всех до единого!

– Вы безумцы! – Привязанный к столбу седеющий мужчина пытался звучать более громко. Откормленное сухим хворостом пламя алою лозою оплетало ему ноги, стремясь взвиться выше. – Безумцы и предатели! Мы же сражались за вас, мы защищали вас! Вы просто сошли с ума!

– Его слова ложь. Шаль, скрывающая их преступления

против нашего народа. Не слушайте его. – Оратор на эшафоте продолжал накачивать толпу.

– Гори мятежник! – Народ ликовал, вздымая к небу кулаки.

– Я сниму его с костра, а вы...

– Мы поняли, Альбершон. – Джекзэбел не дала ему закончить мысль, магия уже играла в её руках, она не собиралась медлить.

– Осторожней с мирными гражданами, они хоть и сволочи, но всё-таки люди. Не повторяйте моих ошибок, атакуйте только стражников.

Обильный поток воды пожрал густое пламя, оставив лишь чёрные следы на древесине и редкие капли вокруг. После чего маг решительной походкой, сквозь расступившуюся толпу, направился к приговорённому. Стража, быстро смекнув, кто тут колдует, достала мечи и бросилась атаковать изменника. Но их встретила пара чародеек разметавшая всю толпу заклинаниями ветра.

Горожане с криками разбежались по своим берлогам, быстро освободив место для стычки, чем значительно облегчили задачу воинам. Ведь они-то отступить не собирались. Моментально перегруппировавшись, стража выставила плотный ряд щитов и продолжила наступление. На этот раз действуя, уже более обдуманно и собрано. Плохо подготовленные заклинания волшебниц разбивались об щиты солдат, лишь замедляя их продвижение но, не нанося им урона.

Они швырнули в пару чародеек несколько копий; те без труда сбили их защитной магией.

Блюстителю порядка напирала с двух сторон, сдавливая магов в тиски. Пара десятков меченосцев оказались слишком трудным соперником для двух чародеек. Более сильная магия способная повалить их, требовала, куда большего времени на подготовку. И к тому моменту, когда они будут готовы тесный строй щитов уже приблизиться к ним вплотную.

Но тут раздался раскат грома, за которым последовала яркая вспышка и, два столба из серебристо-синих переплетённых молний вонзились с неба в землю, прямо в центры похожих на стальных черепах отрядов стражи. Прогремел взрыв; ударная волна понесла в стороны камни, метал и людей в бряцающих доспехах.

Предводитель мятежников уже стоял рядом с девушками, держа на плече раненого мага. Отголоски заклинания ещё сияли в ладони Альбериона.

– Уходим, нам тут делать больше нечего. – Снова не выражая эмоций ни в лице, ни в голосе, он торопливо направился к воротам города пересечённых ими несколько минут назад. Его спутницы тоже не стали медлить.

Костёр тихо потрескивал на морозе, и снег медленно падал, мелким рисовыми зёрнами укладываясь на землю. Освобождённая от вожжей лошадка бесцельно расхаживала меж деревьев, утратив любые надежды отрыть под белым по-

кровом траву. Девушки умиротворённо дремали в повозке, мужчины же грелись у огня. Не улетевшие на юг птицы ершились на ветках, тоже желая приблизиться к теплу.

– Как же тебя угораздило им попасться? – Альберцион палкой закатил обратно вывалившийся из пламени уголь.

Их новый попутчик чувствовал себя уже вполне здоровым: они освободили его прежде, чем тело обзавелось серьёзными ожогами. Благодаря мази, подаренной лекарем, его раны сошли через несколько дней.

– Я получил тяжёлое ранение в бою и мне дали увольнительную на четыре месяца. Решив, что в таком длительном отпуске негде киснуть в городе. Моё страждущее покоя тело повело ноги в места очень уединённые. Ну, знаешь, тихая рыбалка у озера в лесной глуши, куда даже олени не забредают. Чистый горный воздух, пробирающий своей прохладой до самых костей. – Поддавшись приятным воспоминаниям, его лицо обрисовалось радостным пейзажем.

– Насчёт похода в горы, тут я тебя не пойму, но вот рыбалка, дело занятное. Одновременно успокаивающее и азартное. – Он поддержал собеседника улыбкой.

– Рад, что ты меня понимаешь. Так вот когда отпуск стал подходить к концу, я вернулся в Ксатер, абсолютно ничего не подозревая. С людьми-то я всё это время не общался. Поэтому когда меня атаковали, а затем скрутили стражники, я даже и не сопротивлялся. Думал это какая-то ошибка. – Старый волшебник усмехнулся, надеясь хотя бы так прогнать

грустные мысли.

– Я вижу знакомую ярость в твоих глазах Рогир. Знай, я не позволю тебе этого сделать. Подобное не даст тебе покоя, ты уж поверь мне.

Мужчины сурово посмотрели друг другу в глаза: древняя мальчишеская игра в гляделки – проверка на то, чья воля сильнее, и чей характер твёрже.

– Они убили всех магов в городе, людей которых я считал своими друзьями. Уничтожили здание, где мы жили и обучались. Даже нашу библиотеку и ту сожгли, знания собираемые тысячелетиями исчезли навсегда. И ты собираешься встать на моём пути справедливой мести? – Седеющего мага трясло от злости, он не понимал, почему Альберийон не на его стороне.

– Ты абсолютно прав и твой гнев справедлив, а жажда мести оправдана. Но тебе не станет легче, если ты испепелишь Ксатер до основания. Не так давно меня тоже охватил такой же гнев, и я превратил ненавистный мне городишко в руины, сделав пылью всех его жителей. И этот поступок не даёт мне покоя, гнев ушёл, освободил мой разум. Но теперь совесть и стыд терзают меня, там ведь жили дети, старики. И прочие люди не способные дать отпор, а я их уничтожил, не захотев мириться с поражением. Ты не найдёшь покоя в отмщении. – Их гляделки всё продолжались под гул зимнего ветра.

– А если меня твои речи не убедили, что если я всё же встану и отправлюсь в свой город? Что ты будешь делать то-

гда?

– Тогда я стану останавливать тебя силой. Так что если ты твёрдо намерен вершить своё правосудие, то давай отойдём подальше, чтобы не задеть девчонок и сразимся в полную силу. Победишь, пойдёшь куда захочешь, но если окажешься недостаточно сильным, то возможно даже погибнешь. Решать тебе, достаточно ли важен твой гнев для такого риска.

– Я ещё не выжил из ума, чтобы биться с тобой. Я видел тебя на поле боя, когда тебе было двенадцать, ещё видел, что ты вытворял в бою, когда тебе было четырнадцать. И пару лет назад я также видел, как ты сражаешься. Так что, да ну тебя в жопу и в жопу этот поганый город. Никуда я не пойду, останусь с вами.

– Ты ведь не попытаешься сбежать? Я это услышу. – Обмен устрашающими взглядами окончился, и падший принц спокойно поправлял ветки в костре.

– Даю тебе слово мага, мужчины и воина. – Серьёзным и уверенным тоном ответил ветеран многих схваток. – К тому же ты ведь затеял восстание, так что, оставшись с тобой, я столкнусь с армией Киллиана там, на поле боя и поквитаюсь за друзей. За всё то, что с ними сотворили, такое предательство нельзя оставлять безнаказанным ни при каких обстоятельствах.

Несмотря на седину в волосах, Рогир не был стариком. Однозначно магия являлась его сильнейшей стороной, и в ней он был одним из лучших, возможно он знал заклина-

ний больше чем Альбертион. Но этим его таланты не ограничивались, в свои сорок шесть лет, он по-прежнему обладал мускулистым телосложением. Прямо говорящим о том, что этот солдат орудует мечом получше многих, да и в кулачной драке его одолеет не каждый.

Любой участвовавший в серьёзных сражениях волшебник, не одурманенный самоуверенностью и тщеславием, вам непременно подтвердит, что порой даже могущественному чародею меч просто необходим. Ибо в критический момент и заклинание может подвести. Потому-то все умные люди в этом мире старательно пытаются за свою жизнь освоить как можно больше разносторонних навыков. А не уповают на везение и надежду на то, что им не придётся столкнуться с тем, к чему они совершенно не готовы.

Январь перевалил за середину, и климат становился всё суровей, усложняя путь на север. Вьюги и снегопады случались пусть пока и не часто, но всё же их преодоление нещадно пожирало дни. Зато у Калиды было больше времени на обучение; круглосуточное общение с опытными магами шло ей только на пользу. Её постижение премудростей волшебства продвигалось настолько быстро, что Альбертион принудительно тормозил прогресс ученицы, во избежание причинения вреда её здоровью. Да и остальные могли тоже пострадать.

О своём дне рождения падший принц снова забыл и по-

тому отпраздновал его предельно скромно, то есть совсем никак. Уверенный в том, что триста двадцать седьмой год, эры железа и угля, не станет в его жизни последним, мятежник не унывал. Он ещё купит себе великолепный подарок, уж точно побалуует себя чем-нибудь дорогим и изысканным.

Пополнение провизии в этот раз прошло без происшествий, Ульсар оставался последним многолюдным городом на их маршруте. В более северных селениях, людей проживало так мало, что там даже козу нельзя было спрятать, не то, что беглого мятежника. Но это больше и не было проблемой.

Ровно через три недели, если повезёт с погодой, они окажутся на территории графства Вэнтия, принадлежащей Метрису Прасдаму его старому знакомому. Он отказался присягать на верность Киллиану и истреблять магов. Так что там они точно будут в безопасности, какое-то время. Осталось только добраться туда без приключений, хотя подобное маловероятно.

– Останови! Останови! Останови!!! – Калида вскочила с места, и стала хлопать Альбериона по плечу.

Все остальные сидевшие в телеге недоумевающе посмотрели на неё.

– Что?! Что случилось?! – Перепуганный маг начал останавливать лошадь.

– Я никогда такого не видела! Хочу рассмотреть поближе. – Она говорила и одновременно выбиралась наружу, пытаясь второпях не зацепиться платьем за борт ещё не оста-

новившейся телеги.

– Ты это сейчас о чём? – Альбертион никак не мог сообразить, что случилось.

Но его ученица уже бежала к стоящим отдельно от леса хвойным деревьям. Небольшая кучка отщепенцев росла в паре десятков шагов от основного массива. Укутавшись куда большим количеством снега, они словно пытались создать свою собственную общину с другими порядками и укладом.

Некромант не спеша слез и утопая в сугробах едва ли не по пояс, медленно пошёл вслед за волшебницей уже снявшей перчатки и тычущей пальцем в ветки.

– У этих деревьев иголки вместо листьев. – Она не видела его приближения, лишь услышала шаги за спиной.

– И что в этом такого?! – Его брови всё больше искажались от удивления.

– Ой! Они колючие. – Она поморщилась и сунула палец в рот.

– Ты что никогда не видела хвойные деревья? – Он подошёл к ней так близко, что их плечи соприкасались, и стал рассматривать ветки, с которых Калида уже стрясла снег, будто и сам видел такое впервые.

– Нет, в моей деревне такие не росли. А кроме своего села и борделя я нигде больше и не была. И как же эти деревья называются? – Она прикоснулась губами к месту укола, пытаясь высосать оттуда боль.

– Не знаю, ель или пихта, или туя. Я не разбираюсь в дере-

вьях, тебе лучше спросить об этом какого-нибудь лесоруба. Но в таких холодных места подобные деревья часто встречаются. – Он помог ей надеть обратно перчатки. – Знаешь, если ты хочешь увидеть что-то потрясающее, то недалеко отсюда есть обелиск, возведённый почти две тысячи лет назад в честь одного великого сражения.

– Конечно! Я с удовольствием погляжу на него! Вижу, ты очень хорошо знаешь историю, учитель. – Калида поёжилась, потирая ладонями плечи.

– Любой мудрый правитель должен знать историю, причём не только своего государства, но и других стран тоже. Это помогает избежать ошибок прошлого. Во всяком случае, так мне говорили мои учителя, когда я был принцем. – Маг взял ученицу за руку помогая ей пробираться через сугробы.

– Так с чего вдруг такая резкая остановка? – Рогир наградил хмурым взглядом юную волшебницу; он и Джекзэбел переминались возле лошади.

– Калида хочет, чтобы я устроил ей экскурсию. – Наклонившись, он отряхнул снег со штанов, но большая часть снега не упала, а осталась на перчатках.

– Решил ей показать тот чёрный монумент? – Седой маг протянул уставшему коню яблоко, тот благодарно и радостно принял гостинец.

– Да, хочу ей показать обелиск Рюгерта. Как-никак та битва была знаковым событием для мира магии. Ей полезно будет взглянуть на него.

– До него отсюда примерно ещё час пути, а потом придётся пробираться пешком в глубь леса, по всем этим сугробам ещё и снег с веток за шиворот будет лететь. – Рогир указал пальцем куда-то в дальнюю часть леса.

– Ты совершенно прав, так что лезьте обратно под брезент, ноги разомнём позже, идти нам и вправду придётся немало.

Стрясая снег с веток, квартет пробирался сквозь безликую чащу одинаковых немых исполинов способных общаться только при помощи ветра.

Оставляя за собой колеи, чародеи приближались к тысячелетнему памятнику истории. Сначала лишь обрывки тёмного камня проглядывались из-за стволов деревьев, но спустя десяток минут Альберион вывел всех на опушку, где одиноко возвышался постамент: гладкий чёрно-глянцевый прямоугольник был намного выше любого дерева в округе, производя впечатление титана удерживающего небо. Обеспечивал устойчивость колоссу, широкий пьедестал кубической формы изрезанный символами давно забытого языка.

– Потрясающе! – Калида смерила взглядом архитектурный шедевр.

– Здесь, в равной битве сошлись два самых могущественных мага тех времён: Верилан и Зарматей. Сражение длилось несколько дней, а его последствия были ужасающие: земля на несколько сотен миль вокруг превратилась в иссушенную равнину. Оба этих мага погибли, истребив друг дру-

га и обе свои армии. Лишь небольшой группе людей удалось выжить, они и построили этот обелиск. Когда-то их творение было видно из множества городов.

– Я чувствую в нём невероятно огромную магическую силу, словно он живой. – Калида пошла к монументу будто заворожённая: она перестала моргать, дышать и обращать внимание на окружающих.

Альберийон посмотрел на Рогира и Джекзэбел, не понимая, что происходит, те в ответ отрицательно помотали головой – они тоже ничего не чувствовали.

– О чём ты говоришь, это же просто камень? Мы ничего не чувствуем. В нём нет совершенно никакой магической силы. – Некромант сосредоточился на всех своих чувствах, пытаясь уловить в этом камне хоть что-то.

Неправда, в нём есть магия, только особая, неведомая и всё остальное, что говорил Альберийон тоже неправда: обелиск не был творением людей, он возник задолго до рождения человечества, этот монумент даже старше океанов и гор. А символы на нём – не забытый язык, в мире никогда не было существ знающих эти буквы. И битвы здесь никакой не было, но если выпустить скрытую внутри камня силу, тогда непременно начнётся война, да такая, что все предыдущие покажутся мелкими стычками. Но она сейчас не готова к такому сражению, она проиграет, если коснётся монумента. Ей необходимо прийти сюда позже, когда закончиться её обучение. Тогда у неё хватит сил, чтобы совладать с возникшей

опасностью.

– Милая ты в порядке? – Падший принц сильно встревожился, но побоялся прикоснуться к ученице, видя, что она находится в состоянии транса.

– А что такое? – Её наконец-то перестало тянуть к этому сооружению.

– Ты просто выглядишь так, будто прожила целую жизнь за мгновение. Что ты там увидела? Что вообще с тобой случилось?

(Ох, любовь моя, я только что прожила не одну целую жизнь, а сотни жизней за это мгновение. И лучше пока никому не знать, что я там увидела.)

Но вслух она ответила следующее:

– Я просто поняла, для чего я нужна.

– Нужна кому? – Продолжал тонуть в непонимании мятежник. Теперь он уже не опасался приблизиться к ней и даже отважился приобнять её.

– Вам. – Она улыбнулась, давая понять окружающим, что всё с ней хорошо. Хотя страх перед грядущим охватывал её, но время для подготовки ещё было.

– Я всё никак не перестану удивляться: каждый месяц находятся простофили желающие посмотреть на вот эту хрень. – Из леса вышел статный голубоглазый брюнет. Высокий, даже выше чем Альберион, широкоплечий мужчина с аккуратно постриженной короткой бородой, был облачён в добротные доспехи и два меча висели у него на поясе. На-

хальная самоуверенная улыбка блистала на его лице.

– Ты что за клоун? – Альберион заговорил с появившимся человеком только после очередных, полных непонимания, переглядов со своими спутниками.

– Я тот, кто регулярно грабит проходящих сюда болванов. Тех, кому в поле камней не хватает, и они прут сюда посмотреть на эту едлень. – Он презренно кивнул в сторону бесценного исторического памятника.

– Такой предприимчивости любой купец позавидует, дело-то поставлено на поток, как я погляжу. – Некроманта начинал забавлять диалог с этим парнем.

– Страже сейчас кроме как до мятежных магов больше ни до кого дела нет. Ну, да и будет на этом! На свои вопросы вы ответ получили, а теперь отдавайте мне своё золото добровольно. Иначе отберу его силой! – Высокий воин достал один из клинков и направил остриё в сторону Альбериона.

– Нас тут четверо, ты не боишься надорваться? – Мятежник обвёл рукой всех товарищей, которые всем видом показывали готовность к драке.

– Чего тут бояться! – Усмехнулся грабитель. – Два старика и две бабы. Внуки ваши что ли? Да даже будь вы четверо молодых сильных мужчин, я бы всё равно вас одолел. В королевстве нет мечников лучше меня.

– Это довольно серьёзное заявление, откуда такие сведения? – Альбериону становилось всё веселее, маг с трудом сдерживал взбирающийся по горе смех.

– Меня ещё никто не побеждал! – Молодой человек гордо поднял подбородок.

– Ну, так это ещё не показатель. Вот её. – Он указал на Калиду. – Тоже никто в схватке пока не побеждал, однако она не является хорошим фехтовальщиком.

– Издеваться надо мной вздумал. За это я отрублю тебе все пальцы на руках. Хотя нет, только на левой, а то тебе нечем будет лапать сиськи этой сучки.

– Это он сейчас про меня? – Влезла в диалог Калида. Она не обиделась, нет, она не имела привычки обижаться на оскорбления, ей просто было интересно, кого конкретно из них двоих он определил в девушки к Альбериону.

– Довольно разговоров, приступим. – Падший принц достал оружие.

– А твои собутыльники не собираются тебе помогать?!

– Поверь, битва со мной тебя неприятно удивит. – Смех некромант всё ещё сдерживал, но вот улыбку скрыть ни смог.

– Что ж, будь, по-твоему. – Он достал второй меч.

– Тебе дать мой клинок? – Рогир потянулся к эфесу.

Альберион отрицательно помотал головой: он не думал, что этот парень так хорош, как о себе думает.

Грабитель, несмотря на самоуверенные слова, всё-таки начал бой осторожно, сначала он снял капюшон мешающий обзору, а затем медленным шагом подался направо, чтобы ударить сбоку. Маг же стоял неподвижно на прямых ногах и даже не следил за передвижениями оппонента; просто смот-

рел перед собой. Не видя в нём угрозу для себя: вокруг были сугробы пусть и не по колено, но достаточно глубокие, чтобы затруднить ходьбу, а на враге латы, делающие его неуклюжим в снегах, в лесах и на льду.

Некроманту удавалось побеждать в сражениях, где преимущество было не на его стороне, а сейчас, когда он в более выгодных условиях, чем враг, опасаться ему было нечего. Оттого он и стоял в нарочито открытой стойке, желая как можно эффектней показать своё превосходство в фехтовании. Ему хотелось не просто победить, но и продемонстрировать разницу в их классе.

И всё же Альберцион его абсолютно недооценил; несмотря на ограничивающие обстоятельства, соперник оказался очень проворен и быстр. Конечно же, его удар сверху мятежник остановил, но клинок врага оказался гораздо ближе к лицу, чем он рассчитывал. Решив, что выпендрёж может закончиться поражением, падший принц принял боевую стойку и стал внимательно следить за врагом. Однако он всё-таки был не намерен сражаться с ним в полную силу. Ни один из участников дуэли не намерен был убивать. Следующие два удара, он отразил, как положено, не позволив мечам врага опасно приблизиться, а затем ответил своим режущим замахом, пришедшимся в нагрудную кирасу: не нанёсшего никакого урона.

– Что старик уже позабыл, с какой стороны за меч держаться? – Он продолжал кружить вокруг Альберциона, выис-

кивая слабые места.

– А ты точно хороший боец, а то орудуешь мечом, как собака палкой? – Маг усмехнулся, этот поединок приносил ему радость. Давно забытая для него вещь, в последние годы ему очень не хватало веселья. Но тут он смог пусть и ненадолго забыть о грузе ответственности на его плечах и насладиться спаррингом.

А вот его противника такая речь разозлила; он вновь напал, обрушивая удары один за другим, оба его меча резво сменяли друг друга в яростных стремлениях пронзить плоть. Но даже в этом безудержном шквале чародей выискал место для своей атаки – опять не нанеся урона, но зато повалив грабителя с ног.

– Чего же ты упал-то, хорошие воины на задницу не грохаются, или что, тебя драться сёстры учили? – Задирать колкими фразами этого наглеца приносило ему не меньше радости, чем их поединок. Он не намеревался покрасоваться перед окружающими или возвыситься в чьих-то глазах, ему просто хотелось веселья, хотя бы в таком извращённом виде.

– Нет, твоя бабуля. – Воин поднялся и перехватил мечи поудобней.

– А вот и неправда, моя бабушка была отличным фехтовальщиком, ты ей и в подмётки не годишься. – И это было абсолютной истиной: бабушка Альберiona управлялась с мечом лучше множества рыцарей королевства.

Немного размяв плечи, грабитель продолжил атаковать и,

несмотря на то, что у лишённого титулов было на клинок меньше, он без труда отражал все выпады соперника, который вовсе не стоял на месте, а пытался резкими скачками зайти чародею за спину, однако волшебник всегда оказывался к нему лицом. И сам, периодически проскальзывая под рукой юноши, и отвечал опасными уколами, от которых врагу едва удавалось увернуться.

Отразив подряд несколько жёстких ударов сверху, Альберрион пнул грабителя под коленку, а затем, резко развернувшись, рубанул по кисти соперника. Латная рукавица защитила от серьёзной раны, однако удар оказался такой силы, что меч просто улетел в сугроб. Оппонент попытался контратаковать, но из-за гнева он размахнулся слишком сильно; предоставив тем самым возможность магу лишиться его и второго оружия. Обезоружив заносчивого разбойника, он ударил его эфесом в подбородок, вновь повалив на землю.

– Ты проиграл. – Улыбаясь, он держал острие клинка перед его носом.

– И что теперь? – Поверженный едва шевелил челюстью.

– Убивать тебя я не собираюсь, мне просто было интересно посмотреть, на что ты всё-таки способен. Ты действительно сильный мечник, но ещё в тебе есть и магическая энергия, отправляйся со мной и я научу тебя ей пользоваться.

– Ну и нахуя мне это?! Ну, есть у меня сила мага, что ж мне теперь обоссаться от счастья?! – Несмотря на то, что подняться воин не мог, дерзить он не перестал.

– Присоединившись к нам, ты сможешь взять реванш в любое время. Ты ведь хочешь стать лучшим фехтовальщиком или тебя устроит роль второго номера?

– А вот это совсем другой разговор, я с вами.

– Это Калида, Джезэбел, Рогир, а я Альберион.

– Я Вимон, наёмник, а теперь ещё и ученик старого мага.

Глава седьмая. Король.

Под словом «семья» мы обычно подразумеваем небольшую группу людей, состоящих в близком кровном родстве. Цельно-составную общину, где каждый готов прийти на помощь другому, даже если они не виделись десятилетиями, а между ними разделительной стеной, зелёными ядовитыми огнями, пылают сотни костров разногласий. Но порой бывает так, что твой последний живой родственник желает предать тебя анафеме, свесив все неурядицы своей жизни с собственных плеч на твои. Обвиняя во всех несправедливостях мира, и очерняя твоё и без того не самое светлое имя. И вдруг оказываются рядом люди, желающие не просто помочь, а готовые отдать собственные жизни за тебя, чтобы принять удар и дать шанс выстоять в неравной схватке с суровым и жестоким миром. Невзирая на ненависть и агрессию общества направленные в их адрес. Так ни этих ли людей стоит называть «семьёй» или же кровные узы значат для нас куда больше?

Альберион никогда не считал север домом, хоть и провёл тут половину жизни, и всё же с первых минут пребывания здесь его мягким бархатом окутало чувство, будто он пришёл в семью. Ни чью-то, а самую что ни наесть свою, где все ему рады, готовы выслушать, да и поведать хотели бы многое. Он нигде не испытывал такого после освобождения,

особенно в столице, даже общаясь с братом.

– Сын мне не раз говорил о вашем обещании приехать, но я боялся, что вы так и не сподобитесь, господин. Как вижу напрасно. – Весело, но вежливо говорил седой и уже лысеющий; с сухим морщинистым лицом, и всё же пока никакой не старик, а полный сил и амбиций мужчина способный всё держать под контролем.

– Рад приветствовать, граф Прасдам. – Гость учтиво поклонился. Долгий путь ещё не повод забывать о манерах.

– Да ладно вам, ваше величество, мы с вами вместе через многое прошли, так что простого Метрис будет вполне достаточно. – Он также поклонился.

Город Манеранг был самым северным городом, выше по карте располагались только деревни и поселения, состоящие из одной или нескольких семей. Именно здесь и находился замок четы Прасдам он же и был столицей графства Фароис – земель отданных им во владения пару десятков лет назад.

– Ну, уж если вас нельзя называть графом, то титул его высочества мне и вовсе приписывать не стало бы. – Он улыбнулся и на краткий миг положил свою руку ему на спину, ровно между лопаток.

– Когда-то я назвал вас своим королём и от этих слов не отказался даже стоя перед вашим отцом. Не стану отречься от них и сейчас. – Граф поднял руки, показывая свои металлические протезы кистей, помимо них на его предплечьях крепились деревянные механизмы с рычажками и тросика-

ми: позволявшие ему сгибать и разгибать пальцы.

– Мне жаль, что всё вышло именно так. – Он с сочувствием посмотрел на результат наказания придуманного его отцом для тех, кто так и не отказался от своей присяги мятежному принцу после полного подавления бунта.

– Чушь господин! – Скривил лицо Мертис. – Руки мне ни к чему, за меня всё слуги делают. Да и протезы, пусть и дорогие, но хорошие.

Придворных вокруг действительно было много: они суетились по всему замку, стараясь достать и доставить всё необходимое для комфортного и радужного размещения новоприбывших гостей.

– Я больше всего сожалею о том, что из-за моего поражения ваш род лишился земель на юге, одних из самых плодородных в стране, и был сослан сюда: почти на самый край. – Собеседники вальяжно расхаживали по главному холлу замка, едва не сталкиваясь с прислугой. Несколько сотен свечей давали прекрасный обзор на обстановку вокруг: на багровые ковры на полу с золотыми узорами; на головы северных зверей висящих на стенах; на картины запечатлевшие людей собирающих яркий виноград.

– Вас ведь вообще заперли на самом краю снегов и морозов, а вы ещё живы и не жалуетесь. От чего же мне страдать?

В руках у мелькавших всюду придворных показывались: то пышные подушки; то кувшины с горячей водой; то подносы с расчёсками, щипцами и ножницами.

– Ваш оптимизм радует. Приятно видеть, что вы не оболгались на меня, не затаили ненависть. Честно говоря, я очень сильно этого боялся, пока добирался сюда. – Альбертион скромно ухмыльнулся, слова главы рода Прасдам несколько успокоили его совесть, чародея ведь действительно все эти годы терзало чувство вины, перед теми, кто пострадал от его поражения. Эти люди доверились ему, а он их подвёл, подвергнув тем самым их семьи тяжёлым испытаниям.

– Мне не за что злиться ни на вас, милорд, ни на вашего отца. Мне кажется, он не просто так отправил меня сюда. Знаете, ведь и другой дом, также оставшийся верный вам, он расположил тоже на севере, прямо под самым полуостровом. Вы понимаете? – Пошевелив пару рычагов, он поднял указательный палец вверх.

– Этого я не знал. И зачем же отец, по-вашему, так сделал? – Маг посмотрел графу прямо в глаза.

– Из-за любви. Мне кажется, не смотря ни на что, он гордился вами, так как только может отец гордиться сыном. И рассчитывал на то, что рано или поздно, но вы всё-таки сбежите, и вам понадобятся верные люди, у которых можно будет скрыться. Поэтому и поместил две наши семьи так близко к вам, однако вы так и не сбежали. – Хозяин замка вопросительно посмотрел на гостя, хотя ни жеста, ни мимикой он изумления не выказывал, однако тусклое любопытство мягко тлело в его сильно поблёкших глазах.

– Не считите за грубость граф Метрис, я рад жить здесь, но лишь столица мой дом. Только там я чувствую себя на своём месте. Там моё сердце. – Альбертион приложил ладонь к груди, пытаясь визуально передать привязанность к далёкому городу, в котором он родился.

– Позвольте же полюбопытствовать, ваше величество, как вы намереваетесь туда вернуться? – Опять подвигав некоторые рычажки, Мертис разжал правый кулак и положил ладонь магу на плечо.

– Я надеялся что мне не придётся этого делать, что всё получится уладить миром, но действия Киллиана не оставляют мне иного выбора. Слышал, будто вы отказались признавать его своим королём, так вот, я хочу возглавить ваш мятеж. Отправляйте письма во все участки королевства с вестью о моём намерении занять престол. Все желающие мне в этом помочь пусть прибывают сюда в вашу провинцию, остальные же пусть боятся, ибо пощады не будет никому. – Волной холодной стали его голос пронёсся по холлу замка.

– Слова, которые я так боялся не услышать. Мои армии с вами мой господин, служить вам – честь для меня. С вашего позволения, я немедленно отправлюсь рассылать послание. – От радостной улыбки увеличилось количество морщин на лице старого дворянина.

– Ступайте граф; рассчитываю на вашу поддержку. – Получив поклон от главы рода Прасдам, мятежник поклонился в ответ и собеседники разошлись.

Но пребывать в одиночестве чародею не пришлось: из нескончаемого потока прислуги выпутался наследник графа, бодро шагавший навстречу Альбериюну. От счастья встречи с другом он сиял ярче, чем свечи.

– А я уж думал, ты не доберёшься сюда: так долго тебя не было. – Он развёл руки в стороны, а его улыбка стала ещё шире.

– Ларлив, рад тебя видеть. – Друзья немедля ни секунды, обнялись. – Путь выдался опаснее, чем я предполагал. Самому едва верить, что мне удалось добраться до вашей резиденции.

– И, тем не менее, ты здесь, живой и здоровый. Вымотался, поди? – Ларлив ненадолго отвлёкся, указав служанке на какое-то пятно на подносе, и та покорно понесла посуду обратно.

– Скорее эмоционально, чем физически. Знаешь, я не любитель напиваться, но в данный момент мне это необходимо. Как только стемнеет, я бы предпочёл отправиться туда, где наливают. – Падший принц тихо посмеялся.

– Поверь мне: с этим проблем не будет, осаждай наш город хоть десять лет, в нём может кончиться всё... кроме спиртного.

Ночь заполонила город тягучими безрадостными красками, скрывающими лица и одежды людей. Делая неразличимыми дворян и чернь, превращая всех встречных прохожих

в однотипные силуэты тёмных существ, обличающих свои самые грязные пороки с уходом солнца и, придающих забвению всё сделанное ранее с наступлением спасительного утра. Поддерживала эту картину и зимняя стужа, также наносившая краски, заставляя любителей приключений кутаться в меха, а прочих сидеть дома у миротворного очага, рассказывающая истории детям.

Из окон таких семей тускло светили огни, которые маленькими островками проглядывались через, затопивший улицы, холодный тёмно-синий океан. Целым архипелагом в этом сумрачном гимне, выглядела таверна, полная людей и свеч, радостного шума и низменного беспокойства, вновь возвращавшая силуэтам человеческий лик. А страдающим от тягостей жизни, моменты сладкого бездумья, дарованных бочками вина и пива.

– Эх, хорошо пошла! – Вимон громко стукнул деревянной кружкой о стол, и принялся вновь заполнять ту пивом. – Между первой и второй и ветер не должен успеть просвететь не то, что кружка просохнуть.

Их новоприбывшая кампания заняла самый большой столик в заведении. Любезно подготовленный хозяином, засуетившимся, едва Ларлив перешёл порог.

– Смотри не перестарайся. – Рогир аккуратно разглаживал бороду. – А то потом вынимай тебя из какого-нибудь сугроба или от потасовки спасай.

– Да я когда напьюсь, становлюсь мирным и тихим. Со

мной больше проблем с трезвым, чем с пьяным. – Он залпом осушил вторую кружку.

– А у меня всё совершенно наоборот. Я как-то напился до такого состояния, что подрался с осветительным столбом. – Рогир сделал небольшой глоток вина.

– За что ж ты его так? – Калида захохотала уже только от начала истории.

– Лично я, ничего не помню из событий той ночи, но друзья мне рассказывали, будто я требовал вернуть долги. Говорили, что целую кучу золота требовал.

Для места полного пьянчуг и забияк здесь было как-то тихо. Все постоянно озирались, исподтишка глядя на людей занимающих столик в центре зала. И если Альбериона тут в лицо никто не знал, то старшего сына своего сюзерена признали все. Оттого старались вести себя так, чтобы продлить своё пребывание в кабаке и не оказаться на виселице.

– Ну, так и кто победил? – Джезэбел повернула голову к Рогире, она очень комфортно уместилась между ним и Вионом.

– Судя по тому, как долго я лечил руки – победил он. У тебя, смотрю, на руке шрамы такие, будто ты со львом сражался. Не расскажешь нам откуда? – Рогир кивком указал на левую руку наёмника.

– Ты про это? – Он закатал рукав куртки, демонстрируя всем следы от клыков. Несимметричные округлые пятна чуть более светлого тона, чем вся остальная кожа, хаотич-

но располагались от запястья до локтя. – В детстве я решил украсть яблоки у одного фермера. Прокрался в его сад ночью, а там оказалась свора собак. Отбиться от них мне удалось, но вот несколько ран всё же получил. Росла рука, росли и шрамы. И вот теперь они достигли таких огромных размеров, словно я со сказочным драконом бился.

– Сколько тебе было лет, когда ты влез в тот сад? – Некромант хоть и жаждал напиться, но решил начать с бутылочки любимого вина. А уж потом намеревался заказать чего-нибудь в разы крепче.

– Мне было восемь. – После очередной пропущенной кружки, наёмник решил всё-таки закусить и полез рукой в миску с овощами.

– Ты отбился от своры собак в восемь лет! – Ларлив больше налегал на еду, чем на выпивку, его кружка ещё ни разу не была осушена. – Удивительно! Я вот тоже в детстве воровал фрукты из поместья одного барона, но собак там не было.

– И что не поймали? – Вимон перевёл взгляд на наследника дома Прасдам.

– Нет, не поймали, но заметили и даже узнали. Мне было шестнадцать, и все решили, что бегал я не за яблоками или вишнями, а к семнадцатилетней дочери барона. За её руку, тогда боролось много знатных мужчин, а после моего фиаско, желающие исчезли. Скандал был жуткий.

– Ну, так, ещё бы! Обесчестил благородную девушку и смылся. – Джезэбел, беззлобно посмеиваясь над его истори-

ей.

За стенами таверны голодным зверем завывала вьюга, наметая всё больше и больше снега, проникая через малейшие щели в человеческие жилища. Пытаясь поглотить спасительное пламя кирпичных печей. (Каминов как на юге, северные народы в своих домах не строили.)

– Вот чтобы спасти её от позора, я и решил на ней жениться. Конфликт был улажен, да и родители были довольны. – Ларлив пожал плечами, не вкладывая особого смысла в свой жест.

– А зачем ты вообще воровал яблоки? Ты же богатый? – Альбертион слегка поёжился от сквозняка, просочившегося через прорези дверного проёма.

– Так, они мне казались вкуснее. Я ведь прикладывал усилия для их добычи. А потом сидел тайком где-нибудь на скамейке и вкушал плоды своих стараний. – Он задумчиво закатил глаза, предаваясь воспоминанию.

– Вот и до «вкушался», что графу пришлось жениться на баронессе. – После этих слов предводителя мятежников, вся кампания захохотала.

Завсегдатаи испуганно посмотрели на них, перебирая в голове возможные варианты происшедшего. Дабы понять, а не стоит ли уже покинуть свой пряный уголок и отправиться домой во избежание неприятностей с дворянской особой и его развесёлыми друзьями.

– Да ладно вам. – Сын графа ни сколько не обиделся на эту

шутку, но, тем не менее, решил поправить собеседников. – Она очень красивая и милая, заботится обо мне, а я о ней. Мы живём вместе уже целых четырнадцать лет и обошлись без единой ссоры. Хозяйственная и ответственная девушка.

– Так значит, тебе наоборот повезло, что всё именно так случилось, что тебя тогда заметили и узнали. Мы все рады твоему счастью в семейной жизни. – Рогир поднял кружку, словно произносил тост.

– Да мы и в правду рады, не обижайся на наши шутки! – Все остальные также повторили его жест и дружно выпили.

Служанка, заметив возникшую было лёгкость в бутылках на их столе, подошла поинтересоваться, а не желают ли многоуважаемые гости ещё напитков. На что получила единогласный однозначно утвердительный ответ. А так же пожелания о доставке в этот раз более крепкого спиртного.

– Мне как-то, тоже приходилось прятаться от окружающих; пробираться домой старательно не попадаясь никому на глаза. – Решила разбавить мужские истории Джек-Эбел, едва заметная меж двух высоких воинов.

– Что, и ты тоже у кого-то яблоки воровала? – Вимон хоть выпивал сейчас больше остальных, но выглядел среди их братии самым трезвым.

– Нет, что ты, я просто решила, раз мне уже целых девятнадцать лет, то пора составить своё собственное заклинание. А чтобы в академии никто не подглядел его, выдав потом за своё. Я практиковала эту магию за пределами города. И

в один из дней всё пошло не так: моё колдовство перекинулось на меня...

Она, робея, ненадолго опустила взгляд, а после продолжила:

– Я получила несколько ожогов кожи, но это ерунда, самое страшное то, что на мне сгорела абсолютно вся одежда. – Волшебница смущённо захохотала на этом моменте, остальных эта история тоже повеселила.

– Так, а что было потом? – Лицо Калиды покраснело, толи от алкоголя, толи от пошлости данной истории.

– Потом мне пришлось совершенно голой пробираться сначала в город по кустам и канавам, а затем в казармы магов прячась за бочками и домами.

– И ты хочешь сказать, что тебя никто не заметил?! – Не поверил наёмник.

– Да, абсолютно никто. – Она помотала головой. – Я прошла через полгорода совершенно незамеченной.

– Да быть такого не может. Если от меня в радиусе километра будет хотя бы одна голая женщина, я это точно почувствую. И уверен, что я ни один такой.

– К счастью Вимон, таких озабоченных как ты, больше нет. – Она хлопнула его по плечу, едва не свалившись со скамейки.

– А что насчёт тебя, учитель, неужели ты никогда в своей жизни не попадал в глупые или нелепые ситуации?

Калида неторопливо потягивала пряное, слегка сладкое

вино, поедая попутно исключительно фруктовые закуски. Хотя мясных блюд на столе находилось куда больше, но их поглощал в основном Ларлив.

– Конечно же, попадал. В моей жизни было немало ошибок. Некоторые, из них выставляли меня весьма глупым юношей, и провоцировали смешные ситуации. – Падший принц посмотрел на свой бокал вина, выискивая в заржавевшей шкатулке тягучих жизненных воспоминаний нужные истории, таившиеся там на самом дне, придавленные тяжёлыми трудно сдвигаемыми камнями. Саркастичная ухмылка промелькнула на его лице: признак найденной подходящей истории. – Мне было тринадцать. Отец поручил мне командование засадным полком. Мы должны были таиться в лесу, а когда наступит должный час выйти и ударить противника прямо в тыл. Вот только время я рассчитал не правильно, и наши силы раскрыли себя слишком рано. Я как полный кретин вывел солдат на главные отряды врага.

– Звучит так, будто полный провал, но я что-то не слышал, чтобы вы с отцом проиграли хотя бы одну битву? – Брови Рогира сошлись в одну, а лоб покрылся морщинами. Было слышно, как шуршит его мозг в попытках отыскать внутри хоть что-то об истории страны.

– Так я и не проиграл. Несмотря на наши немногочисленные силы, мы всё же смогли одолеть их суровую армию. Они бежали, ну а я потерял половину своих людей, а сам получил целых двенадцать ранений. В результате чего, к отцу меня

доставили уже без сознания и всего покрытого кровью. Лечивший меня знахарь, через три дня заявил королю, что наследнику точно не выжить, и пора готовить саркофаг и заказывать погребальную статую с моим изображением, а так же звать на поминки далёких родственников.

Друзья сидели молча, с печальными лицами слушая его рассказ; не понимая где же тут смеяться. Альбериона ведь просили поведать весёлую историю.

– К тому моменту, когда моё изваяние из камня было готово, я пришёл в себя и помирать не собирался. Отец повесил того лекаря, а потом взял молот и разбил мой саркофаг и статую. Обидно, я хотел на неё поглядеть.

– По-твоему это забавная история? – Ларлив хотя и был его другом, всё-таки провёл с ним не так много времени, чтобы привыкнуть к его повестям из жизни.

– Эх, Альберион, вечно в твоих рассказах кто-то кого-то убить пытается. Одни войны и кровопролития. – Печально вздохнула ученица.

Все вокруг резко замерли, воцарилась даже не могильная тишина: молчание было таким, будто кладбище совместили с библиотекой. Окружающие услышали слова Калиды, и даже для очень сильно охмелевшего мозга, было не сложным догадаться какой именно Альберион сидит за одним столом со старшим сыном графа. Некоторые люди просто боялись пошевелиться, кто-то отставил в сторону свою выпивку. Хозяин трактира и служанки побледнели: выйди они на улицу,

то слились бы с сугробами.

– Это всё, потому что я ничего другого-то и не видел: до двенадцати лет меня усердно учили править королевством, в двенадцать, вдобавок к обучению, отец стал забирать меня на свои бесконечные войны, ну а в восемнадцать я оказался в темнице, где двадцать один год не видел ничего кроме серых каменных стен. Хотя есть у меня тут одна история про бал, только вот, там выглядят глупо другие, а не я. – Их компания вновь перестала обращать внимание на происходящее вокруг, безвозвратно погрузившись в беседу. – Как-то раз, на балу мне необходимо было потанцевать с одной графиней. Так вот, кружимся мы с ней под ритмы вальса, и я чувствую просто невыносимый запах её духов. Причём у самого парфюма аромат нормальный, однако, она на себя его столько вылила, что дышать было ну просто невозможно. Вальсирую я её, при этом, чтобы меня не вырвало, изо всех сил стараюсь рот держать закрытым, а она, зараза, мне постоянно на ноги наступает. Ну, думаю, всё, сейчас ещё раз наступит, и я не выдержу, открою рот, и вырвет меня прямо на неё, перед всей этой публикой. Хорошо хоть ни ел и ни пил ничего, просто не успел, меня сразу на танец вывели. Так и сдерживался весь вечер, ведь танцевать я должен был только с ней. Это мой отец пообещал её семье, что их дочь весь раут проведёт в компании принца. Наобещал он, а страдать пришлось мне. С тех пор я аккуратней духами пользуюсь, и надеюсь та женщина тоже.

Эта история вызвала, куда больший отклик у слушателей, чем предыдущий рассказ. Громогласного хохота не раздалось, но улыбки на лицах появились.

– У моего брата тоже была одна забавная история, связанная с девушкой. – Продолжила заданную тему Калида.

– Какой из? – Джезбел взяла кусок тонко нарезанного персика.

– Самый старший, Кортин. Дело было так: наш отец заметил пропажу урожая с грядок, и никому не сказав решил выйти ночью в патруль. Вооружившись дубиной, он затаился в кустах. И вот ближе к полуночи он заметил силуэт, пробирающийся по нашему огороду. Хорошенько размахнувшись, папа бросил дубину и попал точно в лоб вору. Им оказался Кортин, выяснилось, что брат встречался по ночам с девушкой из семьи, жившей за два дома от нас. Он не только сидел и болтал с ней, но и кормил её ягодами, фруктами и прочим росшим у нас в садах. Пытался понравиться ей при помощи еды. Отец тогда ему знатную шишку на лбу поставил, месяца два светилась. – Юная волшебница последнее предложение произнесла с громким смехом, сгибаясь пополам за столом.

– Не знаю как с той девушкой, но со мной бы ягоды и фрукты точно сработали бы. – Хмыкнула Джезбел. – Ты говорила, что все твои братья погибли на войнах?

– Да, именно так. – Калида залпом влила в себя содержимое бокала.

– Мне вот интересно, а как решают, кто пойдёт в армию? –

Джезэбел обвела взглядом мужчин сидевших с ней, в отличие от них она не участвовала в войнах.

– Сюзерен присылает своих придворных слуг в деревню. Те выстраивают всех мужчин старше тринадцати лет, и забирают каждого четвёртого. Если же страна несёт большие потери в сражениях, тогда набор повторяется точно по такому же принципу. Иногда, в особо критичных случаях, забирают каждого третьего, это, правда, случалось только пару раз. А во времена войны близнецов так и вовсе забирали каждого второго. Но это был единичный случай в истории. – Альбе-рион убрал бокал в сторону и взял, более подходящий для рома, кубок.

– А что насчёт городских жителей? – Калида повернулась к учителю.

– Горожане принимаются в войска исключительно добровольно, и то, если они изъявляют своё желание послужить родине, тогда им нужно пройти специальную комиссию. На которой они непременно должны доказать что достаточно сильны чтобы управляться с мечом и могут ориентироваться и выживать в лесах. Никому не нужны воины, которые могут заблудиться.

– Ещё ведь есть рыцари, их всех забирают без исключения при любой стычке. – Захмелевший Рогир не постеснялся поправить своего господина.

– Да, точно, совсем забыл про представителей низшего дворянства, их работа воевать. Поэтому при любом кон-

фликте рыцарей и сквайров забирают первыми, а уже потом набирают всех остальных. Не трогают только кузнецов, тех не берут, даже если они изъявляют такое желание. – Некромант расправил отросшую за полгода бороду, которую намеревался завтра же сбрить.

– Но почему? Они же очень сильные. – Джекзэбел опёрлась локтем на стол, но не, оттого что её развезло; просто для удобства. Красноволосая волшебница хоть и была по своим габаритам меньше всех, но держалась наравне с мужчинами.

– А у кого тогда крестьянам покупать оружие и броню, если единственного кузнеца в селе заберут. – Альберион едва не разлил содержимое кубка, активно сопровождая объяснения жестыкуляциями.

– Так они ещё и оружие с бронёй за свои деньги покупают?! – Калида решила, что на сегодня с неё хватит алкоголя и отставила бокал и бутылку в сторону.

– Как и все. Высшее и низшее дворянство, маги – все мы сами покупаем себе снаряжение и коней. Исключение составляет только гвардия. Туда, с позволения родителей, набирают детей, обладающих физической силой превосходящей их возрастную норму. Затем их каждый день учат сражению и боевому построению, а король лично на свои деньги покупает им латы, щиты, мечи и копьё.

– Неужто мне придётся биться палкой, если я не смогу купить себе оружие? – Джекзэбел явно была этим возмущена, ей показалось подобное несправедливым.

– Да, однако, такого никогда не случалось. В бедных семьях доспехи и мечи передают по наследству. И люди следят за тем, чтоб они всегда были в отличном состоянии. Регулярно относят их к кузнецу: всё же отремонтировать старые мечи и доспехи куда дешевле, чем покупать новые. – Альберион внимательно посмотрел на девушек, пытаясь понять, удовлетворено ли их любопытство.

Дамы больше вопросов не задавали, получив, по их мнению, исчерпывающую информацию. И разговор компаньонов вновь вернулся к безмятежной болтовне и рассказам о забавных случаях из прошлого.

К концу апреля немилостивая северная погода отступила, принеся с южными ветрами тепло и диких птиц. Из-под начавших таяние снегов показывались белые цветы, зелёный мох и прошлогодняя высохшая трава, которую нехотя жевали выгнанные из домов коровы и добровольно покинувшие леса олени.

Альберион последовав примеру фермеров, выволок и своих подопечных на улицу, всё это время изучавших магическую теорию сидя в замке. Теперь же, когда можно было провести на улице целый день, ничего при этом, не отморозив, теоретические занятия сменились практическими, к радости студиязусов.

Ему и место удалось подобрать подходящее далеко за северными городскими воротами. Ну, да это было легко: такое

величественное сооружение виднелось из любой сторожевой башни, с любого балкона в замке.

Прямоугольное здание имеющие только три внешних стены, без перегородок, полов и крыши. Строение выглядело так, словно его зодчий очень любил дверные проёмы, только сами двери ставить не захотел. Три этажа голых стен с плотными рядами арок стоящих настолько близко друг к другу насколько вообще возможно, в том числе и на самых верхних уровнях.

– Вы научились находить в себе магию, извлекать и менять её, управлять и придавать ей силу разных стихий, трансмогрифицировать её. Теперь вам нужно научиться стилям магии. Как мечник изучает всевозможные стили фехтования подходящие для различных ситуаций, так и в магии необходимо быть готовым к любым обстоятельствам. Вам необходимо научиться быстро, творить заклинания, чередуя одни тип магии с другим, без пауз и отдыха. Огонь сменяется льдом, а за ним следует каменная стена и это всё за мимолётные мгновения. Ваша связка заклинаний обязана проходить быстрее воробьиного чирикания. – Некромант говорил громко и отчётливо, находясь прямо напротив обоих учеников.

Несмотря на всю нелепость, данное сооружение обладало хорошей акустикой. Бродячие артисты могли бы ставить здесь свои буффонады. Возможно, отсюда их было бы слышно даже в городе.

– А для каких конкретных ситуаций есть свои стили? – Будучи первоклассным мечником Вимон понимал, о чём ему говорят, и хотел поскорее перейти к делу.

– Есть стиль боя против одного врага, против толпы, против плотного строя солдат; заклинания направленные на противостояние лучникам. Ну и, конечно же, колдовские приёмы против других магов. Вот именно со спарринга мы и начнём. Повернитесь друг к другу лицом и сделайте пятнадцать шагов назад.

Разойдясь по сторонам, волшебники приняли боевые стойки, выученные на теоретических занятиях. Огонь для них обоих оказался самой простой в освоении стихией, оттого они оба с него и начали. Шар, волна, хлысты. Заметно было, что они обучались вместе. Их магия дублировалась, будто кто-то у кого-то списывал.

Понимание что так они не победят, пришло в их головы быстро. И бой затих, взял паузу, чародеи смотрели в глаза друг другу, тщетно пытаясь прочесть чужие мысли. Конечно же, маги такого не умели, магия могла исключительно разрушать, больше она ни на что не годилась. Вдруг, их обоих поразили тонкие как ленты разряды молний, а они даже не успели почувствовать волнения в магии.

– Вот какой должна быть скорость сотворения заклинаний. – Альберион выдал недовольную гримасу неподвижно сидя на куске руин. – Вы настолько медленные, что вас пара лучников победит. Ваши тела готовы к нужному темпу, осо-

бенно твоё Вимон: сейчас богатый опыт воина даёт тебе преимущество, но вы слишком долго принимаете решения. Не бойтесь ошибиться, не переживайте из-за неудач, это учебный бой; не настоящий, где ещё допускать ошибки как не здесь.

– Ох, ёбаный в рот! – Наёмник, сопя, поднялся, держась за поясницу. – Давай, милашка, поднимай свою соблазнительную попку. Я не могу бить лежачего.

– Я вырву тебе язык, за твои скабрёзные речи! – Калида решила провести на земле чуть больше времени.

– Многие так говорили и, тем не менее, ни одна дамочка не смогла устоять перед моим обаянием. – Он развёл руки в стороны, самодовольно улыбаясь.

– Ты в лесу жил почти год: белки да берёзы вот и все твои «дамочки». – Она продолжила бой, пустив ледяную стрелу в пошлого наёмника.

Теперь оппоненты перестали бездумно атаковать, они пытались предугадать действия партнёра, и удивить своими нестандартными, как им казалось, ходами. Старались принимать необычные решения, нападать неожиданно. Оба не стояли на месте, а носились по площадке, в отчаянных попытках подловить товарища.

Альберийон больше не прерывал их бой, только давал советы и указывал на недостатки в боевых стилях. Лишь иногда, собственным примером, показывая как наиболее эффективней творить заклинания льда или воздуха. Ученики осваива-

ли его подсказки, не отрываясь от поединка. В таком бодром, пусть и немного рваном темпе и продвигалась их тренировка. До тех пор пока, в связи с наступлением темноты, не возник риск получить травму.

– Вечереет, пора заканчивать. Собирайте свои вещи и отправляйтесь в город. Завтра жду вас здесь же на рассвете. – Альберион отряхнул пыль с одежды и намеревался уже уйти, но тут к нему подскочила Калида.

– Учитель, а расскажите, чем это здание являлось раньше? Просто от него так мало осталось, что совершенно не понятно для чего оно было построено. – Юная чародейка, оставив походный мешок, подошла к королю мятежников так близко, что едва не наступила ему на ногу.

– Ты не поверишь, но данное строение прекрасно сохранилось, лучше многих других: оно, практически не изменившись. – Некромант тихо посмеялся, но не над невежеством ученицы, ему показалось забавным, что здание, которое построили именно так, как и задумывалось, многими воспринимаются как руины.

– И для чего оно нужно? – Она ещё раз всё осмотрела.

– Ну, оно определённо не является остатками какого-то дома или дворца, или даже развалинами театра. – Он решил немного подразнить её любопытство, не отвечая на вопрос сразу.

– А я вот была уверена в том, что это когда-то было театром! – Удивлённая волшебница повернулась и посмотрела

в глаза Альбериону, выдерживающему томительную паузу, перед тем как сказать истину.

– Нет, данное сооружение не что иное, как виселица. Если ты присмотришься, то заметишь в некоторых арках ещё сохранившиеся поперечные балки. Так вот, к ним привязывались петли, а затем на специальных лестницах туда поднимали приговорённых и накидывали им верёвку на шею.

– Но зачем так много секций? – Лицо юной волшебницы побледнело, а зрачки сузились, внезапно ей стало холодно, хотя оделась она тепло. У чародейки вдруг сложилось чувство, будто она оказалась на кладбище.

– Времена были беспокойные; так можно было казнить полсотни преступников за час, при хорошей выучке стражников. Казни могли длиться по несколько дней: одних снимали, других сразу же вешали. Таким образом, тысячи нарушителей закона лишались жизней в течение всего нескольких суток.

– Но разве виселицы не должны стоять в самом центре города, чтобы внушать жителям страх перед властью? – Калида вновь задала довольно пронизательный вопрос, чем снова порадовала Альбериона. Ему всегда импонировало общество умных людей, и смыслённость его ученицы только убеждало падшего принца в не бесполезности траты своего драгоценного времени на обучение данной персоны.

– Ты совершенно права, когда-то тут и вправду был центр очень большого города, где проживала почти сотня тысяч че-

ловек. Но однажды его разрушили, а из обломков построили новый, неподалёку, именно в нём мы живём сейчас. – Он, словно экскурсовод, обвёл рукой пространство вокруг. И действительно, даже в вечернем сумраке, из-под мха и травы виднелись останки строений с признаками каменной кладки прошлой эры.

– А кто разрушил этот город? – Тело Калиды вдобавок ко всему моментально покрылось мурашками от осознания нахождения на месте, где на протяжении нескольких сотен лет проводились массовые казни.

– Рабы. Им надоело всё это терпеть, и они восстали. А виселицу оставили как напоминание о жестокости дворян.

– Мне уж подумалось, будто это ты снёс тут всё, во времена военных походов твоего отца. – Волшебница тихонько засмеялась, но тут же прикрыла рот руками, боясь, что сказала лишнее, возможно даже обидное.

– Нет, милая. – Его лицо размякло в радостной улыбке сопровождающей тихим смехом. – Город был разрушен за триста с чем-то лет до рождения отца. Так что мы захватили сам Манеранг, а не его предшественника.

– Долго штурм продолжался? – Чародейка потёрла ладони, а затем плечи. Её одежда хорошо согревала днём, но была слишком легка для вечерней стужи.

– Нам даже часа не потребовалось. Наши силы разделились; отец атаковал южные ворота, я северные. Король Фариоиса решил, что правитель Фендала более опасный против-

ник, поэтому сосредоточил большую часть своей армии на юге города, и это было его роковой ошибкой. В гневе, из-за того что меня посчитали недостойным противником, я взорвал ворота всего одним заклинанием и захватил центр и ратушу, ещё до того как войско отца приблизилось к стенам. Именно тогда у меня возникла мысль, что я могу одолеть отца, надо лишь собрать достаточную армию. – Тяжёлый вздох и поджатая нижняя губа окончили его пересказ.

– Нас всех поджидают ошибки, особенно в тех ситуациях, когда мы уверены в собственном успехе. – Она обняла его руку, мягко повиснув на ней. – Сегодня такой прекрасный вечер, давай прогуляемся по городу вдвоём, расскажешь мне ещё какие-нибудь истории, а затем поужинаем в каком-нибудь уютном, нелюдном заведении, где будет много свечей и тихая музыка.

– Прости. – Маг холодно посмотрел в её сияющие глаза. – Меня ждёт военный совет, на который я точно опоздаю, если ещё потрачу хотя бы немного времени.

Он отстранился от чародейки, будто уколотившись, и смотря исключительно под ноги, отправился в город. Калида, едва моргая, лишь глядела ему в след.

– Что, никак не тает пред тобой наша глыба. – Вимон, наконец-то закончивший собирать их вещи, подошёл к волшебнице, держа оба мешка.

– Тебе то что? – Она грубо сорвала свой мешок с его плеча.

– Ну, он так много времени провёл в той темнице на самом севере. Если здесь такие холода, представь какие невыносимые морозы там. Может после стольких лет у него в штанах сосулька вместо члена.

– В голове у тебя, вместо мозгов, сосулька. – Калида быстрым шагом пошла прочь от развратных шуток наёмника, она была не в настроении его слушать.

– Зато хер рабочий, так что если ты соскучилась по мужской ласке, всегда рад буду помочь. – Он встал на цыпочки, словно так она могла его лучше услышать.

Калида не удостоила его ответом, зато ускорила шаг.

Альберион тоже в бодром темпе, пробирался по узким запутанным коридорам верхнего этажа замка, пока не наткнулся на Рогира, также идущего на военный совет, приглашённого туда в качестве самого опытного мага. Заметив его, король мятежников успокоился; осознав, что он никуда не опаздывает. Ведь за время их знакомства старый маг не раз показывал себя как человек весьма педантичный.

– Послушайте ваше величество, можно кое о чём у вас поинтересоваться? – Он поклонился, прежде чем задать вопрос.

– Мы ещё не на совете Рогир, можно без титулов и поклонов. – Для экономии своего и чужого времени они решили беседовать на ходу.

– Я тут как-то из любопытства расспросил Калиду и Вимона о том, чему ты их там учишь и понял, что ты им нечего

не рассказываешь о некромантах, почему? – Прищурился глазом, он пристально взгляделся в лицо Альбериона.

– А зачем? Ведь после уничтожения культа Дюрэнтира некромантов больше не осталось: следовать преступному учению совершенно некому, ведь абсолютно все их фолианты были сожжены.

(Мне с огромным трудом и риском удалось спрятать лишь несколько. Но о них никто не знает.)

– Если смотреть в озеро то рыбы ты не увидишь, но это не значит, что её там нет. В академии ещё на самых первых уроках говорят, что обязанность мага не умирать на поле боя за короля, а уничтожать тех, кто оскверняет саму жизнь. Им необходимо знать, что главная задача волшебника, это борьба с некромантией. Истребление этих мерзких ублюдков, неостанавливающихся ни перед чем.

– Нашего ордена больше нет! – Падший принц резко остановился и, стиснув зубы, хмуро посмотрел на Рогира. – Его весь уничтожили! Заповеди старейшин магов уже атавизм. Теперь ты да я, вот и все боевые маги. Нам незачем жить прошлым; когда я приду к власти, мы создадим иной орден с другими порядками, где маги будут служить королю. Я подчиню их себе!

Быстро развернувшись, он направился дальше; впереди его ждал ещё более напряжённый разговор с дворянами согласившимися поддержать это восстание. Прибыла ещё даже не половина желающих, всё-таки путь не близкий, но планы

нужно было разрабатывать уже сейчас.

– Зачем мы забрались в скалистую местность так далеко от города? – Калида беглым взглядом смерила окрестности, но выводов никаких у неё не возникло.

– Здесь много крепких валунов. – Альберион аккуратно сложил припасы на низком плоском камне, и повернулся к ней крепко упиревшись руками в пояс.

– Если вы намерены дать урок магии, тогда почему снами нет Вимона?

– Для такой магии ему не хватит сил. Ваши спарринги хорошая практика, но в них ты не можешь раскрыться. Тебе пора учиться использовать свою невероятно огромную магическую энергию. Именно тут мы и будем изучать ужасающей мощи заклинания. – Чародей встал рядом с ученицей, едва не задев ту плечом.

– С трудом верится, будто я и вправду так сильна, как вы говорите.

Она опустила глаза, ковыряя носом ботинка ещё не совсем оттаявшую землю.

– Насколько я могу судить... – Некромант указательным пальцем коснулся её подбородка и приподнял её голову, заставив смотреть на валун. – Но пока тебе нужно научиться использовать ну хотя бы треть своих способностей. Выпусти эту силу, пусть твоё тело привыкает.

Юная волшебница вытянула руки вперёд, сложив ладони

кувшинкой, и магия устремилаь точно туда: развиваясь обширными потоками окутывающими тело, летящими вперёд к кончикам пальцев. Калиду затрясло и закачало, Альберион обошёл её, встал сзади и приобнял ученицу за плечи.

– Мне больно учитель, чувство такое, словно у меня руки рвутся! – Её кожа покраснела, а лицо сморщилось как от солёного лимона.

– Это абсолютно не так. Ты прекрасно справляешься милая, однако этого тебе по-прежнему недостаточно. Продолжай концентрировать больше энергии. – Магу буквально приходилось кричать чародейке в ухо, ибо шум от заклинания способен был заглушить даже грозу.

– Куда уж больше, меня сейчас на части разорвёт. – Она повернула голову к Альбериону, но взгляд остался сфокусированным на ладонях.

– Если ты не веришь в себя, то поверь мне.

Магия продолжала набирать объёмы, её конечно нельзя было заметить, но можно было почувствовать: как легко ис-кажется ветер; увидеть, как пригибается и чернеет трава неподалёку; подскакивают маленькие камешки.

– Ещё немного и я не выдержу! Боль невыносимая! Мне кажется, будто я горю изнутри. – У неё сильно поднялась температура, её кожа не только побагровела, но и по телу струйками потёк пот.

– Ты, верно, заметила, что тебе кажется, ничего страшного не происходит. Но вот теперь, начнётся сложное. Необходи-

димом сжать всю эту энергию в узкий клинок воздуха, достаточно плотный, чтобы разбить вон ту серую каменюку.

– Да как такое вообще возможно?! Я эту силу удерживаю-то с трудом. – Дрожь в теле и руках усиливалась; волшебницу, словно лихорадило.

– Я бы не стал требовать от тебя невозможного. – Для внушения уверенности Альберион крепче сжал её плечи.

Калида разомкнула «кувшинку» и расставила ладони, пыталась сдавить что-то невидимое, и между ними стала образовываться прозрачная похожая на стекло дымка с очертаниями полумесяца. Гул магии вместе с этим затих – утихло и всё вокруг. Воздух становился всё плотнее, заметнее, а его форма чётче.

– Тяжело. – Она скрипела зубами от напряжения.

– Пора. – Кивнул он и сделал шаг назад.

Клинок ветра полетел точно в цель, колдунья и не заметила, как он раскроил валун словно булку мягкого хлеба. Чёткая, ровная, идеально гладкая полоса зияла посередине, расплывшегося на две части, камня.

– У меня получилось! – Если бы у Калиды оставались силы: она бы прыгала от радости, но сейчас ей даже на ногах стоять удавалось исключительно благодаря своевременной поддержке Альбериона.

– Да, ты молодец! Теперь немного передохнём, перекусим и продолжим. – Он аккуратно усадил ученицу на камень с лежащими на нём мешками.

– Как, это ещё не всё?!

– Разобьёшь ещё пару таких, и на сегодня урок будет завершён. – Маг достал из мешка свежую булку и кусок сильно прожаренного мяса.

– Я с одним едва справилась. Боюсь, если повторю подобное, то помру прямо тут, посреди поля. – Она приняла отломанный кусок булки, протянутый учителем.

– Ты точно справишься, верь в себя. Года через четыре подобных тренировок и ты станешь сильнее целой армии. Ну а спустя десять лет ты сможешь раскрыть весь свой потенциал и тогда будешь могущественнейшей чародейкой в истории. Сильнее, чем великие маги прошлого. – Он тонко нарезал нежное мясо, не сводя взгляда с недавно наточенного ножа.

– Ты очень часто говоришь об этих «великих магах прошлого», но в отличие от тебя, я ничего о них не знаю. Видишь ли, не все так умны как ты. Так что может, расскажешь мне о них хоть что-нибудь?

Альберион одёрнулся, чуть не порезав палец, общаясь с людьми, он довольно часто забывал, что не всех в этом мире обучали как принцев. Да, его предок лет так четыреста назад ввёл обязательное образование в стране, но оно составляло: два класса для сельских жителей; четыре класса для горожан и восемь классов для дворянства. Его же учили двенадцать лет (а если бы он не поднял восстание, то учили бы пятнадцать).

– Прости, ты так говоришь, что легко забыть о том, что

ты простолюдинка.

– Ну, меня в борделе два года не только мужчин ублажать учили. Столичным людям нравятся шлюхи, ведущие себя как аристократия.

– Главное знай: ум, это стремление учиться у лучших, а не количество твоих знаний. Пожалуй, расскажу о сильнейшем из магов, человеку по имени Силантис. Жившем в четвёртом веке второй эры, в далёком отсюда королевстве Дартис. В тех книгах, которые мне довелось читать, говорилось, будто его мощь была столь велика, что он создавал артефакты: брал вещи и наделял их магической силой. Никто кроме него подобного совершать не мог: ни до него, ни после.

– И сколько же он их создал? – Она взяла несколько кусков мяса и запихнула в рот, решив, что раз нет стола то и столовый этикет соблюдать не обязательно.

– Пять. – Падший принц поедал части стейка, насаживая их на кончик ножа.

– А где они теперь?

– Никто не знает. Когда Ошида в середине второй эры напала на Дартис, и поражение последних стало очевидным, их король приказал спрятать артефакты.

– Он ведь должен был сказать подданным, где их прятать. – К отдыхающим присоединилась стая птичек, и чародейка бросила им несколько крошек.

– Так в этом и состояла хитрость. Пять избранных воинов должны были сами решить, где именно оставить артефакты,

а затем совершить самоубийство. План сработал идеально: наследие Силантиса затерялось в веках. Ошидцы и по сей день тратят большие деньги на поисковые экспедиции.

– Значит, раньше маги были и в других странах, а как вышло так, что теперь они только в Фендале?

– Когда-то очень давно чародеи могли одним заклинанием уничтожать города и армии. Поэтому исход сражения зачастую зависел от результата дуэли двух волшебников. Но потом магия начала угасать, и влияние колдунов на поле боя перестало быть таким значимым, а потери среди магов стали быстро расти. – Он с изумлением смотрел на птиц мирно делящих крошки. Пернатые вели себя так, словно их связывали годы крепкой дружбы.

– И тут им внезапно надоело гибнуть в чужих войнах.

– Не всем. Приблизительно шестьсот лет назад мой далёкий предок разослал весть по всему континенту, где говорил о том, что уставшие от битв волшебники могут поселиться в Фендале, где им непременно будет предоставлено жильё и места для изучения магии. А также полная независимость от короны и налогов, если те обязуются сохранять нейтралитет во всех будущих конфликтах.

– Это очень заманчивое предложение. – Утренняя прохлада ушла, и солнце наконец-то начало согревать, Калида вытянула ноги и немного отклонилась назад, желая, чтобы больше тёплых лучей падало на её тело.

– Многие с тобой согласились, и спустя десять лет в Фен-

дале была создана гильдия магов, а в столице самая первая магическая академия. Ещё через сто лет более восьмидесяти процентов волшебников всего материка проживали в нашей стране, это если верить летописям, конечно же. Затем, дабы сохранить секреты колдовства, орден чародеев сделал большой заказ у наёмных убийц, и за пару десятилетий все маги, не состоявшие в гильдии, были истреблены. – Он поднял голову, наслаждаясь теплом и природой.

– Какая ужасная и расчётливая жестокость! Неужели в нашем мире никто не ценит человеческих жизней?

– Ну, а зачем, люди новые наплодятся, а допустить создание конкурирующей организации, да ещё и в другой стране, это очень опасная перспектива. Так они рассуждали, я полагаю. Но я понимаю, о чём ты, я также думал, когда сражался за отца, меня угнетало чувство стыда, при виде как мы губим десятки тысяч жизней из-за его ненасытной жажды власти.

– Почему же маги сражались за короля Кэривульфа, ты ведь сказал, что по договору заключённому давно они имели полное право сохранять нейтралитет?

– Мне это неизвестно: может кучу золота пообещал, может больше прерогатив, может и то и другое. Но одно я точно знаю – мой отец умел убеждать. У него был тяжёлый, устрашающий взгляд и некая необъяснимая аура, внушающая трепет и уверенность. Такому человеку хотелось служить, и страшно было бросить вызов. Он всегда, всегда, держал данное слово, даже если дал обещание простолюдину и

никогда не прощал обид. Отец правил жестоко, но эффективно. – Альберион опустил голову и слегка потёр занемевшую шею.

– Ввергая народ в нищету? – Калида прищурилась, словно юная кошка перед броском на потерявшую бдительность мышь.

– Поверь, меня это тоже злило не меньше чем тебя. Но я имею ввиду другое. Посмотри, отец мёртв и нашу страну раздирает гражданская война, но все споры только о том, кто же больше годится на роль короля я или племянник. Никто не думает о том, чтобы отсоединиться и создать собственное государство. Он смог сделать все эти народы едиными, собрать королевства со своими традициями и порядками в одну страну. И это всего за пятьдесят лет. Недостаточно завоевать другое королевство, нужно ещё и суметь покорить его народ. В этом и есть его величие. Но даже он, не смог подчинить себе магов, они согласились участвовать в его войнах, но не повиновались ему как правителю. Они просто заключили ещё один выгодный договор.

– Как всё сложно, я думала, они присягнули на верность как все остальные.

– Нет, совет магов-старейшин избрал своего представителя, который должен был присутствовать на всех военных советах, и решать будут ли маги принимать участие в том или ином сражении. И как именно будут использоваться их силы. Первым представителем магов был мой учитель, а я стал

последним.

– Удивлена, что при всём могуществе чародеев прошлого, никто из них так и не попытался занять трон.

– Ну почему! Пытались и даже занимали. Вот только магия не передаётся по наследству. За три тысячи лет существования моей фамилии я единственный маг в роду. Так что, когда какой-нибудь волшебник узурпировавший власть, умирал, знать убивала всех его детей и внуков, возвращая на трон законную династию, ну или тех, кто был с ней в наиболее близком родстве, если потомков той династии не оставалось. Вскоре безродные чародеи перестали конкурировать за трон, ведь какой смысл достигать чего-то, если некому передать своё наследие.

– А как твой отец смог получить столь безграничную преданность захваченных стран? Почему они не думают о восстании?

– Всегда найдутся те, кто не доволен властью, поэтому, когда захватываешь какое-нибудь королевство нужно в первую очередь найти в нём оппозиционеров ненавидящих свергнутое правительство и частично дать им то, что они требовали от предыдущего правителя. Потом поставить их на низшие руководящие чины, а дабы они не разрослись в могуществе настолько, чтобы думать об отделении: надо на высшие должности поставить людей из безоговорочно преданной тебе знати, ну или тех, кто получает много дивидендов от сотрудничества с тобой.

– Хитро.

– Да, недурно. Большая часть оппозиции настолько ненавидит власть, что не замечает, как своими действиями вредит не только королю, но и себе: лишая свой собственный народ независимости.

– Большая, но не вся?

– Всегда есть исключения.

По их еде уже начинали ползать осы – беседа затянулась, однако Альберион прекрасно понимал о необходимости просвещения Калиды. Ей нужно было знать прошлое магов и тонкости политики, дабы лучше понимать устройство этого мира и избежать нелепых ошибок в будущем.

– Ещё мне очень интересно узнать: удалось выяснить причину ослабления чародеев? – Она попыталась прогнать ос ползающих по платью, но те всего лишь перелетели с одного места гамурры на другое.

– Не удалось. Куча исследований так и закончились ничем. Мы знаем только то, что тысячу лет назад большинство магов могли одним заклинанием рушить твердыни, а сегодня большая часть колдунов, одним заклинанием может разве что оставить серьёзный ожог на теле врага. За последние сто лет я единственный кто способен убить человека всего лишь одним огненным шаром или молнией. Ну, вот теперь ты ещё есть. Так что может магия и не угасает, а просто мы стали хуже искать. Ведь чародеи безвылазно засели в городах, проводя свои исследования, в то время как, в любой

стране девяносто пять процентов людей живут в деревнях. Возможно, путешествуя я по материку всю жизнь, встретил бы ещё десяток таких, как ты. А может, и нет. Вдруг ты уникальная. Нет смысла думать об этом, ты уже достаточно отдохнула, пора продолжать обучение. – Он встал и протянул ей руку помогая подняться с пригретого места.

Дальнейшие попытки разрушить камень, Калида совершала под присмотром Альбериона, но без его непосредственного участия, оттого заклинание сплеталось хуже: постоянно отменялось, рассеивалось, исчезало, растворяясь, не принимало нужной формы. Отнимая много сил и времени чародейки. После обеда ей удалось разрушить второй камень; третий же раскололся только вечером. И в темноте, она уже полностью обессиленная, повиснув на плечах учителя, поволоклась домой, засыпая на ходу от усталости.

Вимон всегда спал очень мало, засыпал он, как правило, лишь спустя два часа после полуночи, а просыпался ещё до рассвета. Конечно, в разное время года и солнце встаёт по-разному, но наёмник даже будучи смертельно уставшим, уделял сну не более четырёх часов в сутки.

Свободное утреннее время он тратил на упражнения поддерживающие тело в хорошей физической форме. А также на чтение книг: если освещение позволяло подобное, и ему не приходилось напрягать глаза, прожигая дорожные свечи. Но и на этом его увлечения не заканчивались: сидя за столом

полным бумага, он вертел в руках перо с засохшей парой капель чернил на кончике, остановив пустой взгляд на листке, лежащем посредине столешницы.

Цветок собой прекрасен,
Когда шипами он опасен.

– Что же написать дальше: неясен; ужасен; вульгарен или же колоссален. Нет, последнее совсем бред, да и к тому же очень сильно выбивается в произношении от предыдущих слов. Какую же подобрать рифму? – Бубнил себе под нос Вимон, пока его творческую дилемму не прервал осторожный стук в дверь.

Конечно же, вся их компания знала о его привычке довольно поздно ложиться и очень рано вставать, так что осторожность данного стука была связана скорее с неуверенностью гостя, чем с боязнью разбудить хозяина.

Отбросив перо, поэт-любитель направился к двери. На пороге стояла Калида, робко мнущая руки перед собой и смущённо поглядывающая вниз. Наёмник очень удивился столь приятному визиту, но сохранил самообладание.

– У меня к тебе есть необычная, но важная просьба, от которой ты, наверное, откажешься. – Она вертела сжатые ладони так, что едва не выламывала пальцы.

– Ну почему же, за пятнадцать золотых в час можешь делать со мной всё что захочешь. – Он улыбнулся, сверкнув

жемчужно-белыми зубами.

– Оо, да ты сведущ в расценках как погляжу, удивлена! – Его шутка сработала, девушка слегка раскрепостилась.

– То, что я знаком с расценками девиц продающих любовь, это как раз таки очевидно. Но вот то, что ты знаешь подобное, это большой сюрприз. Откуда тебе подобное ведомо?! У тебя что, есть свои грязные секреты?! – Он наклонил голову к ней поближе и прищурил глаза, словно пытаюсь увидеть её насквозь.

– Может, уже выслушаешь мою просьбу или так, и будем тут стоять да шутки шутить? – Миловидное лицо чародейки становилось очень смешным в гневе.

– Мне всё равно на что тратить своё утро. Но если для тебя всё так важно, то не откладывай с этим. Переходи к сути.

– Научи меня биться на мечях. – Она покраснела и сильнее сжала ладони.

– Вот уж действительно удивила! К такому я точно не был готов! А почему ты пришла ко мне? Почему не попросила своего ненаглядного? – Вимон опёрся рукой на холодную каменную стену.

– Я просила, но Альбертион ответил, что для меня это пустая трата времени, и мне нужно сосредоточиться исключительно на магии.

– А ты, стало быть, так не считаешь?

– Ты будешь меня учить или нет?! – Чародейка посмотрела в его глаза.

– Безусловно, я мог бы обучить тебя, но мне не хочется делать это бесплатно.

– Деньги у меня есть, я заплачу.

– Монеты, красавица, оставь себе. Мне интересно другое: откуда ты всё-таки знаешь расценки шлюх. Я хочу, чтобы ты удовлетворила моё любопытство. Так что давай так: я бесплатно учу тебя фехтованию, а ты рассказываешь мне свои грязные секреты. По одному за каждый урок.

– Может, лучше возьмёшь деньгами?

– Нет, милашка, так не пойдёт. Я не согласен. – Наёмник хлопнул дверью, но не успел он сделать шаг, как снова раздался стук.

– Договорились. – Бросила волшебница, едва дверь отворилась.

– Здорово! Так, и когда начнём?

– Сейчас же.

В Манеранге было много тренировочных площадок, на которых каждое утро и вечер практиковались стражники. А с недавних пор на них стали приходить ещё и некоторые воины, прибывшие пополнить ряды мятежной армии. Но стеснительная Калида не хотела, чтобы кто-то увидел её неуклюжие попытки овладеть ближним боем. И они отправились на поиски подходящего места за городом: сильно южнее им удалось обнаружить просторное поле, укрытое от обзора часовых небольшой группой деревьев и зарослями высоких кустов.

– Вот возьми, в конце нашего урока вернёшь. – Вимон, заметил, что у подруги нет иного оружия кроме кинжала и, протянул ей один из двух своих мечей.

– Большое спасибо. Как-то я не подумала, что нужно приобрести меч. – Едва она договорила, как наёмник выхватил другой меч и ударил по клинку её оружия, да так, что оно чуть не выпало у неё из рук.

Калида хотела было понять, что тот творит, но Вимон уже наносил следующий удар, и ей едва удалось заблокировать его. Однако оппонент не останавливался и продолжал атаковать, пока чародейка, от боли в кисти, не выронила оружие.

– Что ты делаешь? – Она сверкнула на него яростным взглядом.

– Именно то, что ты и просила. Учю тебя фехтованию. – Наёмник наморщил лоб и развёл руки в стороны.

– Да кто так учит! – Калида прижала больную руку к груди.

– Ну а ты что хотела? Чтобы я начал с каких-нибудь слов о том, что ты должна почувствовать меч, принять его не как оружие, а как продолжение руки. – Воин расхаживал из стороны, в сторону изображая философа. – Так, по-твоему, было бы лучше? Ты этого ожидала?

– Да. – Волшебница, всё ещё немного морщась от боли, сделала пару шагов и подняла оружие, заняв боевую стойку.

– Это всё полная херня, красotka. Если не хочешь чтобы на твоём милом лице появился ещё один уродливый шрам,

защищайся. – Вимон продолжил атаковать, сделав выпады и удары быстрее.

И Калида успевала отражать их, став в этот раз более сконцентрированной и проворной; держала меч крепче и увереннее. Конечно, наёмник сражался даже не на десятую часть своих способностей и легко бы мог победить её, но собранность подруги его впечатляла.

Переключив всё внимание на оружие соперника, она перестала следить за его телом – типичная ошибка новичка. Такая грубая оплошность должна непременно наказываться – сурово и болезненно.

Вимон пнул ученицу в корпус.

– Мои рёбра. – Её лицо побагровело. Скрючившись пополам, она пыталась прокашляться и восстановить дыхание, по-прежнему удерживая меч.

– Будет тебе уроком. В дуэли нужно видеть врага целиком, иногда даже по взгляду можно понять, что твой соперник предпримет дальше. Не говоря уже о таких важных вещах, как расстановка ног и разворот корпуса. – Закончив ликбез, он открытой ладонью шлёпнул Калиду по пятой точке.

– По заднице-то, зачем бить?! – Возмущение помогло вернуть дыхание.

– Я обучаю тебя бесплатно, должен же я получить хоть какое-то удовольствие от траты собственного времени на твои амбиции.

– Вот же ты мерзавец озабоченный. Ну, подожди, через

две недели я научусь владеть оружием так, что уже ты будешь ходить с вечно избитым, посиневшим задом. – Выпрямившись, она указала на него остриём меча.

– Ха-ха, две недели! Да тебе и десятка лет не хватит, чтобы достичь моего уровня. – Он потёр глаза пальцами, вытирая слезы, выступившие от смеха.

– Ты меня сильно недооцениваешь.

– Вы только посмотрите:

Воительница, что лихо,
Город превращает в пламя.
Не может удержать,
Лишь счастья изорванное знамя.

Под латами стальными,
Скрывает свои шрамы.
Во мраке одиночества страдает,
Как героиня мелодрамы.

– Это ты сейчас кого цитировал? – Калида оглядела рукоять меча, пытаясь понять можно ли взять его удобнее или же других вариантов нет.

– Никого. Данные стихи принадлежат мне. А что тебе совсем не понравилось? – Вимон подошёл к подруге очень близко и коснулся её руки.

– Не знаю, я не люблю поэзию. Поэтому моё мнение не

будет объективным. Однозначно могу тебе заявить, что я не страдаю. Да, Альберцион не отвечает на мою любовь взаимностью, однако он всегда рядом. Мне этого пока достаточно, на большее я не могу рассчитывать.

– Очень интересное это твоё «пока»: тебе недостаточно просто быть рядом. Знаешь со стороны такие вещи всегда видно лучше, и я могу тебя заверить, что твои чувства взаимны. Альберциона просто что-то останавливает, не знаю, правда, что, но какие-то барьеры не дают ему открыться. Знаешь, прояви настойчивость, будь смелее в своих действиях и тогда он непременно станет твоим.

– Все войска собраны ваше величество. Больше никто не откликнулся на наше послание. – Метрис постукивал металлическим пальцем по эфесу своего меча.

Справа от него скромно расположился его старший сын Ларлив, назначенный Альберционом на должность главного военного советника. Присутствовала здесь и вся решившая поддержать мятеж высшая знать: бароны, графы, маркизы и даже несколько герцогов.

– Две тысячи шестьсот сорок два солдата и восемьдесят шесть магов, готовы встать под ваши знамёна. – Ларлив навис над столом, на котором как ковёр от кромки до кромки была развёрнута карта страны.

– Кто-то из магов смог выжить! – От этой новости Альберцион на секунду даже забыл о военном совете, но быстро

вернулся в строй.

– Не только, в столице также есть наши шпионы. Некоторые не согласились выполнять приказы Киллиана ещё до того как узнали о вашем восстании, ваше величество. – Отчитался генерал Эндейр.

– Ну, так и что они докладывают?

– Ваш племянник собрал армию более чем из трёх с половиной тысяч воинов, но пока они сидят в столице. Я полагаю, что он ждёт наших действий. – Громко и отчётливо доложил генерал Сайред. За время прошедшее с того военного совета после битвы за перевал Херкрон, на его лице появились: грубая мужская щетина, и несколько неприятного вида шрамов.

– Поверьте мне, его сдерживает не наше бездействие, Киллиан ждёт ответа от Ошиды. Уверен, он отправил письмо королю Далиону, с просьбой о помощи в гражданской войне. И пока они не получают их ответа, его армия будет оставаться в столице. – Альберион медленно взял громоздкую оловянную фигуру и поставил её на картографическое изображение города Вирган.

– Думаете, они пришлют ему помощь? – Метрис свёл металлические ладони, вместе сжимая их в кулаки.

– Вполне вероятно. Моя смерть для Ошиды сейчас главный стратегический приоритет. Хотя, если наше восстание затянется, то они смогут захватить Фендал без особого сопротивления. Ошидцы могут сделать ставку и на это. Что

Далион решит, будет видно только на поле боя.

– Тогда давайте выдвигаться как можно скорее. Если мы дойдём до города Ульсар к концу лета, тогда доберёмся до столицы раньше армии Ошиды. Осенью в нашем краю дороги станут такими, что наши обозы будут едва ползти до южных земель. – Ларлив обвёл взглядом присутствующих, ища поддержку своих слов.

– Ты прав дружище, но мы по-прежнему не собрали достаточно провизии, да и прибывшие солдаты ещё не распределены по сотням, и не назначены десятники. Метрис как скоро вы обеспечите нашу армию необходимым провиантом? – Король мятежников оторвал взор от карты.

– Большая часть уже погружена на телеги, остаток моя прислуга погрузит за две недели или за неделю, если я прикажу им вести погрузку ещё и ночью.

– Безоглядная спешка нам всем никчему, к этой войне нужно подготовиться основательно. Так что пока время терпит...

– Вас понял, ваше величество. – Граф Прасдам поклонился и отступил назад, освобождая место у карты для сына.

– Когда всё будет готово, мы выступим на юго-запад, дойдём до реки Ирия и вдоль её устья станем продвигаться на юг. Так у нас будет куда больше шансов встретиться с армией Киллиана, если тот направится на север. – Альберион провёл пальцем по волнистому холсту новенькой карты, вырисовывая маршрут их движения до самой столицы.

Генералы и знать молча кивнули, соглашаясь с планом, их монарх кивнул в ответ, ознакомляя конец совета.

– Простите, ваше величество, я хотел бы задать вопрос. – Метрис остановил правителя направлявшегося к двери.

– Что вы хотите узнать граф?

– Перед тем как армия покинет Манеранг, я бы хотел устроить в своём замке бал в вашу честь. В знак моего уважения к вам и моей надежды на вашу победу. Как вы на это смотрите, ваше величество? – Он снова поклонился.

– Очень положительно. Возможно, для кого-то из нас эта военная кампания станет последней. Нам всем было бы неплохо как следует повеселиться, перед стартом военного похода.

– На какой день прикажете назначить светский раут?

– На следующей неделе в субботу, за пару дней до того как мы начнём своё продвижение на юг.

Убедившись, что больше вопросов ни у кого нет, Альберрион вышел в узкий серый коридор, едва освещённый фонарями, и направился в свои покои. За ним из комнаты, по обе стороны от пропитанной коричневой смолой дубовой двери, тонким потоком потянулась очередь из военной и придворной знати.

Джезэбел и Вимон мирно стояли на широком гротескном балконе, выходящем во внутренний двор замка, за их спинами была арка, без всяких дверей, ведущая в узкий коридор

третьего этажа.

– Говорят, что скоро мы отправимся на юг, Альберию надоело сидеть, сложа руки. – Наклонившись, чародейка опёрлась локтями на серую балюстраду.

Подобная поза была вопиюще неприличной для девушки, особенно для дамы благородного происхождения, но ей было всё равно на то, что слегка узковатая юбка её наряда обтягивала пятую точку чрезмерно сильно, позволяя окружающим видеть соблазнительные очертания форм нижней половины её тела.

– Я тоже это слышал. Скоро наш мятеж перейдёт в активную стадию, но ещё раньше будет бал. Ты уже купила себе платье? – Наёмник никогда не обладал ни скромностью, ни стеснением, потому, облокотившись на ограду, нагло смотрел на собеседницу, раздевая ту взглядом.

Джезэбел не придавала этому особого значения, как ей казалось, Вимон так смотрел на всех девушек и даже на некоторых мужчин.

– Да, и не одно. Пока никак не могу решить которое из них надену на бал. – В своей задумчивости она бегло осмотрела безлюдный сад.

– А ты надень все сразу, вот будет зрелище. – Он всё не сводил глаз с попы подружки, даже не пытаясь скрыть своих вульгарных мыслей.

– Если я захочу зрелища, то наряжу тебя в одно из своих платьиц. Вот будет смеху-то, интересно как на такой маска-

рад отреагирует Калида.

– Причём тут она? – Он всё-таки вспомнил, что у Джебел есть ещё и лицо; наконец-то переведя взгляд на её глаза. Затем он принялся нервно поглаживать короткую чёрную бороду, растущую от одного виска до другого.

– Ну как причём, мы все тут заметили, что вы уходите куда-то каждое утро, а затем возвращаетесь спустя пару часов сильно грязные и потрёпанные. Что смог добиться своего? Захомутил кобылку? – Она выпрямилась и повернулась к нему, правой ладонью всё ещё опираясь на балясину.

– Нет, она мне совершенно не интересна. У нас с ней исключительно деловые отношения. – Вимон приблизился к Джебел.

– Врёшь. – Она язвительно показала ему язык.

– Это чистая, правда, мне нужна только ты. – Наёмник положил правую ладонь на свою грудь к месту, где билось сердце, и сделал ещё пару шагов к ней.

– Снова врёшь. – Она кокетливо покачала головой. Затем поправив немного скосившуюся из-за ветра юбку платья, прикоснулась к его щеке. – Чем докажешь что я нравлюсь тебе?

– Есть у меня кое-что для тебя:

Карие очи,

Нежная статья.

Думать о тебе ночью,

Не могу перестать.

В голосе бархат,
В локонах шёлк.
Рад, что в жизни,
Тебя я нашёл.

Прекрасней чем розы,
Изящнее волн.
Любой царь отдал бы,
За тебя свой трон.

– Всё-таки ты врёшь. – Джекзэбел подошла к нему вплотную. – Но как красиво.

Она была настолько ниже Вимона, что, даже приподнявшись на носочки, ей всё равно не удавалось дотянуться губами до его лица. Поэтому схватившись обеими руками за ворот его куртки, чародейка резко притянула наёмника к себе заставив того наклониться так низко что его плечи едва не стали параллельны земле, но зато их губы соприкоснулись.

Джекзэбел положила руки Вимону на шею, прижимаясь к нему ещё сильнее. Наёмник, обхватив её за талию, и поднял так, что смог наконец-то выпрямиться, а их головы стали на одном уровне. Она оплела его рёбра ногами, а руками стала водить по его волосам. Их поцелуй становился всё более жарким и страстным. Но им хотелось стать ещё ближе друг

к другу.

Вимон лёг на пол спиной вниз, Джебел же села ему на живот и принялась распутывать чёрные завязки своего красного платья. Их не волновало, что кто-то может выйти в сад и наблюдать за ними. Они не переживали даже из-за того что стражники, патрулирующие коридор, точно не раз не два застанут их в страстном процессе любовного соития: окружающий мир для них исчез, сузился до одного единственного балкона.

Перебравшись на север Метрис Прасдам себе не изменил: бальный зал его мрачного замка соответствовал всем традициям южных народов, представляя собой тандем яркости, цветастости и пышности.

Отсутствие возможности выращивать вечнозелёные сады, он компенсировал фресками, настраивающими на согревающее летнее настроение даже в самую стуженую погоду. Одна из стен была полностью отведена под одну композицию; изображённый маслом и кистью яркий сад был полон фруктовых деревьев, имел небольшое озерцо, несколько умиротворённых животных. В центре произведения притягивала внимание нагая девушка, тянущаяся к висящему фрукту. Помимо привлекательной и милой внешности, она также могла похвастать и роскошной причёской: тёмные рыжие распущенные волосы доставали почти до пят, изящно и соблазнительно прикрывая пикантные части тела. Справа,

чуть поодаль от неё, у озера, на поросшем мхом камне сидела группа людей: голый мужчина в центре и три милые девушки вокруг него, едва прикрытые туниками. Парень рассказывал красавицам какую-то историю, показывая что-то руками, милашки же слушая его, чуть ли не падали от смеха. В противоположной от них стороне сего шедевра, выгуливали маленькую собачонку две молодые брюнетки одетые исключительно в прозрачные шали, по спирали оборачивающие их тела, и едва ли способные укрыть хоть какую-то часть их прекрасных тел от алчущих глаз.

Данное творение художника однозначно отняло не один год его жизни, стена была очень большая; расписать её от одного угла до другого, от пола до потолка, требовало от мастера колоссальных усилий. И всё-таки Альбериону подобные «художества» не нравились, а ещё больше подобное не любила его мать; будь она жива, заставила бы графа как можно скорее убрать эту «вульгарность». Но вот отчего король мятежников пребывал в полном восторге так это от Калиды – юная чародейка в его глазах затмевала собой всех, заставляя забыть обо всех неурядицах в мире и его семейных проблемах.

Две недели назад, на собственный день рождения, она заказала роскошное голубое платье с плетёными узорами, вышитыми золотыми нитями. Спустя пять дней, наряд пришёл, но вот повода надеть столь желанный подарок всё никак не представлялось, и недавняя новость о предстоящем бале за-

ставила её прыгать от восторга, и с нетерпением ждать этого дня.

Облачение волшебницы было очень закрытым: спина прикрывалась до самого затылка, руки полностью скрыты рукавами, юбка до самого пола; совсем спрятаны плечи; даже шея и та была полностью укрыта. Но вот декольте платья было очень открытым, позволяя всем окружающим видеть значительно больше, чем принято в приличном обществе. Только это не было ошибкой портного, Калида осознано попросила его сделать подобное, решив, что раз её лицо изуродовано, тогда она заставит всех мужчин смотреть несколько ниже. Ей было жизненно необходимо вновь почувствовать себя красивой, просто осознать, что она всё ещё может быть привлекательной, особенно в его глазах – глазах танцующего с ней мужчины.

– Как я сегодня выгляжу? – Она придала голосу кокетливый тон.

– На мой взгляд, ты всегда прекрасна, но сегодня милая ты просто невероятно восхитительна! Ты по волшебному чудесна! Я никогда, никого и ничего красивей тебя не видел! – Альберион покраснел, не от вранья (врать он умел), а оттого что всё сказанное им было абсолютной правдой.

– Так вот значит как! То есть, когда ты, в академии магов, видел меня голой, я не показалась тебе такой привлекательной как сейчас? – Она нахмурила брови, и надув щёки сжала губы в плотный круг.

– Это... было... в пылу битвы, я заметил, что ты без одежды только когда мы выбрались наружу, а там было темно, поэтому я практически ничего не видел. – Он побледнел, его руки похолодели, а на лбу проступил пот. От растерянности волшебник увёл взгляд вверх; на голубой потолок визуаль-но отделённый от стен позолоченной лепниной – узкими по-лосами с объёмными узорами. Сам потолок был угловатым (как принято на севере), но художник с помощью своего та-ланта и красок создал иллюзию купола, столь привычного для южан.

– Ладно, можешь считать, что ты выкрутился. – Милая добродушная улыбка, возникшая как по мазку кисти, восси-яла на её лице, и даже уродливый шрам не испортил очаро-вательности этой картины.

– Ох, еле как смог на ходу выдумать себе оправдание. – Слова Альбериона рассмешили Калиду, она прикрыла рот рукой, чтобы не звучать слишком громко.

Ему же, просто хотелось обнять партнёршу, покрепче прижать к себе, да так и стоять с ней до самого утра или даже дольше. Но он подавил в себе эти желания, и просто продол-жил разговор очередным вопросом:

– Это ведь твой первый бал. Где же ты так хорошо научи-лась танцевать?

Каблуки знати тихонько постукивали по мраморному по-лу янтарного оттенка.

– Джезэбел учила меня целую неделю. – Подняв её левую

руку, он покружил чародейку несколько раз, после чего та задала ответный вопрос. – Она мне также сказала, что на любом балу неприлично танцевать только с одним мужчиной и что я должна одарить своим вниманием как минимум троих кавалеров. Это правда или она так надо мной подшутила?

В её взгляде читалось смущение и робость.

– Это негласное правило этикета, его совсем не обязательно соблюдать. Ты можешь весь вечер провести только с одним мужчиной, и никто на тебя косо не посмотрит, но желательно, всё же, сменить несколько партнёров по танцу.

– Хорошо, что так, поскольку я хочу танцевать только с тобой. – Калида вновь несколько раз покружилась, но теперь настолько быстро, что юбка платья слегка приподнялась, показав карминовые туфли с фиолетовой застёжкой и утончённые, изящные природой до изящных линий, икры ног.

– Тогда можешь и вовсе не волноваться. Здесь я король, и могу вальсировать с кем захочу, сколько мне будет угодно. Монархам на подобных церемониях даже прописные правила можно нарушать, а уж негласные и подавно. – Уверенным движением крепкой хватки руки чародей придвинул её чуть ближе к себе. Ей это понравилось, она и сама уже подумывала сократить дистанцию между ними.

– Теперь понятно, почему вы с Джекзэбел любите балы. Здесь действительно чудесно! Эта восхитительная музыка, эти шикарные наряды! Мне кстати очень нравится твой бардовый шерстяной камзол.

– Спасибо, у него ещё и очень удобная шёлковая подкладка, которая... – Хотел, было прочитать очередную лекцию он, но осёкся, поняв, что сейчас не время для подобного. Альберион смело посмотрел в её глаза и подходящие фразы для данной ситуации тут же нашлись. – Мне очень нравишься ты, Калида. И я никогда не забуду сегодняшней вечер. Чем бы всё не закончилось.

– Я уверена, что этот прекрасный вечер перерастёт в ещё более прекрасную ночь, которая непременно закончиться чем-то восхитительным. – Волшебница положила голову на его плечо, нарушив ещё одно правило приличия.

Никто не обратил внимания на такой пустяк, весь знатный люд был увлечён танцами под плавные мелодии струн, продолжавшиеся до самой полуночи. После чего наступила вторая часть светского раута: все ходили по залу, пили вино, ели фуршетные закуски и общались на самые разные темы. Однако учитывая, чему предстояло начаться уже через несколько дней, большую часть дворян волновала исключительно политика.

Калиду не интересовали тонкости большой игры, поэтому вскоре она покинула Альбериона, отправившись стрекотать с дамами на более волнующие её темы. Но её взор с завидной регулярностью скользил в сторону короля мятежников.

Через несколько часов она заметила, как учитель в понуром состоянии, и в полном одиночестве удалился из зала в дверь ведущую напрямиком во внутренний двор замка. Вы-

ждав мгновение, она отправилась следом.

Пройдя около двухсот метров, чародейка обнаружила его сидящим на лавке, расположенной под фонарём, напротив тихо журчащего фонтана.

– Здесь уютно. – Волшебница звучала нежно и игриво. – Тёплый свет фонаря, приятная прохлада от фонтана.

Она присела рядом, поправив подол платья.

– Ага – Некромант не обратил на неё никакого внимания, продолжая взглядом «сверлить» плитку тротуара под ногами.

– Даже в этом полумраке я вижу, что ты расстроен. Скажи мне что случилось? Это из-за меня? Я сделала что-то не так? – Затаив дыхание, она рассматривала его, пытаясь уловить в нём любое, даже малейшее изменение эмоций.

– Нет. – По-прежнему не поднимая головы, прошипел он с хрипотцой в голосе.

– Тогда расскажи мне, что тебя тревожит? Обещаю, всё сказанное останется между нами. Я умею хранить секреты.

– Зачем тебе это?

– Потому что мне не всё равно, что с тобой происходит. И я хочу знать о тебе всё: все твои мысли, все твои переживания, все твои стремления. Поделись ими со мной. Не бойся, ты можешь мне довериться. – Калида пересела к нему ближе и наклонилась, пытаясь заглянуть в его глаза.

– Они не позволят мне это сделать.

– Кто не позволит? Что сделать? Объясни же!

– Я разговаривал с дворянами, они считают, что за всё содеянное, Киллиана непременно нужно казнить! По его приказу были убиты почти все маги, и за это ему нет прощения! Так считают абсолютно все, кто встал на мою сторону в этом восстании. Будь оно не ладно!

– Это же не первый мятеж, поднятый тобой, неужели смерть племянника для тебя такая трагедия?

– Конечно!!! – Альберийон резко повернул голову, переводя взор на ученицу.

Хотя лицо чародея и было сокрыто темнотой, но Калида отчётливо прочитала ярость в его глазах направленную в её адрес. Ещё одно подобное неосторожное высказывание и он лишит её головы прямо здесь.

С трудом сдерживая злость, он продолжил:

– Я даже отца не собирался убивать! Ты, правда, думаешь, что мне хочется лишиться жизни своего последнего живого родственника?! Я ж тогда останусь один, а учитывая какие опасности ждут нас в дальнейшем, велика вероятность того что я умру так и не оставив наследника. И конец тогда всему моему роду. Ох, Калида, я впервые в жизни не знаю, что делать. – Опять опустив голову вниз, он закрыл лицо руками, и тяжело выдохнул в сложенные ладони.

– Ты что-нибудь придумаешь. – Она аккуратно взяла его за руку. – Я верю в тебя. И всегда буду верить. Уверена что, в какой бы непроглядной тьме мы бы не оказались, ты всегда выведешь нас к свету.

– Спасибо тебе милая. Мне очень важно было услышать ободряющие слова. Мне сейчас очень плохо. – Он едва заметно улыбнулся.

– Ты же король. Почему бы тебе просто не приказать им оставить Киллиана в живых? – Чародейке показалось, будто она дала дельный совет.

– Тогда они просто уведут своих солдат, и я останусь без армии. А я не могу сражаться против целого мира в одиночку. Подобное я уже когда-то пробовал, и это закончилось провалом. А стоять в стороне и бездействовать я тоже не могу. Они проведут свой мятеж и без меня, и тогда у Киллиана точно не будет никаких шансов, чтобы выжить. – Альберион ударил кулаком по лавке, тут же раздался треск, вот только не понятно было, что же треснуло: рука или доска.

– Ты больше никогда не будешь сражаться в одиночку. Я всегда буду рядом, какое бы решение ты не принял. Обещаю.

– Как здорово, что я нашёл тебя. Наша встреча лучшее событие в моей жизни.

Альберион посмотрел на неё со всей нежностью, на которую был способен. Решив, что это наилучший момент для проявления инициативы, Калида положив левую ладонь ему на щёку, дабы тот точно не отвернулся, страстно поцеловала его. Поддавшись эмоциям, король мятежников положил свою правую руку на её тело, чуть пониже спины.

В приличном обществе было неприято, чтобы мужчина трогал девушку так низко, даже если они состоят в браке.

Однако чародейку подобная вульгарность не смутила, ей наоборот хотелось, чтобы Альберион опустил руку ещё ниже. Но он перевёл ладонь ей на живот и стал медленно ползти ей вверх, к месту, где заканчивалась ткань платья, и начиналось декольте.

Калида мягко вздрогнула, но не от страха, а от удовольствия, когда кончики его пальцев коснулись её нежной кожи. Спустя ещё немного времени вся ладонь Альбериона прикасалась к коже волшебницы, оказавшись ровно между грудей. И тут он начал надавливать на её тело, и чем дольше длился поцелуй, тем сильнее маг давил. И лишь когда боль стала нестерпимой, она поняла, что он не пытается приласкать её, а наоборот, старается оттолкнуть. словно ему было неприятно.

– Ай! – Чародейка посмотрела на него с возмущением смешанным с полным недоумением. Толчок оказался таким сильным, что она едва удержалась на краю лавки, ухватившись за верхнюю доску.

Подорвавшись с места, маг резко встал напротив ученицы, низко поклонился, а затем суетливо затараторил:

– Прошу меня простить. Моё поведение не достойно благородного человека.

– О чём ты?! Чего такого ты сделал?! – Она всё ещё потирала грудь, пытаясь унять болезненные ощущения.

– Распустил тут сопли перед тобой...

– В этом нет ничего страшного.

– Потом ещё и поцеловал тебя...

– Нет! Это ведь я тебя поце...

Пыталась она унять Альберiona, но тот совершенно её не слушал. Полностью сосредоточившись на своих нелепых (по её мнению) извинениях.

– Это не имеет никакого значения. Я повёл себя не достойно, матери было бы стыдно за меня. Но я тебя уверяю, что больше такого не повторится. Больше я не позволю себе оскорблять тебя подобной дерзостью. – Король мятежников, к облегчению Калиды, перестал стоять в поклонной позе, он выпрямился и строгим шагом убрался прочь, растворившись в ночном полумраке.

«Маменькин сынок! Размазня, а не мужчина! Даже к девушке притронуться не может не покраснев!!!» – Негодовала чародейка, ведя внутренний монолог. – «Ну, ничего, я ему ещё устрою. Не зря же меня учили в борделе тонкостям искусства любви и соблазнения. Я хорошо помню, те уроки. Целых два года мне в голову старательно их вдалбливали. В следующий раз он передо мной не устоит».

(Ты себя в зеркало давно видела?)

Холодно и жёстко прозвучал внутренний голос, тоном хозяина отчитывающего нерадивого слугу, перед тем как ихлестать его плетью.

(Да на тебе живого места нет, вся покрыта шрамами.)

На спину словно вылили ведро ледяной воды, мерзкий страх заставил тело трусливо дрожать. Вспотевшие ладони,

побледневшие (несмотря на косметику) губы. Непрозрачно указывали на то, что ужас, давно закопавшийся в её голове, росший и созревающий с каждым днём, сейчас расцвёл, овладевая рассудком. Кошмарная мысль – она больше не красавица, привлекательность к которой она так привыкла, утеряна навсегда, в столь раннем возрасте.

Она робко побрела к низкому фонтану и села перед ним на колени, наплевав на платье, которое точно не очиститься после контакта с местной грязью.

Калида гневно смотрела на отражение лица, перебиваемое мелкими волнами. Оставшийся позади фонарь тускло-оранжевыми лучами угрюмо освещал лишь левую часть её лица. Ту самую, где виднелся этот уродливый, отвратительный шрам, идущий от подбородка и едва не достающий до глаза.

– А что это ты тут скучаешь одна? Я думала ты с его величеством. – Джекзэбел подошла неслышно, будто убийца. Цвет её платья переливался от фиолетового до зелёного в тусклом освещении. Лишь надетые шёлковые перчатки, оставались неизменно белыми, походя в ночи на двух худых привидений.

– Скажи мне честно Джекзэбел, я уродина? – Она подняла взгляд, на подругу. Блеск голубых глаз Калиды указывал на едва сдерживаемые слёзы.

– Ну что ты! Нет, конечно же! Кто тебе мог такое сказать? Это Альберцион тебе заявил подобное? Я его сейчас же найду

и яйца ему вырву! – Её возмущение не было поддельным, Калида действительно вызывала у неё эмпатию.

– Он ничего подобного не говорил. – Она опять грустно уставилась на своё отражение. – Он был вежлив, как всегда. Слишком вежлив.

– Так это всё из-за этого шрама на лице. Послушай, один шрам не сделает тебя уродиной. Он не сильно портит твой внешний вид. – Джеззэбел звучала мягко и успокаивающе, таким голосом обычно читают детям сказки.

– Один может и не сделает. – Тихо выдавила она. – Однако, что ты скажешь об этих шрамах?

Юная чародейка расстегнула пуговицы платья на горле и животе, и медленно стянула вниз бретельки, оголив тело до самой талии.

– Какой ужас. – Оторопела Джеззэбел, разглядывая абсолютно голую спину и голый торс подруги. – На это смотреть больно, меня, кажется, сейчас вырвет.

Она прикрыла рот рукой, отводя голову в сторону. Калида зарыдала, её руки безвольно опустились в воду, вызывая столбики брызг, каплями, упавшими на её голую грудь, живот и плечи.

– Девочка моя, что же с тобой сделали?! – Джеззэбел села напротив и обняла подругу. Медленно поглаживая её волосы. – Что же с тобой сделали?!

Глава восьмая. Генерал.

Встречи с родственниками бывают запланированные и внезапные: последние, как правило, являются приятными сюрпризами, которым мы несказанно рады. Вот только бывает и так, что близкие люди застают нас врасплох.

Порой их неожиданное появление рушит наши начерченные планы, заставляя срочно всё менять и переносить – подобное для нас чаще является неприятным сюрпризом. Однако мы не начинаем родичей от этого меньше любить, просто стараемся тактично намекнуть, что стоило бы и известить о грядущем приезде. Но когда запланированная встреча с близким человеком для вас неприятна, это уже повод задуматься, ведь в вашей семье назрел серьёзный кризис.

– Здравствуй, Киллиан.

Как и предполагал Альберцион юный монарх выдвинул войска из столицы едва до того дошли новости о наступлении армии мятежников. И как ожидалось, они продвигались вдоль реки Ирия. В итоге обе стороны встретились на берегах реки Охры; берущей своё начало в городе Салас и впадающей в Ирию четырьмястами километрами севернее.

– Здравствуйте, дядя. – Законный король держался в седле крепко и вёл себя уверенно. В отличие от своего отца, он был воином пусть и не бывавшим пока в настоящем сражении, но очень жаждущим оно; в этом Киллиан силь-

но походил на своего деда, искренне ненавидящего мирную жизнь.

Его сопровождали два генерала, Альберию не нужно было смотреть на их гербы, что бы узнать кто они такие. Он прекрасно успел с ними познакомиться на войне с Ошидой. того что слева звали Нартисом, а правого Эстером, это были очень хорошие, умные генералы способные грамотно командовать армией, и не подвергающие солдат напрасному риску. Магу было очень жаль, что приходится сражаться против таких людей, ведь они, как и он, были настоящими патриотами, искренне желающими блага собственной стране, вот только взгляды на то, что для государства хорошо у них были иные.

Король мятежников, как и полагалось в подобных случаях, также пришёл с сопровождением: справа от него восседал Ларлив – главный советник по военным вопросам, а слева Рогир – главный советник в области магии.

– Как тебе трон? Не жмёт? – Хоть на улице и стоял полумрак позднего вечера, Альберию всё же видел лица стоящих на другом берегу людей.

– Я так понимаю, нет смысла просить вас сложить оружие и сдаться на мою милость? Вы подняли восстание против деда, убили отца, а теперь вот выступили против меня. Вас уже ничего не исправит. – Киллиан поёрзал в седле, упоминание об убийстве Джермейна вызывало в нём страх вперемешку со стыдом.

– Мы ведь оба знаем, что брата я не убивал. – Маг самодовольно улыбнулся, ехидно поглядывая на нервничающего племянника.

Ползущая между ними речушка не осмеливалась перебивать диалог королей даже тихим журчанием, она словно остановилась.

– Это всё пустые разговоры, завтра на рассвете мои войска переберутся на северный берег, и разобьют вашу армию. Постарайтесь за эту ночь сделать всё, о чём вы мечтали, ибо она станет для вас последней дядя. – Киллиан развернул лошадь и направился к лагерю, его генералы последовали за ним.

Альберион тоже развернул коня и направился в стан своих войск. Ларлив и Рогир направились следом.

– Хорошо, что Ошида не прислала им подкрепления. Без них, наши шансы на победу выше. – Рогир притормозил быстро идущую лошадь.

– Нет Рогир, это очень плохо, что солдат Ошиды здесь нет. Очень плохо.

На ходу погружаясь в раздумья, некромант произнёс последнюю фразу очень тихо, но, тем не менее, оба его советника эти слова услышали, и переглянулись, не понимая, чего тут плохого. Альбериону некогда было объяснять причины своих опасений, ему предстояло ещё скорректировать план завтрашней атаки. Ведь они до сегодняшнего дня не знали, откликнулась ли Ошида на зов Киллиана или нет, да и точное место того, где их армии встретятся, никто знать не мог.

Едва они добрались до места; предводитель мятежников слез с коня и тут же направился обходить весь лагерь: ему всегда лучше думалось во время ходьбы. Ларлив отправился собирать генералов для военного совета, Рогир – направился к магам проверять, как у них идёт подготовка.

Вокруг царило полное умиротворение, все старательно пытались не думать о предстоящей битве, разогревая у костров походный ужин. Воины скрашивали томительное ожидание трапезы, как могли: от некоторых групп доносилось тихое размеренное пение, кто-то рассказывал собратьям весёлые истории, а где-то развлекались словесными играми – в общем, наблюдалось то самое затишье перед сокрушительной бурей.

Побывавший не в одном десятке боёв Рогир, любил такие моменты больше всего, и он был в этом не одинок, многие хотели бы, чтобы рассвет не наступал, давая возможность вечно наслаждаться миром. Этим спокойным, размеренным существованием, в котором ты можешь оставаться человеком, а не становиться свирепым зверем, сражающимся за выживание.

Старый чародей настолько проникся атмосферой парящей вокруг, что даже не заметил, как к нему тихо и робко подошла Калида. Субтильное тело юной девушки выглядело нелепым и чужеродным в этих стальных, чёрных латах. Её грациозная, как у лесной лани, фигура идеально подходила для платья, но никак не для брони, и даже шрам на лице не

придавал ей воинственности.

– Рогир, мы бы могли поговорить там, где нас точно никто не услышит? – Она шептала, смущённо глядя вниз.

– Конечно Калида, следуй за мной. – Он оглядел чародейку с ног до головы. – «И зачем она надела доспехи так рано, неужели она собирается в них спать?»

Опытный воин незаметно улыбнулся, посмеявшись над собственной мыслью, а заодно и над глупостью новобранца. Сам-то он уже и не помнил свой первый бой, настолько давно это было, что многие сражения тех лет смешались в один неразделимый клубок мутных воспоминаний.

Уходить далеко не потребовалось, все настолько сильно были заняты своими делами, что практически не обращали внимания на других людей. Лишь дозорные держали ухо в остро, но их волновало исключительно то, что происходит вокруг лагеря, а не внутри него.

– Здесь мы можем поговорить спокойно. – Они встали за один из пустующих в данный момент шатров, стоявшего на самом краю лагеря.

– Говорят, завтра будет бой? – Она всё ещё пыталась найти в себе смелость.

– Ну-у, на войне ни в чём нельзя быть уверенным наверняка. Но скорее всего да, завтра нас ждёт крупная битва. Будем пытаться перебраться через реку. – Он с любопытством смотрел на девушку, не понимая, зачем она спросила про такой совершенно очевиднейший факт.

– Скажи, а как тебе не страшно? – Она увела взгляд в сторону.

Тут Рогир понял, что она не стесняется – ей стыдно: стыдно за свой вопрос, стыдно за свои чувства. Ей как новичку было не ведомо, что перед боем бояться все, а не только она, ей потребовалось немало мужества, чтобы спросить такое. Она не побоялась продемонстрировать свою слабость другу, в надежде, что он ей поможет. И он осознавал насколько ему важно сейчас найти нужные слова, спасти подругу от желания провалиться под землю, от презрения к самой себе, за свой, ледяным комом засевший внутри, страх.

– Боишься умереть? – Он начал осторожно с очень умиротворяющего тона.

Волшебница не поднимала головы, она не смогла выдать из себя хотя бы «да», потому просто очень быстро кивнула несколько раз подряд.

– Это ничего! Здесь многие боятся погибнуть. И я тоже. – Маг положил руку ей на плечо. Стальной наплечник её брони отозвался колким холодом.

– Но ведь ты пережил так много сражений?! – Калида изумлённо на него посмотрела. Латы слегка позванивали от каждого её движения.

– Это не имеет значения. Важно вот что... – Он развернул собеседницу лицом к лагерю. – Посмотри на своего принца, он вон там среди палаток.

– Да, я его вижу, и что? – Калида смотрела, как Альберийон

с уверенным видом расхаживает по лагерю от костра к костру и о чём-то разговаривает с солдатами, давая некоторым какие-то указания.

– В этой войне ты его главное оружие. Он всё поставил на тебя. Он верит в тебя и надеется на твою поддержку. Альбертион рассчитывает, что ты его точно не подведёшь. Знаешь, что с ним сделают, если мы проиграем? – Рогир наклонил голову через её плечо, чтобы убедиться в действии своих слов.

– Нет. – Она начала вновь «выкручивать» себе пальцы, как делала всегда, когда была в себе не уверена.

– Человеку, поднявшему восстание во второй раз, не стоит рассчитывать на милосердие. Если они его схватят, то прикуют на центральной площади столицы перед толпой остервенелых горожан. А затем палач отрежет ему уши, потом нос, язык. После чего ему отрубят руки и ноги, но, да и это ещё не всё, палач возьмёт острый нож и выпустит ему кишки. Но даже после такого он всё ещё будет жив, и тогда его внутренности начнут прижигать факелом. И только когда жизнь в нём начнёт угасать, ему выкалят глаза и отрубят голову. Ты хочешь для него такой участи? – Старый маг крепко сжал её плечи.

– Нет! Я никому не за что не позволю навредить ему! Я уничтожу любого, кто попытается хотя бы ударить его. – Её голос звучал уверенно, она сжала кулаки и стиснула зубы, полная решимости сокрушить всех во имя своего короля.

– Вот именно в этом и суть. Сражайся не за себя, а за тех,

кто тебе дорог, отстаивай свои убеждения. – Маг отпустил Калиду и сделал шаг назад.

– И тогда страх смерти исчезнет? – Чародейка не сводила глаз с Альбериона разделяющего хлеб с солдатами.

– Нет, но ты поймёшь, что есть вещи более важные, чем твоя жизнь, и страх уйдёт на второй план. – Поняв, что разговор окончен, Рогир оставил волшебницу наедине с её мыслями.

В большом алом шатре посреди лагеря, хотя все шатры ночью на один цвет, но солдаты знали, что он алый, собралась вся командная верхушка мятежников.

Старые побывавшие во многих битвах генералы, заслужившие этот титул доблестью; и молодые, получившие данный чин по наследству или из-за знатной фамилии. А может и как-то ещё, но Альбериону это было не важно, главное, что они привели свои войска под его знамёна и готовы были выполнять приказы, а уж он определит им место, подходящее для их способностей.

Все они плотным кольцом стояли вокруг стола из ящичков, на котором лежала подробнейшая карта местности, и с умным видом рассматривали каждый холмик, изображённый на ней. Пытаясь придумать что-то нестандартное и необычное, хоть война это и не цирк, но умение удивлять, в ней не менее важно. Грамотный полководец может научить своих воинов разыгрывать целые спектакли, чтобы запутать про-

тивника, с целью нанести тому сокрушительный удар, когда тот будет уверен в своей скорой победе.

Все знали, что бывший мятежный принц ценил такое в командирах больше всего, и они пытались впечатлить своего короля подобными хитрыми идеями. Вот только какого-то уникального способа перебраться через реку, не понеся при этом больших потерь никому придумать, так и не удавалось. Оттого и царила столь печальная тишина под тентовым сводом, а ведь шёл уже четвёртый час совета.

– Уверен, что совместными усилиями маги смогут остановить течение реки, я и Калида пойдём в первых рядах. наших сил хватит, чтобы сдержать натиск войск Киллиана, это позволит нашей армии беспрепятственно перебраться на южный берег. Да, данная тактика очень сильно изматывает наших волшебников, но других вариантов видимо нет. – Альберийон посмотрел на остальных, выжидая других предложений от этих не самых глупых людей.

– Но зачем нам так рисковать? Ваше величество, король Киллиан заявил, что его воины также будут перебираться через Охру. Так пусть маги и атакуют их в этот момент. – Чисто выбритый мужчина средних лет с каштановыми волосами и карими глазами, взял фигурку, обозначающую их армию, и отодвинул подальше от реки. Это был генерал Грентон старший сын из дома Оулден: род не очень древний, но успевший пробиться на самый верх дворянской иерархии.

– Потому что тогда они понесут слишком большие поте-

ри. Не забывайте, хоть мы и находимся по разные берега, но мы все: и люди Киллиана и наши, граждане одной страны. Король Ошиды только того и ждёт, когда мы перебьём, друг друга, чтобы потом захватить страну, в которой не останется армии и солдат. Нельзя преподносить ему такой подарок. Мы должны одержать победу в гражданской войне малой кровью, а потому действовать нужно молниеносно, но аккуратно. – Он вернул фигуру на прежнее место.

– Так вот почему они не прислали свои войска на помощь Киллиану!

– Именно так, Ларлив, как только король Далион получит весть о том, что мы тут вгрызлись друг другу в глотки, его армии уже будут у наших границ, а может и перейдут их. – Некромант тяжело вздохнул, понимая, в каком тяжёлом положении оказывается его страна в грядущей войне. – Так что наша стратегическая задача, это схватить Киллиана и заставить его армии сдаться.

– А потом повесить этого мерзавца! – Ударил кулаком по столу седой, полный генерал, который уже давно не мог орудовать мечом как должно.

Альберион гневно посмотрел на него, если бы взглядом можно было убивать, этого бы генерала уже не было, несмотря на все его полезные знания.

– Лучше отрубим ему голову! – Подначивал другой генерал.

Король мятежников перевёл яростный взор и на него, а за-

тем, сквозь крепко сжатые зубы, процедил, вцепившись руками в стол:

– Я не позволю вам казнить моего племянника!

– Вы, действительно, собираетесь оставить его в живых после всего, что он сделал?! – Рогир нахмурил и без того морщинистый лоб.

– Я слишком стар и могу умереть, так и не успев оставить наследника. Неужто вам и впрямь хочется прервать династию успешно правящую нашей страной уже более трёх тысяч лет? – Чародей оглядел их всех, с выражением лица, сулящим серьёзные проблемы любому возразившему. Генералы опустили головы, робко переминаясь с ноги на ногу. – Когда наша победа будет одержана, мы заставим Киллиана подписать отказ от трона, но его дети будут иметь права на престол, в случае если я умру бездетным. И он также будет жить в нашем родовом дворце, под присмотром стражи. Я не позволю гноить его в темнице!

– Но как так-то!

– Это же серьёзная угроза!

– Это не по закону!

Выказывали несогласие окружающие, несмело перебрасываясь словами и взглядами, ища поддержки от других.

– Назвав меня своим королём! Вы поверили мне! Вверили мне свои жизни, будущее ваших домов и семей! Так доверяйте моим решениям, и обещаю, я вас не подведу! – Отпустив стол, он гордо выпрямился.

Слова Альбериона произвели впечатление на военную знать, дав им пусть и не окончательную, но всё-таки уверенность в том, что их правитель точно знает, что делает. Волшебник, убедившись, что верхушка армии отложила возражения до иных времён, распустил совет, (им всем требовалось выспаться перед боем, а совещание и так затянулось).

Темнота многое скрывает; в ней многое может раствориться. И иногда, она может быть просторной, а порой тесной. Но даже в ней можно ориентироваться на слух и запах – холщовый мешок пах рисом.

(Могли бы, и постирать его, перед тем как набросить на голову своему королю, ну или хотя бы взять мешок, в котором хранили дорогие специи.)

Альбериона, держа за локти, волокли двое мужчин: его связанные за спиной руки позволяли им очень удобно это делать. Ещё двое шагали впереди, конечно же маг их не видел (для того и был накинута мешок), но он слышал шаги четырёх пар ног, едва уловимых в этой высокой траве.

Через пару минут к этим звукам добавился и гул реки Охра, что было для него вполне ожидаемо. Ещё через несколько минут их шаги стали отчётливо слышны: подошва сапог ударялась о деревянные доски с гулким стуком.

(Так они успели и деревянную переправу наладить, молодцы! Могут быстро работать, когда хотят.)

Когда лёгкий сентябрьский ветерок перестал обдувать ки-

сти рук и шею, он понял что оказался в палатке. Похитители бережно усадили его на стул и сняли мешок; аккуратно держа мятежного монарха за голову, они вытащили кляп.

– Что снова? – Сохраняя абсолютное спокойствие, он посмотрел на своих четырёх генералов, притащивших его сюда.

Свет немногочисленных свечей, слепил успевшие привыкнуть к темноте глаза, и Альберион не сразу заметил сидящего перед собой связанного племянника.

– А нет, это что-то новенькое! – Любопытство, как обычно, пересилило прочие чувства, даже гнев от очередного предательства испарился куда-то.

Также четыре генерала, но уже из подданных Киллиану, тоже уже сняли со своего короля мешок и осторожно вынимали кляп.

– Предатели!!! Изменники!!! Я вас всех казню! – Начал бросаться на них юный правитель, словно загнанная в угол куница.

– Киллиан. – Попытался прервать его маг. Однако тот продолжал гневно и безудержно всех обвинять. Тогда он решил рывкнуть так, чтобы зазвенело стекло (и если бы оно в шатре было, то точно бы зазвенело). – Киллиан!!!

Племянник возмущился такому резкому тону, но затих. Злобно сопя, монарх не моргающим взором уставился на своего главного врага.

– Я тоже связан. – Добавил мятежник, как только понял,

что всецело завладел вниманием родственника. – Ты должен быть более внимательным, если хочешь стать хорошим королём.

– И что же это всё значит? – Теперь любопытство завладело и им.

– Я думаю, если мы с тобой заткнёмся, то нам всё объяснят. – Он медленно осмотрел всех присутствующих.

– Спасибо. – Коротко кивнул генерал Венриэл (единственный из генералов, чьи родители были простолюдинами), он смог из обычного солдата дослужиться до командующего за очень короткий срок, поэтому являлся одним из самых юных людей в верхушке армии и одним из самых ценных.

Этот высокий, широкоплечий, кареглазый брюнет, обладающий широкими скулами и крепкой, внушительной челюстью, бросил на столик короткий свиток пергамента. Конечно, никто из сидевших за столом не мог прочесть написанное, поэтому он разъяснил:

– Это донесение из Эргиса. Они находятся в осаде. Ошида напала на наши приграничные войска. Мирному договору между нашими странами пришёл конец. – Несколько злым тоном подытожил он, крепко сжимая эфес меча.

– Этого не может быть! Они же обещали! – Киллиан закачался на стуле.

– И, тем не менее, это полная, правда, ваше величество. Враг перешёл наши границы, и осаждаёт наш город. – Вен-

риэл сложил руки на груди.

– Похоже, у короля Далиона не хватило терпения. – Альберцион не понимал, почему Осберт согласился атаковать настолько рано, он считал его куда более терпеливым и грамотным соперником.

– Дело обстоит не совсем так, ваше величество. – Сделав шаг вперёд, слово взял генерал Треллин Сайред. – Мы схватили всех шпионов Ошиды и их посла в Виргане, и они, под нашими угрозами, написали письма своему королю.

– Да, Далион полагает, что мы ещё три недели назад сошлись здесь в битве и понесли тяжёлые потери. – Закончил пересказ их плана генерал Эстер.

– Гениально! – Мятежный король хотел было поаплодировать им, но вовремя осёкся; ему вовсе не следовало показывать что он уже освободился от завязок (это могло вызвать ненужное волнение, ситуация итак была напряжённой).

– И мы не станем убивать друг друга, когда враг на пороге. – Сурово заявил Венриэл. – Поэтому мы, пожалуй, пойдём, а вы сидите здесь и решайте, кто из вас станет королём. Только вы не затягивайте, у нас и так не много шансов победить в этой проклятой войне.

Одновременно, как по команде, генералы направились к выходам из палатки, поставленной на плоту, расположившемся посреди реки, периодически, пусть и слегка покачиваемым течением.

(И когда они успели соорудить плот, да так чтоб я не

видел? Эх, старею.)

Осматривая доски под собой, размышлял Альберион, но как только последние командиры ушли; перевёл всё внимание на племянника:

– Хорошие у нас генералы? – Он кивнул в сторону выхода позади себя. – С такими наша держава не пропадёт.

Чародей поднялся со стула и направился к Киллиану.

– Вот только с королями им не повезло. – Пробурчал юный монарх.

Одной простецкой огненной вспышкой мятежник сжёг пути: огонёк ненасытной змейкой двигался вдоль верёвки, оставляя за собой чёрный след.

– Это уж точно, не поспоришь. Наворотили мы с тобой дел, просто кошмар. – Попытался он приободрить родича, занимая своё прежнее место на стуле.

– А я ведь им поверил. Правда, поверил. Я полный дурак. – Киллиан растирал запястья, затёкшие от верёвок, и мрачно глядел на стол. – Я думал, что Далион действительно хочет мира. Я выполнил все его требования. По моему приказу были уничтожены все маги; вас приказал казнить, отца убил. Похоже, я слишком глуп, чтобы быть королём. Она ваша, дядя.

Он сорвал корону и бросил её на стол, отвернувшись в сторону и удручённо опустив голову; тяжело задышал, с трудом сдерживая слёзы.

– И ты готов так просто от неё отказаться?! – Удивлён-

ный Альбертион потирал подбородок, раздумывая об их будущем. – Похоже, я был не прав на твой счёт. Мне бы в твоём возрасте не хватило воли отказаться от власти, я бы её с мясом выгрызал. Знаешь, пусть сейчас ты как правитель и хуже меня, но в дальнейшем ты будешь монархом куда лучшим, чем я смогу когда-либо стать.

– После стольких ошибок?

– У меня их ещё больше, и они куда хуже. – Развалившись на стуле, он задрал голову, прогоняя противные воспоминания прочь.

– Вы, правда, так думаете? – Слабая надежда появилась в словах юноши.

– Твои ошибки не так уж страшны: маги перебиты не все, я остался жив и ты не первый в нашей семье, кто убивает своего отца. У нас таких в роду полсотни наберётся, такая уж она «королевская кровь».

– Верите, что я могу исправиться, и стать лучше?

– Наши подданные преподали нам сегодня хороший урок, из которого мы оба должны сделать выводы: тебе стоит перестать быть таким доверчивым, а мне... – Альбертион на секунду закрыл глаза, проматывая свои годы. – Я погубил столько людей, возможно, мне стоит попытаться хоть кого-то спасти.

– Я не понимаю вас, дядя?

– Оставь корону себе, Киллиан, а мне отдай армию и магов. Сделай меня главнокомандующим своими войсками. Я

обещаю тебе, что положу конец войне, быстро и с малыми потерями: как среди наших армий, так и среди сил Ошиды.

– Полагаю, что мне ничего другого и не остаётся кроме как довериться вам, генерал Альберийон. – Он встал со стула и надел корону.

– У меня есть ещё одно пожелание.

– Какое?

– Верни мне нашу фамилию. Я хочу вновь иметь право носить родовой герб. – Волшебник едва сдерживал волнение в голосе, при этих словах.

– А разве это не сделает вас первым в очереди на престол? – Свёл брови король, демонстрируя своё недоумение.

– Так было бы, если бы на троне оставался твой отец. – Некромант поднял указательный палец. – Но, когда Джермейн умер, я всё ещё был лишён права наследования, и ты получил корону совершенно законно. Так что теперь твоя ветвь главная, а не моя. И я смогу претендовать на трон, только если ты умрёшь бездетным. Это же наши законы, Киллиан, ты должен их знать, ты ведь король.

– Что ж, я исправлю этот свой недостаток. Больше подобных пробелов в моих знаниях не будет, обещаю. – Он потёр лоб, и сделал несколько шагов из стороны в сторону. – Я сейчас же отправлюсь в свой шатёр и подпишу все необходимые указы. Вы непременно получите полное помилование, даже за те преступления, в которых вас обвинял дед. Вы снова сможете носить нашу фамилию и герб, а ещё я да-

рую вам титул герцога. Вы точно получите всё, что подобает иметь человеку из нашего высокочтимого рода; всё, что должно быть у аристократа королевских кровей. И я очень надеюсь, что когда с войной будет покончено, ты вернёшься и научишь меня быть достойным правителем, дядя.

– Я буду служить вам так, как вы пожелаете, ваше величество. – Альберион подмигнул и поклонился, на этом они разошлись по разным берегам.

Его уже ожидали генералы на северной стороне от реки; только он сошёл с досок на траву, как они тут же склонились:

– Какие будут указания ваше величество?

– Вы что видите на мне корону? – Сдержано сказал он, продолжая движение.

Удивлённая таким раскладом знать, молча смотрела в след уходящему магу.

Даже минуты не проходило, чтобы Альберион хотя бы мельком не глянул на устрашающего лиса, вышитого на его сюрко. Раньше этот плащ, прикрывающий тело до самых колен с обеих сторон, с разрезами по бокам и без рукавов, носили для защиты кольчуги и впоследствии зеркала: от дождя, снега, песка, от крови и от перегревания под солнцем. Но в дальнейшем, с появлением белого доспеха и затем полного латного облачения, надобность в подобной одежде отпала; теперь сюрко носили исключительно дворяне, дабы выделить своё особое положение. Его раскрашивали в цвета соб-

ственного дома, а на груди вышивали родовой герб. Это позволяло другим людям, в большей степени простолюдинам, понимать, кто перед ними стоит – особенно когда забрало скрывало лицо господина (что было редко: шлемы с полной защитой носили только воины тяжёлой конницы).

Гордившаяся своей родословной знать, никогда не упускала даже малейшей возможности продемонстрировать свою важность и значимость. Потому они и не отказывались от такого рудиментарного элемента воинской экипировки.

Альберион не был исключением, он испытывал гордость, вновь нося на груди фамильный герб. Спустя двадцать восемь лет, ему всё-таки, да удалось вернуть отобранное отцом. Всего полгода назад, его величество Киллиан, даровал полное помилование дяде, назначив того главнокомандующим армиями, и возведя его в новые титулы. Теперь он – Альберион Двэйн, генерал армии Фендала, а так же: барон Гентиса, виконт Фертина, граф Мелонии и маркиз Агустрии. Все эти земли входили в состав крупнейшего герцогства Билгрэст (огромной такой территории близ столицы) и, конечно, герцогом этих необъятных и плодородных земель был не кто иной, как он самый: Альберион Двэйн – глава, теперь уже побочной ветви, королевской династии Фендала.

Конечно, не всем подданным понравился его отказ от короны, особенно были возмущены: граф Метрис Прасдам; старый маг Рогир. Но Альберион, как опытный полководец, смог убедить всех несогласных с верностью принятого им ре-

шения. Однако Рогир хоть и согласился с аргументами друга, но продолжал при каждом разговоре уводить глаза в сторону и недобро поглядывать ему в спину, каждый раз, когда тот уходил, закончив беседовать с ним.

Разумеется, Альберийон не мог ни заметить подобного, но его такое не сильно волновало. Некромант наконец-то получил то, к чему он так стремился; то, что как ему казалось, он заслуживал; теперь у него оставалась лишь одна цель: положить конец войне, которая под его командованием продвигалась весьма успешно.

Войска Фендала успели отразить атаки на приграничные города, великолепно удерживавшие осады на протяжении шести месяцев, пока основные силы шли к границам; теперь главнокомандующий вёл свои армии к столице Ошиды. Они уже захватили: Ренот, Бентер и перешли реку Вирхут. И к концу мая армии Фендала подошли к городу Агрил – последнему крупному поселению перед Зевертом.

Вот только штурмовать этот восьмидесятитысячный город с внушительными крепостными стенами им, судя по всему не придётся, поскольку Осберт Рингер вывел свои армии в поле, разместив их между рекой и городом.

Альберийона подобный ход удивил: он не понимал, зачем они так поступили (неужели он настолько сильно рассчитывает на своё численное преимущество), но подобная опрометчивость не была замечена ранее за главнокомандующим Ошиды. Этот опытный полководец хитёр и прозаичен; ни-

когда не разбрасывался ресурсами впустую. А теперь добровольно лишает себя огромного преимущества, в ситуации, когда поражение открывает врагу путь к столице.

(Это не может быть просто так, у него явно какой-то изысканный план. План способный нас всех утянуть на дно. Дно? Он неспроста поставил свои войска так близко к реке, Осберт хочет её как-то использовать. Но как?)

– Разведчики докладывают, что никаких сил врага в лесу не обнаружено, по эту сторону реки. – Отчеканил мужчина средних лет, верхом на пепельном коне.

– А что насчёт другого берега? Вдруг силы врага засели там и готовы выйти к нам в тыл? – Альберион продолжал перебирать варианты возможных действий соперника, потирая пальцами поводья смиренно стоящего рыжего коня. Некромант понимал, что его ждёт ловушка, но не знал где именно.

– Ваша милость увольте, но как же они переберутся, все мосты разрушены. Разведчики весь берег прошерстили ни одной переправы не обнаружили. – Едва держась в седле, докладывал ему офицер, пытаясь успокоить свою взмыленную лошадь, желавшую уже где-нибудь прилечь для отдыха.

Переправы через реку были разрушены самими солдатами Ошиды: так они пытались замедлить продвижение армии Фендала, вот только они не учли, что при наличии магов в рядах воинов перебросить силы можно и без мостов, даже через такую широкую и глубокую реку как Вирхут.

– Что ж, – Задумчиво протянул генерал Двэйн – Видимо

атаки в тыл мы можем не опасаться. Но что же тогда он задумал? Эх, ладно, нет смысла гадать, увижу его план в исполнении тогда и решу, что делать. Труби наступление.

Обратился он к горнисту. И по его протяжному звуку, пехота, выставив копья и удерживая ровный строй, зашагала вперёд.

Альберион хмуро наблюдал за всем с вершины холма, помимо адъютантов и горниста, рядом с ним находились Калида и Ларлив. Сидя верхом на лошадях, они, затаив дыхание, смотрели на столкнувшиеся щиты первых рядов солдат.

Пытаясь силой разрушить защитное построение, друг друга, воины не только толкались, но и наносили уколы копьями поверх щитов врага, стараясь угодить в незащищённые доспехами места на лице и шее. Вторые ряды тоже им в этом активно помогали, делая выпады своими пиками через плечи собратьев.

Пока сохранялась чёткая линия боя, и можно было без труда отличить своего от чужого, лучники обеих сторон обстреливали задние ряды пехоты оппонента.

Немногочисленные выжившие чародеи Фендала, под руководством Рогира, осыпали врагов огнём и молниями, находясь на большом расстоянии от места кровавой рубки солдат. Но все их старания не давали ощутимого преимущества.

Крики, ругань, звон стали, и брызги горячей крови продолжались почти два часа, прежде чем армия короля Киллиана начала продавливать правый фланг Ошиды (тот, кото-

рый был ближе всего к реке). Их строй не был разорван, они по-прежнему плотно держали ряды, но понемногу стали пятиться назад, не в силах сохранить нужные позиции.

– Это ловушка. – Главнокомандующий, взирая на всё свысока, заметил, как слишком легко и подготовлено отходит враг. – Осберт хочет растянуть наши силы вдоль воды, затем ударить во фланг конницей, дабы прижать нас к реке. Скачи к генералу Эндейру и скажи, чтобы отступил на прежние позиции, и в дальнейшем продолжал удерживать линию.

Адъютант не мешкая ни доли секунды, помчался вниз к армиям, передавать все порученные указания.

– А ты уверен в том, что отступление это их задумка, а не следствие нашего успеха? – Ларлив спросил больше для успокоения нервов, чем из любопытства. Ему впервые приходится наблюдать за боем, а не участвовать в нём, из-за этого его слегка трясло от злости и нетерпения.

– Совершенно. Мы не раз сталкивались с ним, ты и сам наверняка заметил, что его излюбленная тактика это заманить врага вглубь своих рядов, а потом нанести удар в тыл. И как-то уж больно легко мы потеснили их правый фланг.

К моменту возвращения адъютанта, приказ уже был исполнен. Альберион видел, как его окрашенные в бирюзовый цвет солдаты выровнялись.

(Что же ты задумал Рингер? Ты ведь точно знал, что я не куплюсь на трюк с ложным отступлением. Это ведь не проходило со мной раньше, не пройдёт и теперь. Так в чём

же твой план?)

Спустя ещё сорок минут, уже центральные силы Ошиды понемногу уходили вглубь. Всё также организованно, не теряя строя и ровности линии; они отступали, продолжая при этом колоть и бить врага.

– И это тоже ловушка. – Маг недовольно нахмурил брови. – Он знал, что я не попадусь на первую, и подготовил вторую такую же; рассчитывая, будто я решу, что в этот раз всё идёт не по его плану и позволю втянуть свои основные силы в западню. Но этого не произойдёт, езжай к генералу Грентону и скажи пусть и он тоже удерживает общую линию.

Покорно повинуясь, уже другой адъютант поскакал вниз, и волшебник опять созерцал, как его войска возвращают захваченное у врага преимущество.

– Так, и что теперь? Мы так и будем держать наших солдат на месте? – Не унимался Ларлив, ему было бы проще сражаться там в самом пекле вместе со всеми, чем отдавать приказы тут в тиши.

– Нет, друг, мне кажется, я раскусил план Рингера и намерен сыграть с ним ту же шутку; пусть и в несколько ином ключе. – Задумчиво протянул последние два слова Альберрион, поглаживая подбородок.

Едва адъютант взобрался на холм, как получил новый приказ:

– Скачи к генералу Венриэлу, пусть берёт всю конницу и атакует их левый фланг. Наша цель прижать врага к реке, в

которой наши маги их и утопят.

Коротко кивнув, он тут же погнал лошадь на северо-восток, где располагались резервы Фендала большую часть, которых составляли всадники и рыцари.

Получив приказ от главнокомандующего, конница рысью выдвинулась вперёд, растягиваясь в длинный узкий клин, дугой, огибая пеших солдат, сражающихся уже не один час. Наездники, намереваясь ворваться в ряды врага, пришпорили жеребцов, заставляя тех перейти в галоп. Но Осберт тоже берёт своих всадников, до этого момента; он отправил их наперерез, едва только заметил активность в резервах противника.

Ничего иного от своего оппонента герцог Двэйн не ждал. И червю было бы понятно, что он непременно станет прикрывать свой фланг. Но вот как-то конницы в его резервах оказалось маловато, хотя это основная мощь армии Ошиды.

Едва чародей решил, что он раскрыл план врага, как тут же, опять перестал понимать логику его действий. В голове снова, как из тумана, возник, надоевший уже своей однообразностью, вопрос:

(Что же ты задумал?)

Правда, мучиться сим вопросом ему долго не пришлось. Как только наездники обеих сторон схлестнулись, выбивая врага из сёдел и проламывая им доспехи. К нему примчался разведчик. Испуганный и вспотевший; задыхаясь, словно бежал сюда сам, а не скакал верхом, он доложил:

– Ваша милость, мы обнаружили врага в лесу. Они перебираются через реку и скоро ударят нам в тыл.

– Вы же мне докладывали, что через реку нет ни единой переправы! – Едва не грозя кулаком, выпалил герцог. Не будь он таким сдержанным, мог бы и ударить подчинённого, а то и вовсе казнить на месте.

– Они как-то смогли наладить переправу, нам не удаётся подобраться к ним достаточно близко, чтобы разглядеть, что конкретно там происходит. Возможно, они используют плоты. – Пожимая плечами, закончил он.

– Что ж там за плоты такие? – Маг поджал губы, адресуя вопрос в воздух. – Проклятье, в очередной раз мы попадаемся на одну и ту же ловушку.

– Прикажешь направить часть сил к южному берегу реки?

– Нет, Ларлив, у них и так численное преимущество; если мы разделим наши силы, то всё станет ещё хуже. – Альберин он покачал головой.

– Но если оставить всё как есть, то они ударят нам в спину и тогда нам точно конец. – Младший Прасдам указал рукой в сторону сражающихся армий. – Нужна хотя бы тысяча воинов, дабы защитить тыл.

– Нет, не тысяча, достаточно будет всего двоих. – Герцог Двэйн повернулся к своей ученице. – Калида, пора тебе показать свою силу.

– А мне что делать? – Всё продолжал нервничать Ларлив, с каждым часом его желание оказаться в бою, а не здесь,

крепло, заставляя сильнее злиться на себя.

– Принимай командование, продолжай действовать согласно оговорённому на совете плану. Прижимай их к реке, а мы остановим идущих к нам с юга. – Дал он указания другу, затем, слегка ударив бока коня сабатами, направился в сторону леса, навстречу врагу. В след за ним поскакала и чародейка.

– А вот и они. – Прошипел некромант глядя на показавшиеся из чащи войска.

Их было чуть меньше двух тысяч: пехота и конница. Выстраиваясь в боевые порядки, они молча смотрели на пару всадников скачущих им на встречу.

– И каков наш план? – Она старалась держаться как можно ближе к учителю.

– Я буду прикрывать нас защитными заклинаниями. А ты... сожги их всех.

Конечно же два воина не вызвали интерес у столь крупного отряда. Но когда расстояние между засадным полком и парой чародеев уменьшилось до двухсот метров, в последних полетело несколько копий; превращённых в пепел магией.

Только тогда солдаты Ошиды, наконец, поняли, насколько важные персоны к ним пожаловали. И сотня всадников галопом помчалась на волшебников.

– Приступай. – Лаконично выпалил Альберион.

– Угу. – От волнения голос прозвучал по-детски пискля-

во. Разведя руки, она сосредоточила всю мощь, что смогла найти. Наполняя ей пространство вокруг.

(Сожги)

Представляла она слова учителя. Пламя захватило всё её воображение. Ей нужен был огонь, но не обычный, а такой, что способен сжечь всю эту огромную армию. Заклинание неподвластное даже самому Альберioniу. Он ещё три месяца назад заявил той, что теперь она сильнейший маг континента, и способна творить магию недоступную для него самого. Отметив, что это ещё не потолок её силы. Ей нужно продолжать усердно тренироваться и тогда, года через три, она достигнет пика собственного могущества. Но сейчас, волшебнице необходимо показать свой данный максимум силы. Слишком долго она оставалась вне боя.

Сотня наездников опасно приблизилась, но чародей отбросил их заклинанием ветра: ломая на части лошадей, превращая в месиво крови и стали всадников, и вырывая толстые деревья, росшие позади нападавших. Теперь, и только теперь, вышедшие в тыл силы врага поняли, насколько опасен их противник. Все боевые порядки и всё их внимание, были переключены на оную парочку.

Зрачки Калиды растаяли как льдинки в кипятке, склееры заполонило красное свечение. Огонь стал её сущностью, а вернее она стала полным воплощением магии, забыв про главный урок Альберioniа, который уже понимал всю опасность случившегося. Отбиваясь от врага, он немного ушёл

вперёд, а теперь вынужден был срочно возвращаться к ученице, иначе не успеет ту спасти.

Не знакомые с магией Ошидцы продолжили наступать на волшебников, не ведая, что происходит, до тех пор, пока земля не затряслась под ногами с такой силой, что передвигаться стало просто невозможно. И даже опирающиеся на все четыре конечности кони не смогли сделать и шага. Поле боя накрыло грозowymi тучами, настолько плотными, что ночной мрак в мгновение окутал всё вокруг. Лишь непрекращающиеся вспышки колоссальных по своим размерам молний, позволяли людям хотя бы мельком видеть происходящее.

Трещинами покрылась почва под ногами, на поверхность стали вздыматься камни, лежащие в толще коры многие сотни лет, и огонь. Столь желаемый ею огонь, вырвался наружу. Несколько людей угодили в это пламя и испарились, как капли, пролитые в пустыне. Пепел не падал на траву, нет, он поднимался к небу. В ужасе от увиденного люди не могли даже кричать, не говоря уже о бегстве.

– Стой Калида! Ты всех погубишь! ОСТАНОВИСЬ!!! – Кричал Альберион, не наперекор страху. Он так же испугался увиденного, как и все, но страх за жизнь ученицы оказался сильнее прочих ужасов. – Прекрати Милая! ХВАТИТ!!!

Но та не слышала. Она уже перестала быть собой. Крепостная стена стоящего вдалеке города с оглушающим грохотом рухнула, не выдержав землетрясения.

Возникший ниоткуда клинок ветра, ударил генерала Двэйна в грудь, выбив из седла и сломав напополам нагрудник кирасы. Но урон ограничился только ей. Он тут же начал подниматься.

– Твою мать! – Сжимая зубы, процедил маг.

Боль обжигающей колючей щёткой прошла по его телу, похоже, несколько переломов он всё-таки приобрёл. Окутав себя магическим коконом, некромант начал продвигаться к волшебнице, чуть ли не миллиметровыми шагами.

Любое движение давалось очень тяжело, даже моргать становилось трудно. Альберион словно шёл по дну бурной реки против течения и с камнем за спиной. Его защитный кокон начал трескаться, едва сдерживая выплески магии Калиды, разрушавшие не только всё вокруг, но и её саму: ещё несколько минут и тело чародейки начнёт рассыпаться.

Нужно было успеть.

Маг делал невероятные усилия над каждым шагом. Воздух становился всё тяжелее и тяжелее, сильнее придавливая его к земле, несмотря на наложенные им противодействующие заклинания.

Волшебница уже не находилась в седле – она парила над лошадью, которую она прозвала «уголёк» за чёрный как смоль пигмент животного. Конь был бы рад унести её отсюда, но он, так же как и все не мог пошевелиться, находясь в самом эпицентре заклинания. Ветер витал вокруг них, образуя защиту из плотно сжатых потоков, способных разорвать

в доску стали любимых доспехов. Герцог схватился за длинное тонкое копьё, которое воткнула в землю его ученица, перед тем как начала колдовать. Оно было точно такого же цвета, как её лошадь и доспехи, из-за чего он не сразу смог его разглядеть в этой тьме.

Однако он наткнулся на него и, несмотря на кажущуюся хлипкость, оружие крепко держалось в земле, давая некроманту дополнительную опору. Держась за него, маг внимательно осмотрел творящуюся вакханалию, и понял, что ему ни за что не пройти сквозь потоки вихря. У него не получится привести её в чувство путём прямого физического контакта.

Оставался только один выход – лишить Калиду сознания мощным ударом заклинания. Конечно, был риск нанести её телу серьёзный ущерб, но это всё же лучше смерти и полной аннигиляции.

Надеясь уменьшить вероятность, нанесение тяжёлой травмы, волшебник не стал придавать чарам силу стихий. Он нанёс удар чистой, исходной магией, ничем не прикрытой и абсолютно не изменённой энергией.

Магический луч с трудом, скрипом и каким-то хрустальным треском пробил взвинтившийся вихрь, а затем врезался в тело волшебницы, оставляя пугающие вмятины на её доспехе. Калиду сорвало с места и отшвырнуло метров на пять, а может и больше. Её полёт прервало дерево: она спиной врезалась в него так, что шлем слетел с головы, и волосы

начали цепляться за кору, пока она медленно сползала вниз, оставляя часть своих локонов на толстенном дубе.

Даже отсюда Альбертион видел, как его подруга дышит, крови не было ни на лице, ни на стволе. Всё это хороший знак: как минимум она жива. Позабыв о боли и усталости, он подбежал к ней и схватил за плечи. Калида слегка застынала, и потянулась рукой к голове – движение руки ещё один хороший знак, это значит, что позвоночник цел.

Волшебница пыталась открыть глаза, но у неё это пока не выходило. Грохот и землетрясение стали утихать, пепел и тучи разошлись. В немой тишине застыли все и всё, пытаюсь осознать произошедшее.

Некроманту очень хотелось обнять ученицу, и сказать ей, как он испугался при мысли потерять её, но ему пришлось сдержаться: здесь не место и не время для сантиментов. Да и подобный подход точно не поспособствовал бы необходимому воспитанию чародейки.

– Что произошло? – Её голос звучал слабо и еле слышно. Морщась от боли, она медленно растирала лоб, словно мучилась похмельем.

– Ты выпустила слишком много энергии; твоё тело к такому пока не готово и магия завладела им. Ещё немного и твой организм стал бы разрушаться. – Он внимательно осматривал ученицу, пытаясь найти расплывающиеся пятна крови на одежде, торчащие наружу кости и прочие поверхностные признаки тяжёлых повреждений. Но пока ужасно выглядел

только её смятый доспех.

– Похоже, ты опять меня спас. – Ей удалось слегка приоткрыть глаза. Пусть всё остальное тело ныло, но голова уже почти успокоилась.

– Прежде чем делать такие радужные выводы, надо чтобы тебя осмотрели лекари. – Альберион поднял собеседницу на ноги и тут же убрал от неё руки.

– Это всё я наворотила?! – Калида немного пошатнулась, но всё же смогла устоять на ногах без посторонней поддержки.

– Ага, и о чём ты только думала в этот момент. – Маг огляделся; местность вокруг теперь была похожа на вывернутое наизнанку животное.

– Ну, ты сказал мне «сожги их всех», вот я и...

– Решила создать вулкан. Гениально. – Он недовольно помотал головой.

– Хотела тебя впечатлить. – Волшебница обиженно опустила взгляд.

– Чем? Своей глупостью? Вот уж впечатлила, тут ничего не скажешь! – Герцог закивал головой, продолжая демонстративно выказывать свою язвительность.

(Ну, зачем ты со мной так? Я же ведь старалась ради тебя. Идиот!)

Калида не стала озвучивать мысли вслух, потому что: во-первых Альберион только что снова спас ей жизнь, ну а во-вторых её всё таки ругали за дело. Она действительно, как

полная дура, забыла чему он её учил на самом первом уроке магии каких-то пару лет назад. Поэтому та просто стояла и молча выслушивала нравоучения, сдерживая подоспевшую горечь и обиду.

Волшебник, несмотря на свою увлечённость процессом воспитания ученицы, держал в уме и то, что всё ещё находится на поле боя – он был опытным воином и никогда не забывал о враге. И как только солдаты Ошиды зашевелились, в его руках тут же возникли: меч и огненный шар. Конница не сможет действовать в этом изменившемся ландшафте: теперь здесь слишком много кочек и обрывов. А против такого количества пеших воинов он сможет отбиться и в одиночку (не без труда конечно).

Вот только атаковать парочку никто не собирался: пехотинцы начали снимать шлемы, всадники слезли с лошадей и последовали их примеру. Затем, они все вытянули шлемы перед собой. В Фендале люди подобными действиями просили подаяния, а ещё дети порой так собирали дождевую воду в головные уборы, но в этой стране у подобного жеста был иной смысл.

– Что они делают? – Глаза чародейки судорожно забегали.

– Кажется, что твой глупый поступок их впечатлил. – Он также был удивлён происходящим. Своё заклинание маг тут же погасил, но меч в ножны не убрал.

Не только люди, стоявшие рядом, но даже те, что сражались на севере у реки – все Ошидцы повторяли этот жест:

и солдаты и генералы.

– Я всё равно не понимаю. – Пожала она плечами.

– Смотри внимательно, Калида. Смотри и запоминай. Ты видишь то, чего ещё никто и никогда не видел, за всю историю этого мира. Воины Ошиды сдаются. – Альберион повернул голову к ней. – Сдаются тебе.

Воины Фендала комфортно разместились в Агриле, заняв не только замок, но и самые просторные дома; пленников под строгим конвоем, содержали в палатках за городом, кроме генералов и низших командных чинов. Хотя вероятность побега и так была крайне мала, всё-таки, для большей надёжности, всех кто мог хоть как-то организовать солдат, держали в городе под постоянным наблюдением.

Главнокомандующего Осберта Рингера и вовсе определили под самым боком – в городской ратуше: месте, где поселился и сам Альберион, правда, только в противоположном крыле. Осберту даже разрешалось прогуливаться, но только с сопровождением и исключительно в пределах твердыни. Он сам вершил свой распорядок, решая, когда ему спать, есть или выходить на улицу. И только спустя два дня после пленения его ограничили: к нему подошёл младший офицер и отвёл его в маленькую серую комнату, где не было ничего кроме стола и двух стульев, и дал ему чёткое указание «ждать», не уточняя чего.

Сев на неудобный жёсткий стул и упиревшись локтями

на стол, он прождал, как ему казалось, около часа, прежде чем дверь распахнулась, и в помещение вошёл его главный, в этой затянувшейся на восемь лет войне, соперник: человек, победивший его в очередной и, наверное, уже в последний раз.

– А-а пастух. – Осберт не повернул головы, он лишь смеялся вошедшего косым взглядом. – Ну, здравствуй.

– Здравствуй. – Альберион уселся напротив, слегка поморщившись от боли: стул был куда жёстче, чем казалось, ему не стоило так резко на него падать.

– Не могу поверить, что тогда в лесу я обедал с самим двуликим лисом. Ты же, по сути, был у меня в руках. – Пленник потряс ладонями перед собой.

– Моя смерть не остановила бы эту войну, ни сейчас, ни уж тем более тогда. Значит, двуликий лис, так меня называет ваш народ? – Маг положил меч на стол, не убирая с него руку.

– Двуликим тебя прозвали ещё после того, как ты поднял восстание против Кэривульфа, до этого тебя называли багровым лисом. А что, в твоей стране у тебя другое прозвище?

– У меня много прозвищ, но такое я слышу впервые. – Он немного задумался глядя на меч и, помешкав секунду продолжил. – Ты говорил, что этот меч вручил тебе твой король за военные подвиги. Полагаю, он очень дорог для тебя. Так что, держи, я возвращаю его тебе.

Герцог Двэйн протянул оружие врагу.

– Не ты мне его вручал Альберцион, не тебе и возвращать. – Голос пленного генерала не звучал патетично, в нём так же не было никакой злости. Просто честь военного дворянина не позволяла ему ответить иначе.

– Понимаю, подобный ответ заслуживает уважения. А знаешь, ты ведь меня переиграл в нашем последнем сражении, я совершенно не был готов к подобному. Твои перешедшие реку воины застигли меня врасплох.

– А толку-то, ты всё равно победил. Эта твоя женщина... – Недовольно сжав губы, он повернул голову налево, мысленно посылая ругательство в стену, после чего резко повернулся обратно к собеседнику. – Она что-то невысказанное, её мощь невероятна. Как можно сражаться с кем-то подобным?

– Вот и расскажи об этом своему королю. – Чародей убрал меч под стол.

– О чём ты? – Нахмурил брови пленник.

– Я отнял твою свободу, и я возвращаю её тебе. Забирай своих воинов; идите в вашу столицу. И расскажи правителю Далиону, что ему ни за что не победить, пусть соглашается на мир.

– Ты предлагаешь перемирие, находясь в шаге от победы? – Недоумение на его лице выразилось ещё сильнее.

– Видишь ли, мой племянник совершенно не такой как мой отец, он не хочет править всем материком, он просто хочет положить конец войне. Мы даже готовы вернуть вам часть захваченных территорий, но только часть. – Альберцион

поднял указательный палец, давая понять собеседнику, что у их щедрости всё же есть определённые границы.

– Тут вот такая загвоздка, возможно, его величество Киллиан и не такой как Кэривульф, но вот мой господин, такой. Далион желает править всем миром, и вряд ли его сможет хоть что-то остановить. – Он откинулся на спинку стула.

– Я это знаю, и именно поэтому веду переговоры с тобой, а не с послами. Ты видел, на что способна Калида, ты понимаешь, что её не победить. Никто кроме тебя не сможет лучше объяснить Далиону безысходность вашего положения.

– Положение и вправду плачевное. – Рингер тяжело вздохнул.

– Так помоги мне прекратить это кровопролитие. – Волшебник ударил кулаком по столу, наклоняясь к собеседнику. – Помоги принести мир в наши земли.

– Твоё стремление к миру очень благородно, как и твой поступок, это очень впечатляет. Действительно, я не шучу. Поэтому я буду с тобой честен: я, как и ты хочу мира, и обещаю тебе, что приложу абсолютно все усилия, дабы уговорить короля согласиться на ваши условия. Но, если он откажется, и вновь прикажет мне командовать армиями, я соглашусь, и в следующий раз ты не победишь. Я говорил это в прошлую нашу встречу, повторю и сейчас, я всё ещё знаю, как тебя победить. Ты готов пойти на такой риск? – Они пристально посмотрели в глаза друг другу, словно пытались общаться не только словами, но и телепатией.

– Готов. – Он утвердительно кивнул головой. – Я несколько дней думал об этом, и решил, что моя цель, оправдывает риск. Вот только скажи мне, чего ты добьёшься, убив меня, в случае если переговоры провалятся. Ты же сам отметил, что моя ученица непобедима, так какой смысл в победе надомной?

– Знаешь Альберион, я очень наблюдательный. Я тут уже долго и заметил, как ты на неё смотришь, и как она смотрит на тебя, ваши отношения явно глубже, чем просто ученица и учитель. Я так же заметил вашу повозку со странными бочками, в них не хранится ни рыба, ни вино, однако её очень хорошо охраняют, а ночью, когда стражники ходят с факелами, то они обходят эти бочки стороной, словно это дикий тигр на верёвке.

– Наши учёные называют это порохом, их новое изобретение. Они говорят, что одна такая бочка может взорваться сильнее огненного шара. Мы хотели его опробовать при штурме этого города, но не сложилось.

– Чего только люди не придумают!

– Ну, у вас ведь тоже есть баллисты, катапульты. Мы до такого до сих пор никак додуматься не можем. Возможно объединившись, наши королевства смогли бы развить технологии человечества до такого уровня, что нам бы покорило море. – В его голосе прозвучала надменность философа.

– Человечество многого может добиться за пару десятилетий мира. Однако я не закончил отвечать на твой вопрос.

Так вот, я вижу, как все эти люди смотрят на тебя. – Он встал со стула и опёрся кулаками на стол. – Быть может ваш король и Киллиан, а ваше главное оружие Калида. Но именно ТЫ сердце вашего народа, и я знаю, как его вырвать. Так что, отпуская меня, ты сильно рискуешь мой лучший враг. Подумай ещё раз, прежде чем отпускать меня.

– Ты всё ещё считаешь меня врагом. Быть может, если мы будем друзьями, то сможем помирить и наши королевства. Всё-таки сейчас мы друг с другом очень честны прямо как настоящие товарищи, и я ценю твою открытость. Спасибо, за предупреждение, но я, пожалуй, рискну, отступить это не про меня. – Он протянул ладонь пленнику, тоже вставая со стула.

– Что ж, поступай, как знаешь. – Осберт пожал ему руку. – Очень надеюсь, что в следующий раз мы встретимся на пиру, а не на поле боя, друг.

– Я тоже. – Маг сделал небольшую паузу. – Я тоже.

Прошло чуть менее двух месяцев, прежде чем в расположение военной ставки Фендала прибыл гонец с вестью о том, что мира между странами не будет: король Далион по-прежнему был убеждён в победе своей армии. Не мешкая, Альберион в течение недели подвёл войска к стенам Зеверта – столице королевства Ошида. И взял город в кольцо.

Теперь палатки, знамёна, да и прочие элементы с символикой золотого лиса были заметны уже из любой точки

осаждённого города. Видя столь стремительно возросший сад бирюзовых стягов, местная знать засуетилась, уговаривая своего монарха всё же одуматься; тот был непреклонен. Да и главнокомандующий Двэйн больше не собирался предлагать мир, по его мнению, время переговоров прошло.

Досконально прокручивая в голове план завтрашней атаки, герцог аккуратно брился, пока к нему в шатёр не вошла Калида. Выбрав лицо лишь наполовину, он повернулся к ней, давая понять, что готов к разговору, невзирая на свой нелепый вид и кажущуюся занятость.

– Завтра мы захватим город, тогда войне придёт конец, тебе больше не нужно будет оружие. Я тебе больше буду не нужна.

– Ты всегда будешь мне нужна.

– Да, но не так как мне того хочется. – Чародейка застенчиво прятала взгляд, теребя край куртки.

– Что ты хочешь этим сказать? – Нахмутив лоб, он потряс головой; несколько капель мыльной пены упали ему на камизу.

– Я хочу быть твоей, ни ученицей, ни оружием, просто твоей. И что бы ты был моим. – Она положила ладони на его грудь и подняла голову, смотря на его лицо.

– На кой я тебе сдался?! Калида, тебе через месяц исполнится двадцать два, мне через полгода исполнится сорок четыре! Я же старше тебя почти в два раза! Сложись в моей жизни всё иначе, у меня бы сейчас дочь была бы лишь на

пару лет младше тебя! То, что ты хочешь неправильно! Это неприемлемо! – Некромант склонился над ней, держа её за плечи.

– А мне всё равно! Я люблю тебя! И мне больше недостаточно просто быть рядом, я хочу стать кем-то важным для тебя.

– Но ты и так важна для меня. У меня нет никого, кто был бы мне ближе тебя. – Альберцион обнял её.

– Я это знаю, но как я уже сказала, мне этого недостаточно. Я хочу большего. Я обещала помочь тебе закончить эту войну, и я сдержу своё слово. Но когда всё закончится я буду требовать твоего ответа немедленно. Если мои чувства к тебе взаимны, то я останусь, и мы будем жить вместе как муж и жена, но если ты этого не хочешь, я уйду, и больше ты меня никогда не увидишь. – Убрав его руки с плеч, она направилась к выходу, почти уйдя, чародейка остановилась. – Думай любовь моя, у тебя есть время до конца войны.

Снова опустив голову, она выскользнула отсюда прочь, и, глядя себе под ноги направилась в место, где бы ей удалось побыть наедине. После столь смелого признания, ей требовалась тишина, для усмирения чувств, которые совершенно не щадили её организм сейчас, заставляя его чувствовать агонию.

Сильно дрожащие руки, громко бьющееся сердце: даже в своём первом бою она чувствовала себя куда спокойнее. Тело волшебницы сейчас рвалось на части, похлеще, чем

от применения сверхмощного заклинания. Калиде хотелось кричать от ярости и плакать от отчаяния. Требовалось уйти отсюда подальше, дабы никто не видел её психоза.

Смотрясь в походное маленькое зеркало, стоящее на бочке, в котором едва умещалось отражение половины лица, Альберион сделал ещё пару осторожных движений ножом. И тут в палатку вошёл Рогир с чем-то аккуратно завёрнутым в потрёпанного вида бланкет.

(Да что ж такое! Видимо завтра в бой мне придётся идти небритым.)

Герцог молча смотрел как старый маг, неся предмет в руках, подошёл к столу.

– У меня для тебя невероятно ценный сюрприз Альберион. – Положив свёрток на стол, он принялся его распутывать. – Это обнаружили разведчики.

Главкомандующий подошёл, не выражая особого интереса, но если бы он знал что там лежит, то подскочил бы к столу без промедления. До него не сразу дошло, что лежащий на дешёвой неокрашенной шерстяной ткани старинный меч очень походит на тот, который изображён на картинках одного из учебников магии.

– Не может этого быть! – Некромант едва не засмеялся от восторга. – Но ведь до территорий бывшего королевства Дартис отсюда сотни километров пути.

– Видимо поэтому никто так и не смог отыскать эти артефакты. Ошида искала их на территории того, некогда поко-

рённого ими королевства, а их люди на самом деле спрятали творения Силантиса в других странах. Может и рядом с нашей столицей лежит один такой.

– Восхитительно! – Он почти не слушал Рогира, а осматривал меч, держа его остриём вверх. Едва не забывая дышать, герцог гладил и вертел оружие. Глаза сверкали от восторга, а руки дрожали, в предвкушении опробовать сей шедевр стали и магии в бою.

– Знал, что тебе понравится. – Рогир радушно улыбнулся.

– Я не понимаю смысла этих вот рун. – Альберион взгляделся в гравировку на клинке, символы выглядели как нечто среднее между буквами и изображениями животных. – Тут три знака: тот, что под гардой, это птица, посередине молния, а ниже броня. Но все эти руны вместе просто какая-то бессмыслица. Я знаю что для того чтобы активировать магию этого меча нужно произнести какую-то фразу, но вот какую. Эти знаки мне не дают никакой подсказки.

– Я так и знал, что ты тот, кто сможет прочесть этот мёртвый язык. И откуда только ты находишь время для изучения всего этого. – Он скрестил руки на груди, немного отходя назад.

– В воспитании наследного принца есть один существенный плюс – учишься у лучших. – Он убрал клинок обратно в ножны.

– Разведчики доложили что пещера, в которой они нашли это, вся изрисована странными знаками. Давай сходим туда

и посмотрим, может быть, они тебе дадут больше информации, чем эти три руны.

– Хорошо, веди.

– Ты прямо так, собираешься идти. – Рогир кивнул, указывая на то, что на главнокомандующем сейчас только нижняя одежда (камиза и брэ).

– Ах да, совсем забыл. Где там мой камзол и шоссы.

Пару минут потребовалось Альбериону, дабы отыскать свою верхнюю одежду, прежде чем последовать за другом, на ходу застёгивая пуговицы.

Путь их ждал не быстрый: место, где таился сей артефакт не одно столетие, оказался очень далеко от лагеря. А Рогир даже не предложил взять лошадей, но генерал Двэйн был этому только рад – при ходьбе легче думается.

А подумать было о чём: из головы всё никак не выходил их недавний разговор с Калидой. Мысли путались, а логика рьяно спорила с чувствами. Обыденная для Альбериона уверенность в себе куда-то исчезала, не позволяя принять решение; он воспользовался этим неожиданным путешествием, чтобы обдумать будущее.

(Она любит меня, неужели! Да, она прямо так и сказала. Я-то думал у неё ко мне более простые чувства: как к старшему брату или к отцу. Но нет! Калида любит меня, возможно даже также сильно, как и я её! Так почему же я мешкаю? Что не даёт мне пойти прямо к ней и признаться во всём?)

– О чём задумался Альбертион? – У выхода из лагеря их поджидала Джебел.

– Так, о личном. – Не в состоянии сосредоточиться из-за раздумий, маг даже не заметил её появления.

– У тебя есть личная жизнь! А я-то думала у тебя одна война на уме! – Она хихикнула, сопроводив смех широкой открытой улыбкой.

– Война тоже бывает личной. – Он не отозвался смехом на данную шутку.

– Мы с ней были вместе, когда разведчики доложили нам о находке, и вместе же отправились к той пещере, чтобы убедиться в достоверности их слов, прежде чем докладывать тебе. Так что я решил пусть она отправится снами, вдруг чего забуду по старости лет, сверну не туда или ещё какая оказия случится. – Рогир внимательно посмотрел на друга.

Получив в ответ короткий резкий кивок, больше означавший безразличие, чем согласие, старик воссиял в недоброй, похожей больше на волчий оскал, улыбке, которую тут же спрятал. И дальше они продолжили идти втроём.

(Так что же меня останавливает, от решительных действий? Наверное, всё дело в моём воспитании, мать всегда говорила, что принц и особенно король всегда должны следить за своим моральным обликом, потому что народ всегда ровняется на своего правителя. Он их образец для подражания, идеал к которому стоит стремиться. А учитывая нашу разницу в возрасте, мой брак с Калидой – амора-

лен. Общество никогда нас не примет.)

(Да забудь ты про свои чувства, придурок! Ты в смертельной опасности. Оглянись, посмотри, что происходит вокруг.)

Похоже, разум отнял контроль над внутренним голосом у чувств, и теперь вёл беседу с сознанием от своего лица.

(Почему нас ведут именно эти двое? Почему, разведчики не доложили нам о такой находке? Почему им? Кто они такие, чтобы перед ними отчитывались? И, что это за странная улыбка, которую Рогир так быстро спрятал, опасаясь, что мы её заметим?)

(Это всё какая-то паранойя.) – Контроль над голосом вновь взяли чувства.

(Мы среди друзей. В полной безопасности. Если уж ИМ не доверять, то к чему тогда вообще заводить друзей. У нас и так есть более важные дела, чем выискивать врагов в своих рядах. Нам надо понять, как поступить с Калидой и нашими чувствами к ней. Это сейчас самое главное.)

– У тебя всё в порядке? Ты и вправду какой-то задумчивый. Что-то случилось с Калидой? – Рогир поравнялся с герцогом.

(Откуда такое точное предположение? Раньше он пронизательностью не славился. ВКЛЮЧИ МОЗГ!!! Здесь явно что-то не так.)

– Она призналась мне в любви. – Он смущённо опустил голову.

– Так, и что тебя не устраивает? – Рогир положил ладонь на его плечо.

– Наша разница в возрасте, огромна. Будь моя мать жива, она бы ни за что не одобрила бы такой брак. Да и придворная знать тоже бы стала возмущаться.

– Заметно, что ты всю свою юность провёл в темнице: так и не научился идти против воли родителей. Как ты вообще поднял восстание против отца, с такой-то покорностью? – Рогир и Джебел кротко переглянулись.

(Что это сейчас были за переглядки такие? Очнись ду-рень! Всё это очень подозрительно. Тебя не просто так куда-то ведут.) – Не унималась интуиция.

Герцог всегда прислушивался к своему шестому чувству, но в этот раз он был сильно взволнован другими вещами, чтобы уделять какое-то внимание подобным мелочам. В конце концов, враг уже почти повержен, чего ему опасаться.

– Мятеж я поднял, как раз таки по наставлениям отца. Он часто говорил, что правитель, пусть даже и будущий, всегда должен делать то, что необходимо, а не то, что ему хочется. Я не хотел идти против отца, но его требовалось остановить, и кроме меня смельчаков не нашлось. А сейчас всё с точностью да наоборот, я хочу жениться на Калиде, но есть ли у меня право на это.

– Я не стану спорить с твоим отцом. Он хоть и был тираном, однако управлять страной умел. Но тебе ли ни всё равно, что там подумают придворные и знать или как там себя

должен вести правитель, ты ведь больше не король и даже не принц, ты сам, добровольно, отдал корону племяннику. Мне думалось, ты отказался от всех стремлений на престол. Неужто я ошибаюсь? И ты всё-таки рассчитываешь стать монархом? У тебя что, есть какой-то секретный план, о котором я не знаю? – Он прищурился, пытаясь заглянуть в мысли собеседника.

– Да нет у меня никакого плана. Просто когда тебя так долго и старательно готовят в короли, ты продолжаешь думать как правитель, даже если на подобное у тебя совершенно нет никаких шансов. Похоже, я никак не могу, отбросит старые привычки, понять, что теперь пора мыслить иначе. Но твои слова помогли мне осознать данную проблему. Спасибо за этот разговор, мне стало легче. Знаешь, пожалуй, я принял решение, когда эта война закончится, я заберу Калиду, и мы уедем на самый юг и будем жить там, вдалеке от всех.

– Не спешил бы ты с планами на будущее, пастух. – Раздался голос свысока.

Альберион настолько был рассеян из-за размышлений, что не заметил, как его завели в ущелье, округлое каменное плато площадью не больше фермерского огорода. Пятиметровый каменный «часток» окружавший его, оставлял лишь один узкий проход, служивший здесь и входом, и выходом. На возвышенности стоял Осберт Рингер и сочувственно смотрел вниз, арбалетчики Ошиды, словно призраки по-выскакивали из-за камней, нацеливаясь на мага.

– Какая неожиданная встреча! – Попытался съязвить старший из рода Двэйн. Он поднял голову стараясь смотреть на соперника, но солнце слепило его.

– Помнишь, что я сказал тебе тогда? Я знаю, как тебя победить. И вот он, мой план в исполнении. Мне жаль, что всё заканчивается именно так, друг.

– Рано для таких слов! Ты ещё не победил! – Некромант максимально широко развёл руки в стороны, выставляя ладони поперёк предплечий. Защитный купол тем же мгновением накрыл его, Рогира и Джекзэбел.

– Нет, дружище ты уже умер, просто ещё не знаешь об этом. – Короткий кивок окончил его фразу.

И тут до Альбериона дошло:

(Как он мог быть настолько глуп, что оставил врагов за спиной. Он ведь не сам сюда пришёл – его завели.)

Боль вонзилась в него, резкая неистовая и жгучая боль, от которой всё тело бросило в холод – нелепый парадокс смерти или самая последняя шутка жизни: жаркое пламя, от которого остывает кровь. Альберион всегда считал, что жизнь любит пошутить и смерть её самый жестокий розыгрыш, ибо она всегда приходит слишком рано. И ты никогда к её визиту не готов.

Герцог опустил взгляд: из груди торчало остриё волшебного меча, покрытое кровью. Та медленно, словно издеваясь, капала вниз.

– Зря не дал мне тогда уничтожить город. – Рогир выта-

шил оружие, причинив Двэйну ещё больше боли.

Старый воин никогда не наносил удара в спину, и это было заметно, человек его многолетнего боевого опыта прекрасно знал, где расположено сердце, и куда нужно бить, чтобы оно остановилось сразу же. Вот только исключительно в тех случаях, когда человек повёрнут к нему лицом, сзади же старый маг ударил на глаз, не имея точного представления о том, где пройдёт клинок. И всё же сталь вошла рядом с сердцем, слегка разрезав его; оно всё ещё продолжало биться, но делало это с большим трудом.

Альберин, прикрыв рану рукой, жадно глотал воздух, как рыба, выброшенная на берег; он еле повернулся, непонимающе глядя на людей называвших себя его друзьями. Тело плохо подчинялось приказам (однако подчинялось), и пусть жизнь угасала, ему было далеко не впервой уходить от смерти. На его стороне всегда была сила некромантии – запретные знания, позволявшие ему не раз обманывать костлявую. Он вновь воззвал к ним.

Но сквозная рана не позволяла управлять столь трудной магией: поток маны обрывался после каждого удара сердца, руны и узоры на его теле появлялись, загораясь зелёным, но сразу же исчезали. Глаза вспыхивали салатовым огоньком и так же, мгновенно становились вновь обычными.

– Что это с ним? – Испуганно пролепетала Джекэбел. Прижав руки к груди, она в ужасе пятилась назад, едва удерживая равновесие.

– Как я и предполагал, он владеет некромантией. Мерзкий выродок! – Взяв оружие в обе руки, Рогир замахнулся от плеча и нанёс рубящий удар по горлу.

Едва в состоянии двигаться Альберион никак не мог уклониться; пропущенный удар повалил его. Распластавшись на каменной земле, он издавал булькающие звуки, всё ещё пытаясь дышать. С перерезанным горлом подобное становилось невозможным, кровь заполняла лёгкие, мир вокруг становился мутным, холодным и чужим. Подняв правую руку, некромант попытался сотворить своё последнее заклинание, но ему и этого не дали сделать: седой чародей пнул его по запястью, заноса клинок. Теперь враг был повёрнут к нему лицом, не в состоянии хотя бы пошевелиться, и он попал точно в сердце, нанося тому финальный удар.

– Просыпайся, Калида. – Тон Ларлива не оставлял абсолютно никаких надежд на возможность понежиться под одеялом ещё несколько минут.

Волшебница открыла глаза и одарила генерала возмущённым взглядом: ей не понравилось, что он вошёл в её палатку, разбудил, а теперь ещё стоял и смотрел. А ведь на ней из одежды была только камиза, пусть лишь слегка прозрачная, но всё же приличный мужчина мог бы и отвести взгляд.

Однако его не волновали её формы, он явно был чем-то встревожен, и как ей показалось, даже немного рассеян в своих действиях.

– Что случилось? – Калида вылезла из-под одеяла и встала напротив него. Волнение воина стало передаваться и чародейке.

– Ты не знаешь где Альберийон? Часовые доложили, что видели, как он вчера вечером покинул лагерь вместе с Рогиром и Джебзэбел, но они так до сих пор и не вернулись. Может у него есть какой-то секретный план, о котором я не знаю? – Ларлив пожал плечами, с тревогой смотря в глаза собеседницы (исключительно в глаза, ни миллиметром ниже).

– Ты ведь его правая рука, если уж ты не заешь его планов, то откуда мне-то знать. – Чародейке тоже эта ситуация показалась странной; вдруг стало холодно и неудобно, она обхватила плечи, по спине пробежали мурашки.

– Да, но я не маг, а ушёл он с магами. Вот я и подумал, что может быть хотя бы ты в курсе. – Наследник рода Прасдам почесал затылок.

– Я знаю ещё меньше твоего Ларлив. – Освободив плечи, она опустила голову и принялась потирать указательным пальцем нижнюю губу, медленно вспоминая их вчерашний разговор (может она что-то упустила).

– И что нам теперь делать? – Протянул воин, уперев кулаки в бока. Благодаря разговору тревога отступила, и теперь он просто пытался понять, что происходит.

– Если бы Альберийон счёл необходимым поставить нас в известность о своих намерениях, то он бы это сделал. Но раз он ничего не сказал, значит так нужно. Просто продолжим

действовать согласно принятому на совете плану. Мы всегда доверяли его решениям, нет смысла сомневаться в них сейчас. – Калида тоже успокоилась: в её представлении учитель был сильнейшим из всех живущих на материке, вряд ли кто-то мог навредить ему.

– Пожалуй, я с тобой соглашусь. Поздно что-либо менять. Я пойду, а ты давай одевайся, всего через полчаса начнётся построение. – Сделав вежливый поклон, генерал стремительно вышел из шатра, широко распахивая занавески, которые не сразу запахнулись, а сперва впустили стуженый веер.

Утренняя прохлада пролетела над травой, окутав изящные стройные женские ножки, заставив те, зябко потереться друг о дружку. Калида с громким стоном потянулась и решила, что всё-таки Ларлив не прав: осталось не всего полчаса, а целых полчаса до построения, в которые ещё можно успеть, сладко поспать под мягким нежным одеялом и немножечко согреться.

Несмотря на своё желание поспать подольше, опоздать чародейке всё же не удалось: ровно через час уже вся, более чем четырёхтысячная армия Фендала, выстроилась под стенами Зеверта.

На шестидесяти метровых крепостных стенах, выложенных из белых камней, обтёсанных в большие блоки, стояло чуть меньше семи тысяч защитников города. Остроконечные крыши, покрытые обожжённой треугольной черепицей ла-

зурного цвета, возвышались за их спинами. Некоторые здания казались чуть ли не вдвое выше стен ограждающих город. Зеверт всецело оправдывал статус столицы – красивее поселение трудно было найти.

Осаждающие силы построились возле западного входа – самого большого, но и самого укрепленного. Створы ворот были сделаны не только из крепчайшего дуба, неоднократно пропитанного смолой; их ещё усилили стальными решётками, а также подъёмный мост всецело препятствовал доступу к входу. Ров здесь не заливали водой, на дно местные жители вкопали заострённые бревна, способные разорвать даже тело лошади, облачённой в бард, если та свалиться с обрыва. Впереди готовящейся к штурму армии верхом на конях, словно на картине, стояли всего три человека:

– Ну, так чего ты ждёшь, Ларлив? – Вимону не терпелось ворваться в бой.

– Да, Ларлив, чего стоим? В отсутствии Альберiona главный у нас ты. Так что кроме тебя никто приказ о наступлении нам не отдаст. – Конь под Калидой очень нервничал, он ещё не забыл, что произошло с хозяйкой в их прошлом сражении.

– Да как-то мне не с руки без него начинать. – Младший Прасдам вглядывался в людей на стене, надеясь найти там хоть одно знакомое лицо.

– Неудобно, Ларлив, срать в костёр, яйца пригорают. А здесь и сейчас ты наш предводитель, так что командуй, да-

вай! – Наёмник крепче сжал поводья.

– У меня плохое предчувствие. – Тихо протянул генерал.

– Что, боишься, снег пойдёт или гора посреди поля вырастет? Да что может пойти не так? Пока снами Калида, мы не проиграем, если вдруг что-то случится, она снова слетит с катушек и всё тут выжжет нахер. – Нерешительность друга уже начинала злить Вимона, свои слова он стал сопровождать широкими и резкими размахами рук, а также судорожной ухмылкой.

– Это всего лишь лёгкий мандраж перед битвой, не стоит так сильно доверять чувствам, они часто обманчивы. – Чародейка выдавила из себя какую-то странную гримасу, поглядывая на Ларлива.

Однако тот продолжал выискивать кого-то на стене среди вражеских рядов, игнорируя товарищей.

– Моя интуиция никогда меня не подводила, и сейчас не подвела. Посмотрите на стену внимательно, советчики. – Осторожным кивком он указал, куда должны быть направлены их взгляды.

На стене, прямо над воротами, появились две личности: Рогир и Джезэбел. Поднимались те очень медленно и довольно вальяжно, демонстрируя презрение, к бывшим боевым товарищам.

– Здравствуйте, друзья. Ларлив, поздравляю! Теперь ты главнокомандующий армиями Фендала. Ты давно мечтал об этом, и ты действительно достоин данной чести как никто

другой. – Ему приходилось кричать, поскольку они стояли далеко друг от друга, из-за этого его издевательский тон был плохо различим.

Но они достаточно хорошо были знакомы, чтобы по его жестикам понять, что он над ними насмехается. Самодовольно улыбаясь, Джезэбел стояла рядом, уперев руки в бока.

– Вот только не говори мне, будто бы и Альберион с вами. Я никогда в это не поверю. – Прасдам с трудом, но всё-таки сохранил хладнокровие, невзирая на такой неожиданный поворот событий.

– Тут ты прав, его здесь нет. Ну-у почти. – Ехидство старого мага стало более раздражающим и карикатурным.

– Вимон, любовь моя, присоединяйся к нам, ты ничего не должен этим людям. – Джезэбел вытянула руку вперёд, словно могла дотянуться до партнёра.

– Нет, милая. Я присягал на верность стране и королю, и не нарушу присяги даже ради тебя. То, что вы сделали аморально, я никогда не приму этого. – Холод пробежал по телу наёмника, как только он представил их сражение. Его жажда битвы тут же улетучилась.

– Хватит уже этих глупостей!!! Говори мне, где Альберион!!! Мне сказали, что лагерь вы покинули вместе с ним. Так, где он!!! – Нервы Калиды стали сдавать, волшебница выехала вперёд, едва не подойдя под обстрел лучников, но смогла вовремя остановиться.

– Так и знал, что ты не выдержишь, глупая девочка. – Коварная улыбка была заметна на его лице даже на таком расстоянии. – Но ты не волнуйся, хотя твоего суженого здесь и нет, однако, у меня есть для тебя послание от него.

Рогир поднял серый холщовый мешок и, размахивая им как пращой, швырнул его вперёд. Вопреки всем усилиям, докинуть до цели старик не смог. Чародейке пришлось слезть с лошади, оставив своё копьё рядом с ней, и на десять шагов приблизиться к городу оказавшись в зоне поражения лучников. Но те не спешили атаковать, они ждали приказа, который почему-то пока не давали.

Калида присела, и развязала шерстяные верёвки закрывающие мешок. Ткань крепко облепила часть содержимого; её воображение уже дорисовывало формы находящегося внутри. Она не хотела верить в это, она старалась думать только о хорошем, но реальность разбила её сердце на части.

– А-а-а. – Тонкий писк вырвался из неё. Всё что она смогла произнести в этот момент, так это звук, похожий на рыдание маленькой девочки.

Калида ожидала увидеть там голову одного из братьев, или может быть даже родителей, но она никак не предполагала, что хоть кто-то может лишиться головы Альберiona! Да, его кожа побледнела, глаза поблекли, а губы посинели, но всё равно волшебница легко узнала лицо учителя.

Слёзы опять потекли по щекам – обещание не плакать, вновь было нарушено. Тоска и боль овладели разумом, ещё

немного и она бы разрыдалась, прямо здесь на глазах у всей армии (даже двух армий). И вдруг, эмоций, как будто не стало, только что в ней разгорались ярость и обида, вкупе с обречённостью, а теперь всё это исчезло. Испарилось, улетучилось куда-то. Словно кто-то напомнил о том, что сейчас не время для панихид.

Вместе с чувствами исчезли и мечты, амбиции, желания – осталась только цель. Немая, мрачная и неприглядная, абсолютно убогая цель – намерение убить одного человека. Взгляд самопроизвольно упёрся в Рогира, именно что упёрся, будто тот стоял рядом, закрывая собой всё вокруг.

Совершенно забыв про окружающих, Калида медленно поднялась, оставив голову на земле и, продолжая буравить старого мага не моргающим взглядом, едва уловимо прошипела:

– Я любила его, он был для меня дороже жизни. А ты отнял его у меня!!!

Последнее предложение услышали все, как и её последующую речь:

– Я убью тебя, Рогир! Разорву на мелкие кусочки! Найду тебя, где бы ты ни скрывался! Найду и непременно уничтожу!!! – Выдала она истеричный крик, и её глаза заполнило голубое свечение, будто сами молнии обрели дом в её склепах. Энергия начала струиться вокруг неё, земля затрещала, словно едва удерживала вес волшебницы, небольшие камешки начали левитировать рядом с ней.

– Глупая девчонка, – Продолжал издеваться Рогир. – думаешь, позанималась магией пару лет и способна справиться со мной. Да я изучаю заклинания дольше, чем ты живёшь. Тебе со мной никогда не справиться.

– Мне плевать! – Махнула она рукой, словно выбрасывая его слова в мусор. Направляясь в одиночку на крепость. – Я загрызу тебя, если потребуется. Сделаю всё что угодно, придумаю тысячи планов, но убью тебя. И что бы ни произошло, тебе не жить. Ты хорошо слышишь меня? ТЫ ПОКОЙНИК!!!

Наконец лучники получили команду атаковать. Спустя три секунды полетел первый залп. Едва стрелы взмыли вверх, как тут же сторели: Калида испепелила их, всего одним заклинанием, для которого ей даже не потребовалось совершать сложных действий и концентрироваться.

– Твою мать! – Ларлив от гнева до боли сжал зубы. – Мы не можем оставить её одну, без прикрытия. Рогир ведь именно этого и добивается, неужели она это не видит. Ведь очевидно же, что это ловушка.

– Она молода и не опытна. Вряд ли в данный момент она понимает хоть что-то. – Вимон тоже был в ярости, но внешнее самообладание всё-таки сохранял.

– А НУ ТРУБИ НАСТУПЛЕНИЕ!!! – Рывкнул Прасдам горнисту стоящему чуть вдалеке, и молниеносно выхватил меч из ножен.

Тот от столь резкого тона едва не выронил горн. Хорошо,

что он держался на шее верёвкой, и горнист смог выполнить данный приказ незамедлительно; армия Фендала двинулась на штурм.

Второго залпа у лучников Ошиды не случилось – Калида одним огненным шаром взорвала крепостную стену перед собой, ту самую на которой стояли Рогир и Джебел. Грохот и землетрясение от взрыва оказались такими сильными, что лучники просто не смогли натянуть тетиву.

Во взрывающемся огромном облаке пыли, среди падающих обломков камней приземлился Рогир, окружённый защитным куполом. Рядом, с глухим и мягким звуком, упала Джебел: всё её тело было испещрено ссадинами и порезами, сломаны были десятки костей и свёрнута шея.

Старый чародей, смотря на изуродованное тело напарницы, лишь осуждающе покачал головой. Не успела поставить защитное заклинание; сразу видно полное отсутствие боевой практики – некоторым вещам просто невозможно научиться сидя в величественных стенах академий.

И всё-таки, невзирая на потери, план сработал более чем удачно: опасную чародейку удалось отделить от армии. Без опытных воинов рядом, даже с такой силой как у неё, она будет очень уязвима.

Убедившись, что Калида видит его, Рогир зашёл в строевые позади. Это было прямоугольное серо-зелёное двухэтажное здание. С узкими окнами из матового стекла, практически не пропускающими свет. А также двумя угловатыми

башнями, представляющими собой северный и южный входы, и острой покато́й крышей.

Именно здесь, за вечер, ему удалось подготовить несколько ловушек; именно тут он собирался разделаться со столь опасным врагом. Жаль, что Джезэбел ему в этой схватке не поможет, как он на то рассчитывал, но даже без поддержки, в этом доме, у него всё равно очень высокие шансы на победу.

Будь Калида опытней и хладнокровней, она бы просто разрушила это здание вместе с ненавистным магом внутри, а потом расшвыряла бы обломки и достала бы его тело. Но жажда мести требовала, чтобы предатель умирал у неё на глазах, она хотела увидеть его страх и то, как жизнь погаснет в нём.

Именно за этим опытный маг, прошедший не одну войну, старался разозлить чародейку как можно сильнее, чтобы она, за ним, как за приманкой, бездумно мчалась напрямик во все ловушки.

Едва юная волшебница прошла сквозь разлом в крепостной стене, как справа на неё уже выдвинулась фаланга копейщиков: плотные ряды солдат держащих прочные пики, длинную в два человеческих роста. Но Калида даже глазом не повела в их сторону. Простым движением кисти она обрушила на них башню, и дружный, крепкий строй завалило камнями; не оставив никому ни единого шанса на спасение. Со стальным взором и непоколебимой уверенностью в собственной непобедимости она вошла в то же самое здание с

двумя башнями.

Солнечного света попадало внутрь так мало, что полумрак поглотил её, едва она переступила порог. Держа в напряжении всё тело, готовая в любой момент сделать бросок, чародейка прокрадывалась вперёд словно кошка; шурясь и вертя головой по сторонам, нервно выискивая цель.

– Пришла в надежде свершить месть. – Насмешливый голос эхом отражался от поросших зелёной плесенью стен, абсолютно не давая понять, где находится его ехидный владелец.

– Мы ведь верили тебе, мы спасли тебя! И вот ты как нам отплатил?! Полным предательством! – Калида развернулась, рассчитывая увидеть врага за спиной.

– Я поступил так, как велел мне долг мага. Я убил некрманта. Ты знала, что Альберион владел некрмантией? – От пола начал подниматься туман, настолько густой, что в нём почти вязли руки (ещё немного и в этих облаках плавать можно будет) заполняя всё пространство, он полностью лишал возможности видеть хоть что-то. Ей оставалось полагаться только на слух.

– Мне абсолютно всё равно, до того какими знаниями он владел! Он не сделал мне ничего плохого. Он помогал мне, учил меня, заботился обо мне, а ты убил его! Мерзкая, мразь! – Эмоции снова набирали силу, ярость запирала разум в клетку, убеждая атаковать всё вокруг, но инстинкты заставляли слушать темноту.

– Не стоит так уж меня во всём винить. В конце концов, я не единственный кто поучаствовал в его убийстве. Ха-ха-ха. – Казалось, голос стал ближе, смех стал причинять ей боль, хотелось зажать уши или оглохнуть.

– Ты имеешь в виду Джебзэбел? Так её я уже убила. Остался только ты. – Она утихомирила эмоции и старательно напрягала слух, даже задерживала дыхание и сердцебиение, чтобы услышать больше.

– Нет, Калида, я подразумеваю тебя. Ты была главным залогом успеха нашего столь сложного и хитрого плана. – Волшебница смогла услышать, откуда говорит Рогир, но придя на то место, не обнаружила никого.

– О чём ты? Я не понимаю? Я бы никогда не предала Альберiona! Он был всем для меня, я любила его больше жизни! – Не выдержав, волшебница пустила несколько огненных шаров в пустоту, мгновенно скрывшихся в молочно-тусклой пелене немого тумана.

– Вспоминай, глупая девка, я ведь вчера не просто так надумил тебя пойти и признаться ему в любви, сказать ему напрямую, что ты чувствуешь. Ха-ха-ха. – Смех становился ещё более раздражительней. – Я прекрасно понимал, что если мы попытаемся вывести его из лагеря только вдвоём, он обязательно почувствует подвох и раскроет наш замысел. Но благодаря твоему признанию, Альберион был настолько рассеян, что без всяких вопросов пришёл за нами напрямиком в ловушку. Так что, как видишь, без твоего участия у нас бы

ничего не вышло. На тебе тоже его кровь, как и на всех нас.

Противный шёпот железной цепи, едкий вздох уставшего металла и глухой свист рассекаемого воздуха. Инстинкты повелели чародейке отпрыгнуть, та не стала противиться. На место где она стояла всего мгновение назад, обрушилась люстра, роскошная – свечей на сорок, вот только сделанная из дешёвого сплава. Хорошая сталь точно выдержала бы удар, но эта конструкция, рухнув на крепкий половой камень, разлетелась на детали, несколько из которых пролетели рядом с лицом Калиды, а какие-то врезались в её доспех.

– Ты верно, должна это узнать, твои чувства были взаимны. Он тоже любил тебя, и собирался после войны уехать вместе с тобой на юг, где вы жили бы в вашем поместье, наслаждаясь друг другом и морем. Альберион рассказал мне об этом прямо перед тем, как я вонзил меч ему в спину. Он был так жалок когда умирал, в тот момент в нём не было даже малейшего налёта того величия и той благородности, демонстрируемой им всегда. Твой принц как свинья захлёбывался собственной кровью, пока я вытирал об него свой меч. – Мерзкий чародей звучал так, словно говорил у самого её уха, но его там (конечно же) и близко не было.

– А-а-а!!! – Всё что смог придумать ещё не до конца заблудившийся рассудок. Ей нужно было как-то заглушить его речь: слова мага, причиняли такую боль, что хотелось вскрыть себе вены, лишь бы избавиться от мучений.

Она решила сжечь эти слова, будто те летали в возду-

хе сложенные из бумаги словно оригами; огонь закружился, разгораясь всё сильнее, набирая скорость, он поглощал мокрый, вязкий туман, поедая плесень со стен и пыль с подоконников. Затем пламя стало достаточно большим, чтобы пожрать ещё и мебель – огненный смерч плясал вокруг неё, заполняя всё больше и больше пространства.

Калида решила не искать кролика в лесу а просто спалить весь лес и ждать когда тот из него выскочит. Вот только Рогир даже и не думал убегать; план не был нарушен; всё продолжало идти так, как он на то рассчитывал – соперник был слишком предсказуем и порывист.

Пол под Калидой затрещал; из него вырвались каменные сталагмиты, прямо в сердце огненного торнадо. Чародейка едва успела отскочить назад, заострённая каменная глыба лишь слегка расцарапала нагрудник её доспеха, не причинив ни малейшего ущерба телу.

Однако это было лишь отвлечение, настоящая же атака последовала следом, незамедлительно: мощнейший поток закрученного ветра ударил слева, набросив на воительницу её собственное пламя – она горела от своего же собственного заклинания, будто сама магия предала её.

Левое плечо и предплечье мгновенно дали знать о себе раздирающей болью. Закусив губу, чтобы не закричать, волшебница быстро окатила доспех водным заклинанием – сталь защёлкала, но накал выдержала. Наплечник и перчатки не покрылись трещинами или проплавами, они сохрани-

ли целостность, хотя вряд ли теперь могли защищать как прежде. Но вот кожа точно понесла серьёзный ущерб, не смотря на слои брони и одежды. Она теперь нескоро сможет орудовать левой рукой, даже от простого шевеления пальцев в её глазах темнело, а клетки мозга готовы были совершить суицид. Однозначно, к её уродливым шрамам на спине, теперь добавятся ещё не менее отвратительные ожоги на левой руке: от ногтей и до самой шеи. Вот теперь её женская привлекательность окончательно утрачена, такое «зрелище» не одно платье не скроет – все мужчины будут разбегаться при виде неё на балу, а может ещё до него.

Стремление мести за любимого быстро заглушило как боль, так и скорбь по полностью сгнувшей красоте, которой она так гордилась всю свою жизнь. Убрав воздвигнутый вокруг себя барьер, защищающий от атак Рогира, который правда не давал атаковать и ей, ибо был непроницаем для заклинаний с обеих сторон, Калида приготовилась нанести свой следующий удар. Дым от сгоревшей мебели, плесени и раскалённых камней как раз практически совсем улетучился. И новое разрушительное заклинание уже молниеносно готовилось в её единственной функционирующей руке, стремительно набирая невероятную мощь.

Где-то внизу донёсся звук рвущейся на части, с податливостью бумаги, стали; хруст костей и чавкающее разрывание мягкой плоти. Калида опустила голову, и увидела торчащее из её груди ледяное копьё, способное пробивать ряды грани-

та. Старый маг вылез из стены, словно призрак в древних сказках.

– Опыт побеждает силу. – Прошептал он на ухо. – Глупо было рассчитывать одолеть меня. Я знаю о магии куда больше тебя, и в бою бывал чаще.

Копьё рассыпалось, и колдунья безвольно упала на колени, ноги отказались держать тело, и это всё что оставалось, дабы позорно не рухнуть на пол, словно принявшая поражение жертва. В ней ещё оставалось стремление сражаться, но вот оставалась ли жизнь?

– Дура, ты была обречена с самого начала. – Он начал обходить поверженную волшебницу смотря на её лицо. И остановился напротив, наслаждаясь триумфом своей безоговорочной победы.

Но тут, со скоростью промелькнувшей искры, плиты пола поднялись словно кобры. Сжав руки Рогира в каменные тиски, они размололи кости мощным ударом, и теперь перетирали их в мелкую крупу. Эти руки больше никогда не смогут даже ложку держать, не говоря уже о том, чтобы творить заклинания. Старый воин едва не потерял сознание от боли, но закалённое множеством ранений тело смогло удержать концентрацию рассудка. Тиски довольно быстро отпустили его.

– Ты совершенно прав, Рогир. – Донёсся голос из неоткуда. – Я действительно занималась магией всего несколько лет, но Альберин очень хороший учитель, а я способная ученица, мы многое изучили за годы проведённые вместе.

Рот сидевшей напротив волшебницы был закрыт, она даже не моргала, лишь слегка покачивалась. Затем, её тело растворилось, стены приобрели более яркий цвет, гарь стала чувствоваться явственней, звуки битвы доноситься отчётливей.

– Иллюзия. – Сквозь боль прошептал маг. – Но как ты успела освоить столь сложный аспект магии?! Даже я смог изучить подобное не так давно?!

В развеявшейся пелене Калида материализовалась прямо перед ним.

– Даже сейчас, ты и близко не представляешь границ моего могущества. Я действительно смогла научиться у него многому.

Рогир обратил пристальное внимание на левую руку колдуньи: та была плотно прижата к телу, а доспехи на ней покрыты копотью.

(Всё-таки моё заклинание угодило в неё, значит иллюзию она создала после того как себя потушила. Проклятье! И как я только мог этого не заметить?! Я просто не предполагал что она способна на подобное.)

– Ты угроза для этого мира, тебя нужно уничтожить. Ты станешь погибелью для миллионов людей. – Седой волшебник не говорил это со злостью, он просто (как ему казалось) констатировал факт.

– Сейчас я угроза только для тебя. – С ненавистью прошипела она.

Потоки сжатого воздуха ударили в грудь и лицо Рогирю, отшвырнув того назад. На своей пятой точке он проскользил метров девять не меньше, проскользил бы и больше, но каменная стена остановила его, врезавшись в спину словно молот. Сознание всё ещё сохраняло слабую искру бодрствования.

– Где его тело? Ответь мне и твоя смерть будет быстрой. – Нервным шагом она приближалась к нему.

– К чему мне его тело, нужна была только голова.

В ладонке Калиды загорелось заклинание, и она прижала пламенную десницу к его щеке. Отчаянный крик боли вырвался у него из нутра вместе с кровью; маг не мог даже пошевелиться – всё, что ему оставалось, это терпеть или сдаться. Запах палёной плоти и дым устремлялись от его лица к потолку.

– ГДЕ ОН?! – Пыталась она перекричать волшебника. Но лишь спустя пару мгновений решила, что эффективней будет убрать руку и дать тому отдышаться.

– Тебе-то что за дело? Думаешь устроить ему пышные похороны с почестями, цветами и памятником? Он такого не заслуживает, он мерзкая падаль, некромант.

– Где его тело?! – Вновь закричала она и ударила старика разрядами молний.

– Ты, действительно, думаешь, что я забрал его с собой? Да на кой оно мне! Я оставил его валяться там же, где отрубил ему голову. – Рогир взял короткую паузу, чтобы переве-

сти дух. А затем начал говорить, смеясь, словно его охватили предсмертное безумие или предсмертная агония. – Падальщики уже, наверное, обглаживают его косточки, тебе нечего будет хоронить. Лишь тень послужит ему надгробным камнем.

С яростным криком Калида врезала ему по лицу кулаком, окутанным огненным шаром, затем ударила его второй раз только ещё сильнее. Третьего удара ей не потребовалось: его организм больше не выдержал повреждений и отпустил жизнь томившуюся внутри. Поняв, что дуэли конец, чародейка сожгла тело предателя, чтобы тот точно не смог ударить ей в спину, после чего решительной походкой направилась к выходу, в бушующий битвой город – требовалось покончить с этой войной. И она будет в ней главным оружием.

Эпилог. Герой.

Триста двадцать девятый год стартовал чересчур радикально и неприветливо: став самым холодным началом года за всю историю. Даже здесь, в столице, хотя бы пару раз в неделю выпадал снежок – растаивающий сразу после падения на землю. Но даже эта жалкая пародия снегопада была на крайнем юге континента зрелищем невероятно редким, а оттого очень пугающим. Однако, в конце января, невзирая на не привычный для них холод, жители Виргана собрались в парке ради очень важного события: война полгода как закончилась, и весь материк стал собственностью одного человека, а все народы подданными одного господина.

Именно в честь этого «происшествия», сегодня, в главном парке, размеры которого позволяли вместить совершенно всех горожан, выступал монарх. Стоя за кончельжной трибуной, он бросал взгляды поверх голов подданных, громко донося до них фразы, вырванные из книг, выдерживая бескомпромиссный тон и жестикулируя, словно каждое слово высекал в граните, что незыблемым клеймом пройдёт сквозь ткань времени.

Позади правителя, находилось колоссальное по своим амбициям сооружение, превосходившее ростом старейшие деревья этого тысячелетнего парка. Скрывал «гиганта» тэн, удерживаемый слугами при помощи нескольких канатов.

– ... и пусть этот день войдёт в историю, как день когда сбываются все наши даже самые смелые мечты. Ибо то, о чём мечтал ещё мой дедушка, наконец-то свершилось, мне удалось воплотить в жизнь его главную цель – создать единый мир. От залива Асив до Рисового моря, от мыса Юдар до полуострова Мортига, всё это теперь единая страна и единый народ проживает в ней. Но это было бы не возможно без жертв тысяч людей, положивших свои жизни ради сегодняшнего момента. Ради нашего общего благополучия. – Киллиан махнул рукой, и прислуга легонько потянула за канаты; ткань упала, открыв взору высеченную из белого камня скульптуру воина в латах, крепко держащего щит с королевским гербом и вздымающего меч, вместо лица каменному солдату сделали шлем с опущенным забралом. – Героизм солдат, рыцарей и генералов ни останется забытым в веках, ни пропадёт в суматошном калейдоскопе времён. Эта статуя будет стоять вечно, как и мы будем вечно помнить их великий подвиг. Приходя к власти, я пообещал, что принесу в Фендал мир и процветание. Так вот мир уже настал, и теперь время приступить ко второму обещанию. И я уже подписал указ об отмене некоторых налогов, в дальнейшем планирую уменьшить взимаемую сумму с остальных...

– Он что, так и будет всё я, да я? Неужели не скажет ни слова об Альберione? – Калида слегка наклонилась, чтобы её слова услышал только Рогир.

– А с чего ему упоминать учителя? – Он тоже старался

говорить шёпотом.

– Но ведь мы победили только благодаря ему! – Она поправила сбившиеся от ветра волосы, и в недовольстве церемонией хмурила брови.

– Победили мы только благодаря тебе, Калида, а Альберион совершил кучу ошибок, из-за которых он и расстался с жизнью. – Наёмник свёл руки вместе, от волнения потирая правое запястье.

– Он рискнул, пытаюсь уменьшить количество жертв в этой войне. Подобное достойно уважения и упоминания в истории, не говоря уже про речь короля! – Чародейка грозно прищурилась, готовая сжечь здесь всё.

– Рискнул и проиграл. Если бы не ты, то возможно сейчас бы другой король гласил с трибуны. – Он кивнул в сторону монарха, склонив голову над её правым плечом. Осторожно поглядывая по сторонам, чтобы убедиться, что их совершенно точно никто не слышит.

– У меня больше нет ни малейшего желания здесь находиться. – Люди перед ними неуверенно заворошились, улавливая шёпот позади.

– И куда ты теперь отправишься, и главное что собираешься делать дальше? – Недоумение на его лице прочиталось абсолютно легко.

– Альберион оставил мне инструкции на случай своей смерти. Именно их выполнением я и займусь. – Развернувшись, Калида пошла прочь сквозь толпу. Её ждало долгое

путешествие впереди, и сложнейшие уроки волшебства, которые теперь ей придётся постигать самостоятельно, а также невероятные открытия о происхождении мира магии. Ей предстояло преодолеть то, с чем никто никогда не сталкивался.